
И 293/37
21.

Г. В—чъ.

РАЗРУХА 1825 года.

Часть первая.

Съ четырьмя рисунками.

Г. В—чъ.

РАЗРУХА 1825 года.

Часть первая.

Съ четырьмя рисунками на мѣловой бумагѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1908.

Типографія «Сѣверъ», Спб., Садовая, 60.

I.

Тайна о преемникѣ Александра I.

Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ моментовъ въ исторіи декабристовъ и исторіи конституціоннаго движенія въ Россіи прошлаго вѣка, безъ сомнѣнія, является декабрьское возстаніе войскъ въ Петербургѣ и на югѣ, возстаніе, закончивше новое русское междуцарствіе, когда Россія вторично должна была пережить всѣ тревоги неизвѣстности въ участи верховной власти.

На этотъ разъ междуцарствіе поставило вопросъ, *кому* изъ двухъ братьевъ занять русскій тронъ, но извѣстная часть русскаго общества, воспользовавшись неопредѣленностью, связала съ нимъ другой вопросъ, на *какихъ условіяхъ* отдать этотъ тронъ младшему брату, Николаю.

Первый вопросъ явился совершенно неожиданно, уже послѣ того, какъ онъ былъ рѣшенъ заинтересованными лицами, отъ которыхъ рѣшеніе это зависѣло. И Александръ задолго до своей смерти, и Константинъ задолго до возможности занять тронъ, и, наконецъ, Николай, сверхъ всякаго собственнаго ожиданія, согласились по-родственному распорядиться судьбою русскаго трона и, стало быть, судьбою русскаго государства и отдать его во власть младшаго брата, Николая. И, однако, какъ это ни странно, вопросъ снова былъ поднятъ именно этимъ послѣднимъ.

И намъ, прежде чѣмъ говорить о возникновеніи второго вопроса и его разрѣшеніи, нужно сначала прослѣдить нѣкоторыя подробности этого русскаго междуцарствія, такъ какъ съ нимъ тѣсно связанъ ходъ послѣдующихъ событій; намъ нужно посмотрѣть, заранѣе скажемъ, всю странность поведенія упомянутыхъ уже здѣсь лицъ.

Желаніе Александра Павловича отречься отъ престола еще тогда, когда русскій тронъ не принадлежалъ ему и даже тогда, когда онъ уже правилъ Россіею, какъ неограниченный самодержецъ, было извѣстно многимъ русскимъ и за границею.

Даже находять въ апогеѣ своей славы и могущества, до котораго могъ только достичь самодержавный властитель, Александръ, казалось, ни на минуту не покидалъ этой мысли. Являясь центральной фигурой европейской политики и будучи полнымъ владыкой многочисленнаго народа, онъ, казалось, тяготился отвѣтственностью своего положенія, непосильною ношею, возложенною на его плечи.

Къ этому присоединялись чисто личные мотивы, въ видѣ воспоминаній кошмарной ночи 11-го марта, и въ видѣ мистическо-религіознаго настроенія, навѣяннаго госпожею Крюденеръ.

Чтобы подтвердить сказанное, достаточно припомнить слова Александра, сказанныя имъ въ 1818-омъ году прусскому епископу Эйлерту: „Пожаръ Москвы, — сказалъ Александръ,—просвѣтилъ мою душу, а судъ Божій на оледенѣлыхъ поляхъ битвъ наполнилъ мое сердце такою теплотою вѣры, какой я до тѣхъ поръ не ощущалъ. Тогда я познал Бога, какъ открываетъ его св. писаніе; съ тѣхъ поръ только я понялъ и понимаю волю и законъ его, и во мнѣ созрѣла твердая рѣшимость посвятить себя и свое царствованіе Его имени и славѣ“ [1]).

Черезъ годъ онъ говорилъ изумленной четѣ, Николаю Павловичу съ супругою: „Что касается меня, то я рѣшился отказаться отъ лежащихъ на мнѣ обязанностей и удалиться отъ міра. Европа теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, нуждается въ монархахъ молодыхъ, вполнѣ обладающихъ энергіей и силой, а я уже не тотъ, какимъ былъ прежде, и считаю долгомъ удалиться во-время“ [2]). Наконецъ у насъ свидѣ-

---

[1]) Баронъ Корфъ—Восшествіе на престолъ Императора Николая I. Спб. 1857 г., стр. 1—2.

[2]) Изъ записокъ Имп. Александры Өеодоровны. Истор. Вѣстникъ 1907 г. іюль, 34 стр.

тельство принца Оранскаго, пріѣзжавшаго въ Петербургъ въ 1825 году, о томъ, что Александръ Павловичъ и ему открылъ свои мечты объ удаленіи отъ русскаго трона.

„Принцъ,—пишетъ Корфъ,—ужаснулся. Въ порывѣ пламеннаго сердца, онъ старался доказать, сперва на словахъ, потомъ даже письменно, какъ пагубно было бы для Россіи осуществленіе такого намѣренія.....“ [1]).

Это рѣшеніе Александра осложнялось такимъ же рѣшеніемъ его наслѣдника и *Цесаревича*, Константина Павловича.

Уже нѣсколько дней спустя, послѣ убійства своего отца, Павла I, Константинъ выразилъ рѣшеніе никогда не вступать на русскій престолъ. Въ разговорѣ съ Саблуковымъ Константинъ торжественно заявилъ: „Послѣ того, что случилось, братъ мой можетъ царствовать, если хочетъ, но если-бы престолъ достался мнѣ когда-нибудь, то я, конечно, никогда его не приму“ [2]).

Это рѣшеніе современемъ подкрѣпилось другими событіями личной жизни Константина. Такъ, 20-го марта 1820-го года бракъ его съ в. к. Анною Ѳеодоровною былъ расторгнутъ и въ этотъ же день былъ изданъ манифестъ, гдѣ говорилось, что лица царской фамиліи, вступая въ бракъ съ лицами, не принадлежащими къ царствующему или владѣтельному дому, не даютъ имъ права императорской фамиліи, а дѣти ихъ не имѣютъ права на наслѣдованіе престола.

Несмотря на это, великій князь 12-го мая того же года женился на графинѣ Грудзинской, которой необнародованнымъ манифестомъ былъ дарованъ титулъ *свѣтлости*, княгини Ловичъ.

Казалось этотъ опредѣленный поступокъ *Цесаревича* не оставлялъ никакого сомнѣнія насчетъ его дальнѣйшей судьбы; но когда потребовалось на дѣлѣ примѣнить этотъ манифестъ, то всѣ какъ будто о немъ забыли, хотя путь къ трону для *Цесаревича* Константина былъ имъ отрѣзанъ.

---

[1]) Баронъ Корфъ, 31—2 стр.

[2]) Записки Саблукова; напечатаны въ Истор. Вѣстн. въ 1906 г. и въ отдѣльномъ томѣ «Цареубійство 11-го марта». Цитируемъ изъ Шильдера—Императоръ Николай I-ый Т. I. стр. 134. Спб. 903 г.

Но, какъ бы желая еще болѣе его отрѣзать, Константинъ сдѣлалъ *формальное* и *добровольное* отреченіе, къ сожалѣнію и бѣдствію многихъ, оставшееся неизвѣстнымъ и необнародованнымъ до 1825 года.

Однако оно было давно обдумано, тщательно обсуждено и своевременно оформлено.

Такъ, еще лѣтомъ 1819-го года между императоромъ Александромъ и его братомъ, Николаемъ, происходилъ чрезвычайно важный и интересный для насъ разговоръ по вопросу о престолонаслѣдіи. Онъ происходилъ въ Красномъ Селѣ 13-го іюля. Вотъ какъ его передаетъ одинъ изъ участниковъ его, именно в. кн. Александра Ѳеодоровна. Государь, сидя послѣ обѣда и дружески бесѣдуя, вдругъ измѣнился и очень серьезнымъ тономъ началъ говорить, что онъ очень доволенъ успѣхами брата по службѣ, что этимъ обрадованъ вдвойнѣ, такъ какъ современемъ на Николаѣ будетъ лежать большое бремя, какъ его замѣстителя (remplacant), и что это совершится при жизни императора. „Мы сидѣли, какъ окаменѣлые, широко раскрывъ глаза, не будучи въ состояніи произнести ни слова“. Государь продолжалъ: „Кажется, вы удивлены; такъ знайте же, что мой братъ Константинъ, который никогда не заботился о престолѣ, рѣшилъ нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, формально отказаться отъ него, передавъ свои права брату своему Николаю и его потомству. Что же касается меня, то я рѣшилъ отказаться отъ лежащихъ на мнѣ обязанностей и удалиться отъ міра. Европа теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, нуждается въ монархахъ молодыхъ и обладающихъ энергіей и силой, а я уже не тотъ, какимъ былъ прежде и считаю долгомъ удалиться во-время“.

„Видя, что мы были готовы разрыдаться, онъ постарался утѣшить насъ, успокоить, сказавъ, что все это случится не тотчасъ, что, можетъ быть, пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ прежде, нежели онъ приведетъ въ исполненіе свой планъ; затѣмъ онъ оставилъ насъ однихъ. Можно себѣ представить, въ какомъ мы были состояніи. Никогда ничего подобнаго не приходило мнѣ въ голову даже во снѣ; насъ точно громомъ поразило; будущее казалось мрачнымъ и не-

доступнымъ для счастья. Это былъ достопамятный моментъ въ нашей жизни".

Еще болѣе подробно этотъ разговоръ со всѣми его особенностями передаетъ намъ самъ Николай Павловичъ въ собственныхъ запискахъ.

„Разговоръ во время обѣда—пишетъ онъ—былъ самый дружескій, но принялъ вдругъ самый неожиданный для насъ оборотъ, *потрясшій навсегда мечту нашей спокойной будущности* [1]). Вотъ въ краткихъ словахъ смыслъ сего достопамятнаго разговора. Государь началъ говорить, что онъ съ радостью видитъ наше семейное блаженство (тогда былъ у насъ одинъ старшій сынъ Александръ, и жена моя была беременна старшею дочерью Маріею), что онъ счастія сего никогда не зналъ, виня себя въ связи, которую имѣлъ въ молодости, что ни онъ, ни братъ его, Константинъ Павловичъ, не были воспитаны такъ, чтобы умѣть оцѣнить въ молодости сіе счастіе, что послѣдствія для обоихъ были, что ни одинъ ни другой не имѣли дѣтей, которыхъ бы признать могли, и что сіе чувство самое для него тягостное.

„Что онъ чувствуетъ, что силы его ослабѣваютъ; что въ нашемъ вѣкѣ государямъ, кромѣ другихъ качествъ, нужна физическая сила и здоровье для перенесенія большихъ постоянныхъ трудовъ, что скоро онъ лишится потребныхъ силъ, чтобы по совѣсти исполнять свой долгъ, какъ онъ его разумѣетъ и что потому онъ рѣшился, ибо сіе считаетъ долгомъ, отречься отъ правленія съ той минуты, когда почувствуетъ сему время. Что онъ неоднократно говорилъ о томъ брату Константину Павловичу, который былъ однихъ съ нимъ почти лѣтъ, въ тѣхъ же семейныхъ обстоятельствахъ, при томъ, имѣя природное отвращеніе къ сему мѣсту, рѣшительно не хочетъ ему наслѣдовать на престолѣ, тѣмъ болѣе, что они оба видятъ въ насъ знакъ благодати Божіей, дарованнаго намъ сына. Что поэтому мы должны знать напередъ, что мы призываемся на сіе достоинство.

„Мы были поражены, какъ громомъ, въ слезахъ, въ рыданіи отъ сей ужасной, неожиданной вѣсти; мы молчали.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

Наконецъ, Государь, видя, какое глубокое, терзающее впечатлѣніе слова его произвели, сжалился надъ нами и съ ангельскою, ему одному свойственною, ласкою началъ насъ успокаивать и утѣшать, начавъ съ того, что минута сему ужасному для насъ перевороту еще не настала и не такъ скоро настанетъ; что, можетъ быть, лѣтъ десять еще до оной, но что мы должны заблаговременно только привыкнуть къ сей будущности неизбѣжной.

„Тутъ я осмѣлился ему сказать, что себя никогда на это не готовилъ и не чувствую въ себѣ ни силъ, ни духу на столь великое дѣло; что одна мысль, одно желаніе было служить ему отъ всей души и силъ и разумѣнія моего, въ кругу порученныхъ мнѣ должностей; что мысли мои даже дальше не достигаютъ.

„Дружески отвѣчалъ онъ мнѣ, что, когда вступилъ на престолъ, онъ въ томъ же былъ положеніи; что ему было тѣмъ еще труднѣе, что нашелъ дѣла въ совершенномъ запущеніи отъ совершеннаго отсутствія всякаго правила и порядка въ ходѣ правительственныхъ дѣлъ, ибо хотя при императрицѣ Екатеринѣ въ послѣдніе годы порядка было мало, но все держалось еще привычками, но при восшествіи на престолъ родителя нашего совершенное измѣненіе прежняго вошло въ правило, весь прежній порядокъ нарушился, не замѣняясь ничѣмъ. Что съ восшествія на престолъ государя по сей части много сдѣлано къ улучшенію, и всему дано законное теченіе, и что потому я найду все въ порядкѣ, который мнѣ останется только удерживать.

„Кончился сей разговоръ, государь уѣхалъ, и мы съ женою остались въ положеніи, которое уподобить могу только тому ощущенію, которое должно поразить человѣка, идущаго спокойно по пріятной дорогѣ, усѣянной цвѣтами и съ которой всегда открываются пріятные виды, когда вдругъ разверзается подъ ногами пропасть, въ которую непреодолимая сила ввергаетъ его, не давая отступить или воротиться,—вотъ совершенное изображеніе нашего ужаснаго положенія“ [1]).

[1]) Разговоръ этотъ приведенъ въ выдержкахъ изъ записокъ Николая барономъ Корфомъ и Шильдеромъ.—Николай I, стр. 121—3.

Подобному признанію легко повѣрить, если знать, что Николай Павловичъ до сихъ поръ ничѣмъ не занимался, кромѣ фронта, а въ дѣлахъ управленія, тѣмъ болѣе государственныхъ, нисколько не смыслилъ; больше того, до 1818 года онъ не несъ никакой службы [1]).

„До 1818 года, -пишетъ самъ Николай Павловичъ, — не былъ занятъ я ничѣмъ; все мое знакомство со свѣтомъ ограничивалось ежедневнымъ ожиданіемъ въ переднихъ или секретарской комнатѣ, гдѣ, подобно биржѣ, собирались ежедневно въ 10 часовъ все г.г. генералъ-и флигель-адъютанты, гвардейскіе и пріѣзжіе генералы и другія знатныя лица, имѣвшія допускъ къ государю. Въ семъ шумномъ собраніи проводили мы иногда часъ, иногда и болѣе, доколѣ не призывали къ государю военнаго генералъ-губернатора съ комендантомъ,и вслѣдъ за ними всѣ генералъ-адъютанты и полковые адъютанты съ рапортами, и мы съ ними, и представлялись фельдфебеля и вѣстовые.

„Отъ нечего дѣлать вошло въ привычку, что въ семъ собраніи дѣлались дѣла по гвардіи; но большей частью время проходило въ шуткахъ и насмѣшкахъ насчетъ ближняго, бывали и интриги, въ то же время вся молодежь, адъютанты, а часто и офицеры, ждали въ коридорахъ, теряя время или употребляя оное для развлеченія, почти не щадя ни начальства, ни правительства.

„До сего я видѣлъ и не понималъ; сперва родилось удивленіе, наконецъ и я смѣялся; потомъ началъ замѣчать, многое видѣлъ, многое понялъ, многихъ узналъ и въ рѣдкомъ обманулся“ [2]).

И вдругъ послѣ подобнаго провожденія въ передней, хотя бы и той, гдѣ „дѣлались дѣла гвардіи“, и за дверью которой вершилась судьба Россіи, вдругъ ему самому предлагаютъ войти въ эти двери и самому такъ же самодержавно вершить, „нести тяжкое, по словамъ Корфа, -грозно отвѣтственное передъ совѣстью и Богомъ, бремя владычества надъ огромнѣйшею державою въ мірѣ“!..

---

[1]) Родился онъ въ 1796 году.

[2]) Шидлеръ—тамъ же, 148—9 стр.

Есть отъ чего закружиться головѣ!..

Результатомъ разговора съ Александромъ, однако, оказались одни намеки, которые дѣлалъ послѣдній „про сей преметъ, но не распространяясь болѣе объ ономъ, а мы всячески старались избѣгать онаго“ [1]). Это тѣмъ болѣе странно, что разговоръ происходилъ послѣ цѣлаго ряда обсужденій и рѣшеній, какъ со стороны императора, такъ и со стороны его *наслѣдника*, Константина.

Въ этомъ утверждаютъ поведеніе послѣдняго съ Николаемъ Павловичемъ, который въ Варшавѣ былъ принимаемъ братомъ съ царскими почестями, и откровенное признаніе, которое было сдѣлано *наслѣдникомъ* Михаилу Павловичу. Въ 1821 году, когда послѣдній гостилъ у брата въ Варшавѣ, во время прогулки, Константинъ вдругъ обращается и говоритъ: „Ты знаешь мою довѣренность къ тебѣ; я хочу явить новое ея доказательство, открывъ тебѣ великую тайну моей души. Не дай Богъ, чтобъ насъ постигло какое-нибудь величайшее несчастье, какое только можетъ разразиться надъ Россіею: потеря государя; но еслибъ этому суждено было случиться при моей жизни, я далъ себѣ святой обѣтъ отказаться навсегда и невозвратимо отъ наслѣдственныхъ мнѣ правъ. Я, во-первыхъ, слишкомъ чту, уважаю и люблю государя, чтобы вообразить себя иначе, какъ съ прискорбіемъ и даже ужасомъ на томъ престолѣ, который прежде былъ занятъ имъ, и, во-вторыхъ, я женатъ на женщинѣ, которая не принадлежитъ ни къ какому владѣтельному дому, и, что еще болѣе, на полькѣ; слѣдственно нація не можетъ имѣть ко мнѣ необходимой довѣренности, и отношенія наши всегда останутся двусмысленными. Итакъ, я твердо положилъ уступить престолъ брату Николаю, и ничто не поколеблетъ этой зрѣло обдуманной рѣшимости“.

---

[1]) Записки Николая. Шильдеръ, тамъ же 123 стр. Михайловскій-Данилевскій передаетъ, что «съ 1819 года великій князь Николай Павловичъ началъ присутствовать въ кабинетѣ императора Александра при всѣхъ докладахъ военныхъ и гражданскихъ». Но Шильдеръ это присутствіе связываетъ съ учрежденіемъ инженернаго училища. Дѣйствительно, странно, почему самъ Ник. Павл. не упоминаетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ, хотя довольно подробно говоритъ о своей служебной карьерѣ.

Тутъ же непремѣнно слѣдовала просьба о тайнѣ, въ которой надо было беречь эту откровенность. „Покамѣстъ,— продолжалъ К. П.,—она должна остаться въ глубокой между нами тайнѣ; но когда впередъ у тебя будетъ рѣчь объ этомъ съ братомъ Николаемъ, завѣрь его моимъ словомъ, что я ему вѣрный и ревностный слуга до гроба, вездѣ, гдѣ онъ захочетъ меня употребить" [1]).

По пріѣздѣ въ Петербургъ зимой 1821—2 г.г. Константинъ Павловичъ настоялъ у императрицы Маріи Θеодоровнѣ и Александра I покончить вопросъ о его наслѣдованіи, тяготившій его. Въ январѣ 1822 года, поздно вечеромъ, возвращаясь послѣ ужина съ в. к. Михаиломъ въ свой мраморный дворецъ, *Цесаревичъ* сказалъ: „Помнишь ли ты нашъ разговоръ въ Варшавѣ? —сегодня вечеромъ все кончилось; я объявилъ государю и матушкѣ мои намѣренія и мою неотложную рѣшимость. Они поняли и оцѣнили ихъ, и государь обѣщалъ составить о всемъ томъ актъ, который будетъ помѣщенъ въ четырехъ экземплярахъ; но актъ этотъ будетъ содержимъ въ глубокой тайнѣ и огласится только тогда, когда настанетъ для того нужная пора" [2]).

Къ составленію „акта" дѣйствительно скоро приступилъ самъ Александръ и дѣлу „была положена оффиціальная основа". Константиномъ было написано слѣдующее письмо отъ 14-го января 1822 года:

„Всемилостивѣйшій Государь! Обнадеженъ опытами неограниченнаго благосклоннаго расположенія вашего императорскаго величества ко мнѣ, осмѣливаюсь еще разъ прибѣгнуть къ оному, и изложить у ногъ вашихъ, всемилостивѣйшій Государь! всенижайшую просьбу мою.

„Не чувствуя въ себѣ ни тѣхъ дарованій, ни тѣхъ силъ, ни того духа, чтобъ быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, къ которому по рожденію моему могу имѣть право, осмѣливаюсь просить вашего императорскаго величества передать сіе право тому, кому оно принадле-

---

[1]) Разсказъ великаго князя записанъ барономъ Корфомъ. См. Восшествіе на престолъ Николая I, стр. 13—14; перепечатанъ Шильдеромъ.

[2]) Корфъ—тамъ же, 16 стр.

житъ послѣ меня, и тѣмъ самымъ утвердить на всегда непоколебимое положеніе нашего государства. Симъ могу я прибавить еще новый залогъ и новую силу тому обязательству, которое далъ я непринужденно и торжественно при случаѣ развода моего съ первою моею женою. Всѣ обстоятельства моего нынѣшняго положенія меня наиболѣе къ сему убѣждаютъ и будутъ предъ государствомъ нашимъ и всѣмъ свѣтомъ новымъ доказательствомъ моихъ искреннихъ чувствъ.

„Всемилостивѣйщій Государь! Примите просьбу мою благосклонно и испросите на оную согласіе всеавгустѣйшей родительницы нашей и утвердите оную вашимъ императорскимъ словомъ. Я же потщусь всегда, поступая въ партикулярную жизнь, быть примѣромъ вашихъ вѣрноподданныхъ и вѣрныхъ сыновъ любезнѣйшаго государства нашего“ [1]).

Кажется послѣ всѣхъ переговоровъ, условій и сношеній не могло быть никакихъ замедленій въ благосклонномъ отвѣтѣ Александра, однако онъ послѣдовалъ лишъ спустя двѣ недѣли съ лишкомъ, именно 2-го февраля того же года. Онъ писалъ:

„Любезнѣйшій братъ! Съ должнымъ вниманіемъ читалъ я письмо ваше; умѣвъ цѣнить всегда возвышенныя чувства вашей души, сіе письмо меня не удивило. Оно мнѣ дало новое доказательство искренней любви вашей къ государству и попеченія о непоколебимомъ спокойствіи онаго.

„По вашему желанію, предъявилъ я письмо сіе любезнѣйшей родительницѣ нашей. Она его читала, съ тѣмъ же, какъ и я, чувствомъ признательности къ почтеннымъ побужденіямъ, васъ руководствовавшимъ.

„Намъ обоимъ остается, уваживъ причины, вами изъясненныя, дать полную свободу вамъ слѣдовать непоколебимому рѣшенію вашему, прося всемогущаго Бога, дабы онъ благословилъ послѣдствія столь чистѣйшихъ намѣреній.

---

[1]) Интересна подпись на этомъ письмѣ: «Есмь съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ всемилостивѣйшій Государь вашего императорскаго величества вѣрнѣйшій подданный и братъ Константинъ цесаревичъ». На немъ скрѣпа Александра: «Съ подлиннымъ вѣрно: Александръ».

„Пребываю на вѣкъ душевно васъ любящій братъ" [1].

„Но одними письмами семейными, пишетъ Корфъ, не могъ быть измѣненъ основной законъ имперіи"; для этого, по его пониманію, требовался манифестъ, какъ-будто, по семейному составленный, накрѣпко запрятанный, онъ могъ чѣмъ-нибудь отличаться отъ семейнаго письма и какъ-будто онъ не одинаково нарушалъ основной законъ.

Очевидно Александръ, подобно Корфу, также находилъ различіе и приступилъ въ строжайшей тайнѣ къ составленію манифеста. Единственными повѣренными и помощниками его были Аракчеевъ, кн. Голицынъ и митрополитъ Филаретъ; послѣдній и былъ авторомъ манифеста, собственноручно исправленнаго Александромъ и подписаннаго 16 августа 1823 года. Вотъ текстъ этого любопытнаго документа:

„Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ. Съ самаго вступленія Нашего на Всероссійскій Престолъ, непрестанно Мы чувствуемъ себя обязанными предъ вседержителемъ Богомъ, чтобы, не только во дни Наши охранять и возвышать благоденствіе возлюбленнаго намъ отечества и народа, но также предуготовить и обезпечить ихъ спокойствіе и благосостояніе послѣ насъ, чрезъ ясное и точное указаніе Преемника Нашего, сообразно съ правами Нашего Императорскаго Дома и съ пользами Имперіи. Мы не могли, подобно предшественникамъ Нашимъ, рано провозгласить его по имени, оставаясь въ ожиданіи, будетъ ли благоугодно невѣдомыхъ судьбамъ Божіимъ даровать Намъ наслѣдника престола въ прямой линіи. Но чѣмъ далѣе протекаютъ дни Наши, тѣмъ болѣе поспѣшаемъ Мы поставить Престолъ Нашъ въ такое положеніе, чтобы онъ ни на мгновенье не могъ остаться празднымъ.

„Между тѣмъ, какъ Мы носили въ сердцѣ нашемъ сію священную заботу, Возлюбленный Братъ Нашъ Цесаревичъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ, по собственному

---

[1]) Подписано «Александръ», и скрѣплено «Вѣрно: Константинъ Цесаревичъ». Письма эти приведены Корфомъ и Шильдеромъ, а недавно напечатаны въ изданіи Саблина: «*Декабристы*» М. 1906 г., ч. I р. 99—100 стр.

внутреннему побужденію, принесъ Намъ просьбу, чтобы право на то достоинство, на которое онъ могъ бы нѣкогда быть возведенъ по рожденію своему, предано было тому, кому оное принадлежитъ послѣ Него. Онъ изъяснилъ при семъ намѣреніе, чтобы такимъ образомъ дать новую силу дополнительному акту о наслѣдованіи Престола, постановленному нами въ 1820 году, и имъ, поколику то до него касается, непринужденно и торжественно признанному.

„Глубоко тронуты мы сею жертвою, которую Нашъ Возлюбленный Братъ, съ такимъ забвеніемъ своей личности, рѣшился принести для утвержденія родовыхъ постановленій Нашего Императорскаго Дома и для непоколебимаго спокойствія Всероссійской Имперіи.

„Призвавъ Бога въ помощь, размысливъ зрѣло о предметѣ столь близкомъ къ Нашему сердцу и столь важномъ для государства, и находя, что существующія постановленія о порядкѣ наслѣдованія Престола, у имѣющихъ на него право не отъемлютъ свободы отрещись отъ сего права въ такихъ обстоятельствахъ, когда за симъ не предстоитъ никакого затрудненія въ дальнѣйшемъ наслѣдованіи Престола, — съ согласія Августѣйшей родительницы Нашей, по дошедшему до Насъ наслѣдственно Верховному праву Главы Императорской Фамиліи, и по врученной Намъ отъ Бога Самодержавной Власти, мы опредѣлили: во первыхъ: свободному отреченію перваго Брата Нашего Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича отъ права на Всероссійскій Престолъ, быть твердымъ и неизмѣннымъ; актъ же сего отреченія, ради достовѣрной извѣстности, хранить въ Московскомъ большомъ Успенскомъ соборѣ и въ трехъ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ Имперіи Нашей: въ Святѣйшемъ Синодѣ, Государственномъ Совѣтѣ и Правительствующемъ Сенатѣ. Во вторыхъ въ слѣдствіе того на точномъ основаніи акта о наслѣдованіи Престола Наслѣдникомъ Нашимъ быть второму Брату Нашему Великому Князю Николаю Павловичу.

„Послѣ сего Мы остаемся въ спокойномъ упованіи, что въ день, когда Царь Царствующихъ, по общему для земнородныхъ закону, воззоветъ Насъ отъ сего временнаго Царствія

На пути изъ Таганрога. (Рисунокъ того времени).

въ вѣчность, Государственныя сословія, которымъ настоящая непреложная воля Наша и сіе законное постановленіе Наше, въ надлежащее время по распоряженію Нашему должно быть извѣстно, немедленно принесутъ вѣрноподданническую преданность свою назначенному Нами наслѣдственному Императору единаго нераздѣльнаго Престола Всероссійскія Имперіи, Царства Польскаго и Княжества Финляндскаго. О Насъ же просимъ всѣхъ вѣрноподданныхъ Нашихъ, да они съ тою любовію, по которой Мы въ попеченіи о ихъ непоколебимомъ благосостояніи полагали Высочайшее на земли благо, принесли сердечныя мольбы къ Господу и Спасителю Нашему Іисусу Христу о принятіи души Нашей, по неизреченному Его милосердію, въ Царствіе Его вѣчное" [1]).

Этотъ манифестъ, составленный въ столь необычайной обстановкѣ, былъ привезенъ въ Москву лично Александромъ и 27 августа переданъ Филарету для храненія его въ Успенскомъ соборѣ съ собственноручною надписью императора: «*Хранить въ Успенскомъ Соборѣ съ государственными актами, до востребованія Моего, а въ случаѣ Моей кончины открыть Московскому Епархіальному Архіерею и Московскому Генералъ-Губернатору въ Успенскомъ Соборѣ, прежде всякаго другого дѣйствія*».

Списки съ него, сдѣланные рукою Голицына, были посланы въ Государственный Совѣтъ, Синодъ и Сенатъ, но въ разное время и много времени спустя.

Объ этихъ таинственныхъ пакетахъ говорили въ обществѣ, но съ точностью знали только упомянутыя три лица; о манифестѣ не зналъ никто даже изъ лицъ царской фамиліи, включая и супругу Александра, императрицу Елизавету Алексѣевну. И что прежде всего поражаетъ въ этомъ событіи, это именно ни къ чему ненужная и впослѣдствіи оказавшаяся гибельной таинственность. Она тѣмъ болѣе странна,

---

[1]) Послѣдняя фраза написана кн. Голицынымъ, такъ какъ четыре варіанта ея, представленные Филаретомъ, не понравились Александру; онъ подчеркнулъ въ первомъ варіантѣ слова: «чаемъ непреемственнаго царствія на небесахъ», чѣмъ поставилъ въ затруднительное положеніе митрополита.

что ничто не могло препятствовать объявленію этого самодержавнаго акта, который передавалъ престолъ Николаю Павловичу не со дня его объявленія, а со дня, «когда Царь Царствующихъ воззоветъ насъ отъ сего временнаго *царствія* въ вѣчность», т.-е. лишь послѣ смерти *императора* Александра.

Не могло этому препятствовать и возможность перемѣны самого лица, предназначеннаго въ преемники престола, на возможность чего указываетъ надпись на конвертѣ: «хранить *до моего востребованія*»; если бы это и случилось, противъ всякихъ ожиданій и рѣшеній, то совершенно ошибочно думаютъ, что нельзя уже было бы измѣнить обнародованное рѣшеніе,—новый манифестъ могъ легко уничтожить раньше опубликованный.

Но наше удивленіе должно быть еще большимъ, если мы узнаемъ, что Александръ говорилъ о таинственномъ документѣ нѣкоторымъ лицамъ, но только именно не тѣмъ, кому больше всего надо было о немъ знать. Дѣйствительно, зная какой тайной обставлено было существованіе манифеста, становится болѣе чѣмъ удивительно, читая въ запискахъ Вильгельма I признаніе, что Александръ открылъ ему тайну о манифестѣ въ бытность его въ Петербургѣ въ 1823 году. «Я одинъ, пишетъ онъ, благодаря особому довѣрію Александра получилъ свѣдѣнія объ отреченіи Великаго Князя Константина въ пользу Николая. Это сообщеніе произошло въ Гатчинѣ въ срединѣ октября 1823 года [1]). Актъ отреченія помѣченъ мартомъ 1823 г. и переговоры о немъ происходили вскорѣ послѣ бракосочетанія в. к. Константина съ графинею Ловичъ въ 1822 г. Императоръ [2]) Николай и императрица Александра имѣли только частныя свѣдѣнія, но никакъ ни оффиціальныя объ этомъ актѣ. По возвращеніи моемъ изъ Петербурга я самъ немедленно передалъ королю сообщенную мнѣ тайну, къ великому его изумленію» [3]).

[1]) Это не вѣрно, раньше 3-го ноября разговора о манифестѣ не могло быть, т. к. Александръ путешествовалъ по Россіи, а разговоръ происходилъ послѣ его возвращенія; равно не вѣрно, что манифестъ помѣченъ мартомъ 1823 г.

[2]) Свои записки Вильгельмъ писалъ въ 1859 году.

[3]) Шильдеръ—Импер. Николай, т. I, стр. 491. Выдержка у него приведена на нѣмецкомъ языкѣ въ примѣчаніи.

Но этого мало; о существованіи манифеста Александръ сообщилъ принцу Оранскому, также пріѣзжавшему въ Петербургъ въ 1825 году, между тѣмъ какъ Николай Павловичъ находился въ полномъ невѣдѣніи о немъ и лишь удостоивался таинственныхъ намековъ [1].

Нельзя сказать, чтобы Александръ не сознавалъ всей опасности такого положенія; на этотъ счетъ онъ былъ даже предупрежденъ кн. Голицынымъ передъ отъѣздомъ на югъ. Князь Голицынъ, прекрасно знавшій всю тайну, въ откровенной бесѣдѣ съ императоромъ замѣтилъ, «какъ неудобно акты, измѣняющіе порядокъ престолонаслѣдія, оставлять, при продолжительномъ отсутствіи, необнародованными и какая можетъ отъ этого родиться опасность...» Александръ сперва, казалось, былъ пораженъ справедливостью замѣчаній Голицына; но послѣ минутнаго молчанія, указавъ рукою на небо, тихо сказалъ: «remettons nous en à Dieu: Il saura mieux ordonner les choses que nous autres faibles mortels».

Эта фраза очень характерна для Александра послѣднихъ лѣтъ его жизни и въ его характерѣ искали объясненій событіямъ, о которыхъ мы говоримъ. Но какое бы объясненіе мы ни находили, фактъ легкомысленнаго отношенія къ вопросу первостепенной важности остается неоспоримымъ. И такое отношеніе было не у одного Александра, оно одинаково характерно и для Константина, и для Николая Павловичей.

Дѣйствительно, какъ можно назвать отношеніе Александра, когда онъ, отлично зная рѣшеніе своего брата, зная насколько оно твердо и важно для будущаго Россіи, не могъ съ лѣта 1819 года (разговоръ съ Ник. Павл.) и до августа 1823 года «положить оффиціальную сторону дѣлу», къ тому же рѣшенному уже по существу, такъ какъ послѣ женитьбы на Ловичъ Константинъ едва ли бы могъ царствовать. Точно такое же,

[1]) Какъ образчикъ такихъ намековъ, намъ передаетъ баронъ Дибичъ. «Однажды мы были съ нимъ (Александромъ), передаетъ Дибичъ, въ поселеніяхъ, и онъ, обращая рѣчь къ великому князю Николаю Павловичу, сказалъ: «*тебѣ надобно будетъ это поддерживать*». Я ничего другого изъ сихъ словъ не заключилъ, какъ то, что, судя по лѣтамъ великаго князя, онъ, переживъ государя и цесаревича, будетъ ихъ преемникомъ».

повторяемъ, было отношеніе со стороны Николая Павловича. Онъ, кромѣ изумленія, выраженнаго при разговорѣ съ братомъ въ 1819 году, ничѣмъ не проявилъ своего отношенія и интереса къ поднятому вопросу, несмотря на всѣ намеки Маріи Ѳеодоровны и самого Александра, и несмотря на всю неопредѣленность и таинственность, въ которую облекся вопросъ. Именно эта таинственность и неопредѣленность обязывали Николая побольше подумать надъ намеками, дѣлавшимися ему.

Мы уже не говоримъ о Константинѣ Павловичѣ; онъ очевидно, былъ въ полной увѣренности, что своимъ письмомъ онъ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ могъ и требовалось.

Словомъ, какъ бы ни смотрѣть на всѣ поступки, связанные съ манифестомъ, никакъ не можешь отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что дѣло какъ будто касается маленькаго *семейнаго* достоянія, а не судьбы великаго европейскаго государства.

Раскроютъ когда надо завѣщаніе и узнаютъ, *чья* Россія! Таковы условія сомодержавія.

II.

Путешествіе Александра I и его смерть.

1-го сентября 1825 года императоръ Александръ таинственно уѣхалъ на югъ.

Постоянная нерѣшимость, наклонность къ таинственному и прямо мистицизмъ, овладѣвшій Александромъ со времени г-жи Крюденеръ, несмотря на то, что она была удалена и преслѣдуема, окончательно теперь захватилъ настроеніе и помыслы императора.

Казалось, ничто земное не интересовало Александра и не останавливало его вниманія; въ одиночествѣ, рано утромъ, онъ слушаетъ молебствіе у раки Александра Невскаго, бесѣдуетъ съ митрополитомъ Серафимомъ, надолго уединяется въ кельѣ схимника Алексія и прямо отъ него отправляется въ дальнее путешествіе на югъ.

Казалось, не въ простое путешествіе готовился Александръ. Онъ приводитъ въ порядокъ всѣ свои бумаги, подолгу занимаясь этимъ съ княземъ Голицынымъ. Къ тому же послѣднее время Александръ усиленно говорилъ о возможности отреченія отъ царствованія.

Во всякомъ случаѣ, это путешествіе, таинственно начатое и вызвавшее странное преданіе [1]), было роковымъ для Александра и для Россіи.

12-го ноября генералъ Дибичъ, сопровождавшій императора въ поѣздкѣ, счелъ долгомъ сообщить генералу Курутѣ, адъютанту Константина Павловича, о болѣзни Александра, «чтобы слухи, дошедшіе стороной, не возбудили болѣе серьезнаго безпокойства со стороны великаго князя относительно здоровья августѣйшаго монарха». Послѣдній, по словамъ

[1]) Легенду о тождествѣ императора Александра съ старцемъ Ѳеодоромъ Кузьмичемъ попытался освѣтить въ іюльской книжкѣ *Историческаго Вѣстника* великій князь Николай Михайловичъ. Имъ довольно подробно приведены и разсмотрѣны оффиціальныя данныя по этому дѣлу.

На основаніи ихъ авторъ приходитъ къ заключенію, что вся легенда не больше, не меньше, какъ баснословная сказка. Но авторъ забылъ, какой скользкій путь—доказательство на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, подобно протоколу вскрытія тѣла, осмотра его и др., когда утверждаютъ подмѣнъ личности императора: вѣдь бумаги сочинить еще легче. Между прочимъ маленькая подробность осмотровъ тѣла императора въ пути: въ одномъ семействѣ сохранилось преданіе, идущее отъ офицера егерскаго полка, что при этихъ осмотрахъ *лица* покойника *никто не видалъ* — оно было тщательно закрыто. Не утверждая достовѣрность этого слуха, мы обращаемъ вниманіе, что авторъ статьи «Легенда о кончинѣ Императора Александра I-го» совершенно не затрогиваетъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя питаютъ послѣднее время эту легенду—именно постройка роскошной часовни на могилѣ Ѳедора Кузьмича, фотографія которой даже приведена великимъ княземъ; затѣмъ посѣщеніе императоромъ Николаемъ II этой могилы во время его путешествія на Дальній Востокъ. Подобные факты даютъ пищу легендарному преданію и на нихъ-то надо было бы обратить вниманіе, если желаешь окончательно подорвать основаніе легенды.

Во всякомъ случаѣ статья Николая Михайловича чрезвычайно интересна и цѣнна, какъ попытка поставить на строго научный путь вопросъ первостепеннаго интереса и мы совѣтуемъ всякому ее прочесть: жаль только, что французскій текстъ въ ней не сопровождается переводомъ что много облегчило бы читателю, не владѣющему этимъ языкомъ.

Дибича, чувствовалъ себя отлично во все время поѣздки по Крыму, но послѣдніе дни появилась легкая лихорадка, вслѣдствіе которой императоръ принужденъ былъ не выходить изъ комнатъ, и которая, по мнѣнію врачей, перешла, повидимому, въ перемежающуюся лихорадку; несмотря на надежды врачей и несмотря на то, что болѣзнь временно приняла менѣе острый характеръ, Дибичъ, однако, не разсчитывалъ на благопріятный исходъ. Дѣйствительно, черезъ два дня, 14-го ноября, «надежды на скорое выздоровленье» не только не оправдались, но желчная лихорадка усилилась еще больше.

«Врачи не убѣждены еще въ неминуемой опасности, писалъ Дибичъ, но не ручаются болѣе за дѣйствительность ихъ леченія, а Е. В. чрезвычайно ослабъ вслѣдствіе сильныхъ пароксизмовъ лихорадки». Еще менѣе утѣшительно было письмо отъ 15-го ноября 6-ти часовъ вечера.

«Любезный генералъ, -писалъ Дибичъ, мы провели ужасныя минуты послѣ отправленія моего вчерашняго письма. Еще съ вечера лихорадка съ каждой минутой стала усиливаться и состояніе Е. В. все болѣе и болѣе внушало опасеніе. Мы сочли долгомъ посовѣтывать Е. В. пріобщиться сегодня въ шестомъ часу утра и это таинство было совершено Е. В. со свойственнымъ ему спокойствіемъ и покорностію волѣ Божіей. Вскорѣ послѣ причастія наступилъ сильный кризисъ, повергшій насъ въ величайшее отчаяніе» [1]).

Наконецъ, 16-го утромъ «лихорадка перешла въ самый злокачественный тифъ» и Александръ впалъ «въ какое-то совершенно безчувственное состояніе», а 19-го ноября, въ 10 часовъ 50 минутъ дня, онъ скончался.

Дибичъ поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ событіи Константина Павловича, какъ оффиціальнаго наслѣдника престола.

«Съ сердечнымъ прискорбіемъ, читаемъ въ рапортѣ Дибича *Императору* Константину, имѣю долгъ донесть В. И В., что Всевышнему угодно было прекратить дни всеавгустѣйшаго нашего государя императора Александра Павловича,

---

[1]) Междуцарствіе въ Россіи. Историческіе документы. Рус. Стар. 1882 г. Іюль, 153-6 стр.

сего ноября 19-го дня въ 10 часовъ и 50 минутъ по-полуночи здѣсь, въ г. Таганрогѣ» [1]).

Здѣсь мы опять вступаемъ въ область поступковъ, самыхъ странныхъ, самыхъ непонятныхъ, совершенныхъ Константиномъ Павловичемъ.

Оказывается, что до 25-го ноября, когда въ 7 часовъ вечера было получено донесеніе о *смерти* Александра, въ Варшавѣ никто не зналъ ничего о *болѣзни* императора; о ней не знали ни родной его братъ, Михаилъ, гостившій въ Варшавѣ, ни жена Константина. Правда, замѣчали уже нѣсколько дней дурное и мрачное его настроеніе [2]), знали, что изъ Таганрога прибываетъ ежедневно по 2—3 фельдъегеря, но успокоились выдумкой великаго князя, что они будто привезли награды чиновникамъ.

Къ чему же понадобилось Константину скрывать болѣзнь императора даже отъ своихъ ближнихъ? Больше того, для чего ему надо было разыграть комедію съ благодарностью якобы награжденныхъ чиновниковъ? А между тѣмъ это фактъ, вызывающій лишь удивленіе. «Не говорю вамъ о себѣ,—писалъ великій князь Дибичу, получивъ извѣстіе о болѣзни государя, 23 ноября,- и о томъ состояніи, въ какомъ я нахожусь; ибо вамъ слишкомъ хорошо извѣстна моя преданность и мое искреннее расположеніе къ лучшему изъ братьевъ и монарховъ. Мое и безъ того тягостное положеніе ухудшается еще тѣмъ, что о болѣзни императора, кромѣ меня, знаютъ только мой старый другъ Курута и мой врачъ; вѣсть объ этомъ еще не дошла сюда, такъ что въ обществѣ мнѣ приходится казаться спокойнымъ, хотя въ душѣ у меня далеко нѣтъ такого спокойствія. Моя жена и братъ ничего не подозрѣваютъ, такъ что мнѣ пришлось выдумать объясненіе по поводу прибытія вашего перваго фельдъегеря; точно также придется поступить сегодня. Если бы я повиновался одному внушенію моего сердца, то разумѣется давно уже былъ бы у васъ; но вы, конечно, сами поймете, что препятствуетъ мнѣ этому» [3]).

---

[1]) Рус. Стар., тамъ же, 158 стр.

[2]) Конст. Павл. даже не выходилъ нѣсколько дней къ обѣду.

[3]) Рус. Стар., тамъ же, 172 стр.

Ежедневно отправлялъ великій князь подобныя изліянія Дибичу, но почему-то «одинъ носилъ въ своемъ сердцѣ терзавшія его предчувствія и безпокойство». Оно должно быть тѣмъ болѣе, что надежды на улучшеніе изъ Таганрога совершенно не давали, а 22-го Константинъ Павловичъ при видѣ курьера «подумалъ, что онъ привезъ роковое извѣстіе» [1]).

Помимо того, что свои предчувствія Константину не было никакой надобности скрывать отъ своихъ близкихъ, но онъ долженъ былъ подумать о послѣдствіяхъ, вытекавшихъ изъ его рѣшенія отказаться отъ престола, въ виду опаснаго положенія императора. Между тѣмъ имъ было написано въ Таганрогъ до 25-го ноября 5—6 писемъ и ни въ одномъ ни словомъ не упомянуто о преемникѣ умирающаго императора, а необходимость этого прямо вытекала изъ его словъ, сказанныхъ своей супругѣ и брату, при извѣстіи о смерти Александра. «Теперь, добавилъ онъ, настала торжественная минута доказать, что весь прежній мой образъ дѣйствія не былъ личиною, и кончить дѣло съ тою же твердостію, съ которою оно было начато. Въ намѣреніяхъ моихъ, въ моей рѣшимости ничего не перемѣнилось и моя воля отказаться отъ престола болѣе чѣмъ когда-нибудь непреложна!» [2]).

И однако онъ не сдѣлалъ раньше того, къ чему обязывала эта его рѣшимость, какъ своевременно не сдѣлалъ покойный теперь Александръ [3]).

Умирая, онъ не открылъ спрятанной въ Успенскомъ Соборѣ столь важной тайны, хотя не могъ не сознавать всей опасности своего положенія, такъ какъ исповѣдовался и причастился еще въ полной памяти. Однако послѣ смерти окружавшіе его остались въ полномъ невѣдѣніи. Обратились къ императрицѣ, не извѣстно ли ей какого-нибудь распоря-

---

[1]) Рус. Стар., тамъ же, 168 стр.

[2]) Корфъ, тамъ же, 36 стр.

[3]) Въ 1824 году, когда Александръ былъ серьезно боленъ въ Петербургѣ, Константинъ Павловичъ поспѣшилъ туда; эта поспѣшность несомнѣнно была связана съ вопросомъ о престолонаслѣдіи.

женія, но она отвѣтила, что *ничего не знаетъ положительнаго* и совѣтовала обратиться въ Варшаву [1]).

Совѣтъ былъ исполненъ, но онъ принесъ только цѣлый рядъ недоразумѣній, вмѣсто разрѣшенія вопроса.

III.

Отреченіе Константина Павловича.

Константинъ Павловичъ, рѣшивъ, что настал торжественный моментъ оправдать на дѣлѣ свое отреченіе, накричалъ на Новосильцева за титулъ Его Величества, который онъ продолжалъ употреблять въ обращеніи съ великимъ княземъ, несмотря на его запрещеніе. «Въ послѣдній разъ— закричалъ *цесаревичъ* прошу васъ перестать и помнить, что теперь законный нашъ государь и императоръ — Николай Павловичъ!» [2]).

Дибичу было отправлено письмо, гдѣ великій князь называлъ себя лишь «товарищемъ» и совѣтовалъ «о всѣхъ дѣлахъ, разрѣшенія отъ высочайшей власти требующихъ, относиться въ С.-Петербургъ», въ Варшаву же «подобныхъ представленій не присылать» [3]).

Отстранивъ отъ себя всякія «представленія» съ юга, *наслѣдникъ* занялся сообщеніемъ своего рѣшенія *императору* Николаю. «Работа эта—пишетъ Корфъ—длилась всю ночь и только съ 5-ти часовъ слѣдующаго утра *цесаревичъ* могъ дать себѣ нѣсколько отдыха».

---

[1]) Корфъ пишетъ, что родилась мысль: не найдется ли чего-нибудь въ пакетикѣ, который покойный носилъ всегда при себѣ. По просьбѣ Волконскаго онъ былъ вскрытъ императрицею, но въ немъ оказались только двѣ молитвы и замѣтки нѣсколькихъ главъ Священнаго писанія.

[2]) Шильдеръ приводитъ разсказъ генерала Корсакова, какъ «гнѣвно» на него кричалъ К. П. за то, что онъ осмѣлился титуловать наслѣдника «Его Величествомъ».

[3]) Рус. Стар., тамъ же, 173—4 стр.

Императору Николаю, по присягѣ въ Варшавѣ, наслѣдникъ писалъ:

«Любезнѣйшій Братъ! Съ неизъяснимымъ сокрушеніемъ сердца получилъ я вчерашняго числа вечеромъ въ 7-мь часовъ горестное увѣдомленіе о послѣдовавшей кончинѣ обожаемаго Государя Императора Александра Павловича, Моего Благодѣтеля.

«Спѣша раздѣлить съ Вами таковую постигшую Насъ тягчайшую скорбь, Я поставляю долгомъ Васъ увѣдомить, что вмѣстѣ съ симъ отправилъ Я письмо къ Ея Императорскому Величеству Вселюбезнѣйшей Родительницѣ Нашей, съ изъявленіемъ непоколебимой Моей воли въ томъ, что по силѣ Высочайшаго собственноручнаго Рескрипта покойнаго Государя Императора отъ 2 Февраля 1822 года ко Мнѣ послѣдовавшаго, на письмо Мое къ Его Императорскому Величеству объ устраненіи Меня отъ наслѣдія Императорскаго престола, которое было предъявлено Родительницѣ Нашей, удостоилось какъ согласія, такъ и личнаго Ея Величества Мнѣ о томъ подтвержденія, уступаю Вамъ право Мое на наслѣдіе Императорскаго Всероссійскаго Престола и прошу Любезнѣйшую Родительницу Нашу о всемъ томъ объявить гдѣ слѣдуетъ, для приведенія сей непоколебимой Моей воли въ надлежащее исполненіе.

«Изложивъ сіе, непремѣнною за тѣмъ обязанностію поставляю всеподданнѣйше просить Вашего Императорскаго Величества удостоить принять отъ Меня перваго вѣрноподданническую Мою присягу и дозволить Мнѣ изъяснить, что не простирая никакого желанія къ новымъ званіямъ и титуламъ, ограничиться тѣмъ титуломъ Цесаревича, коимъ удостоенъ Я за службу покойнымъ Нашимъ Родителемъ.

«Единственнымъ себѣ счастіемъ на всегда поставляю, ежели Ваше Императорское Величество удостоите принять чувства глубочайшаго Моего благоговѣнія и безпредѣльной преданности, въ удостовѣреніе коихъ представляю залогомъ свыше 30-ти лѣтнюю мою вѣрную службу и живѣйшее усердіе Блаженной памяти Государямъ Императорамъ Родителю и Брату оказанныя, съ коими до послѣднихъ дней Моихъ не престану продолжать Вашему Императорскому Величеству

и потомству Вашему Мое служеніе при настоящей Моей обязанности и мѣстѣ» [1]).

Кромѣ того, онъ написалъ еще Николаю Павловичу письмо, носящее болѣе частный характеръ; въ немъ онъ между прочимъ писалъ: «Перехожу къ дѣлу и извѣщаю тебя, что, въ исполненіе воли покойнаго нашего Государя, я послалъ къ матушкѣ письмо, содержащее въ себѣ выраженіе непреложной моей рѣшимости, заранѣе освященной какъ покойнымъ моимъ повелителемъ, такъ и нашею родительницею.

«Не сомнѣваюсь, что ты, любезный братъ, привязанный къ покойному душою и сердцемъ, въ точности исполнишь волю его и то, что было сдѣлано съ его соизволенія, приглашаю тебя распорядиться соотвѣтственно тому и почтить тѣмъ память брата, который тебя любилъ и которому наше государство обязано своею славою и настоящимъ величіемъ» [2]).

Эти письма повезъ самъ Михаилъ Павловичъ, какъ и письмо къ Маріи Өеодоровнѣ, почти одинаковаго содержанія. «Ты понимаешь,—сказалъ ему *наслѣдникъ*, —что никакая сила уже не можетъ поколебать моей рѣшимости, а чтобъ еще болѣе удостовѣрить въ томъ матушку и брата и отнять у нихъ послѣднее сомнѣніе, ты самъ повезешь къ нимъ мои письма. Готовься сегодня же ѣхать въ Петербургъ» [3]).

Содержаніе этихъ писемъ вызываетъ уже высказанный нами вопросъ, къ чему оно оставалось такой тайной, когда, напротивъ, все требовало широкой и своевременной гласности? Къ этому еще прибавляется недоумѣніе, для чего Константину Павловичу захотѣлось снова нарушить основной законъ присвоеніемъ себѣ титула *наслѣдника*, когда таковымъ явно долженъ быть сынъ Николая Павловича, Александръ Николаевичъ, будущій царь-освободитель?

Едва ли мы можемъ найти логическій отвѣтъ, кромѣ «воли» самодержца [4]).

[1]) Подписано: «Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ. Всемилостивѣйшій Государь Вашего Императорскаго Величества вѣрнѣйшій подданный Константинъ Цесаревичъ».

[2]) Корфъ—тамъ же, стр. 43.

[3]) Корфъ—тамъ же, 37 стр.

[4]) Константинъ въ періодъ междуцарствія постоянно подчеркиваетъ свою степень.

IV.

Присяга Константину I въ Петербургѣ. Государственный Совѣтъ и Николай Павловичъ.

Что дѣлалось тамъ, куда должны были адресоваться всѣ «представленія» и куда направился Михаилъ Павловичъ съ письмами оффиціальнаго и семейнаго характера Наслѣдника-Императора? Въ Петербургѣ до 22-го ноября были почти въ полномъ невѣдѣніи того, что происходило въ Таганрогѣ, и во всякомъ случаѣ въ полной увѣренности, что общей тишинѣ и благополучію царствующей семьи не угрожаетъ никакая опасность. 22-го ноября, утромъ, было получено отъ императрицы изъ Таганрога Маріей Өеодоровной письмо отъ 12-го ноября самаго утѣшительнаго характера; въ немъ выражалась надежда, что скоро въ письмахъ можно будетъ касаться менѣе важныхъ предметовъ, такъ какъ здоровье императора не внушаетъ никакихъ опасеній.

Насколько эти надежды были призрачны и расходились съ дѣйствительностью, при дворѣ могли убѣдиться въ томъ, прочитавъ бюллетени доктора Вилліе отъ того же 12-го ноября, полученные въ Петербургѣ 22-го вечеромъ, и особенно изъ письма Дибича отъ 15-го ноября къ Вилламову [1]), къ которому, наконецъ, собрался написать Дибичъ, сообщая уже о причастіи императора и о безнадежности его состоянія. Подобныя же письма были получены гр. Милорадовичемъ, кн. Лопухинымъ и Потаповымъ. Но насколько содержаніе ихъ запоздало и было неожиданно для всѣхъ, это показываетъ переполохъ, произведенный при дворѣ въ Петербургѣ. Вотъ что пишетъ объ этомъ моментѣ Николай Павловичъ:

«25-го ноября, часовъ въ шесть, я игралъ съ дѣтьми, у которыхъ были гости, какъ вдругъ пришли мнѣ сказать, что военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ ко мнѣ пріѣхалъ; я сейчасъ пошелъ къ нему и засталъ его въ пріем-

[1]) Секретарь императрицы Маріи Өеодоровны; письмо получено имъ 25-го ноября вечеромъ.

ной комнатѣ, живо ходящимъ по комнатѣ съ платкомъ въ рукѣ и въ слезахъ; взглянувъ на него, я ужаснулся и спросилъ: «Что это, Михаилъ Андреевичъ? Что случилось?» — Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Il y a une horrible nouvelle» — Я ввелъ его въ кабинетъ, и тутъ онъ, зарыдавъ, отдалъ мнѣ письма отъ князя Волконскаго и Дибича, говоря: «L'empereur se meurt; il n'y a plus qu'une faible espoir».—У меня ноги подкосились; я сѣлъ и прочелъ письма, гдѣ говорятъ, что хотя не потеряна всякая надежда, но что государь очень плохъ. Первая моя мысль была матушка и какъ ей объявить это ужасное извѣстіе.

„Было другое письмо отъ тѣхъ же лицъ къ г. Вилламову, ему пришлось повѣстить о семъ матушкѣ, и только что успѣлъ я объявить о томъ же женѣ и хотѣлъ ѣхать къ матушкѣ, какъ она за мною прислала; я засталъ ее въ тѣхъ ужасныхъ терзаніяхъ, которыхъ опасался; положеніе ея было столь ужасно, что я не рѣшился ее покидать и остался всю ночь съ адъютантомъ моимъ Адлербергомъ въ камердинерской комнатѣ сидящимъ. Ночью часто меня матушка призывала, ища утѣшеній, которыхъ я не въ состояніи былъ ей дать“ [1]).

Такимъ образомъ, въ то самое врмея, какъ въ Варшавѣ Константинъ Павловичъ получилъ давно ожидавшееся имъ извѣстіе о *смерти* Александра, въ это время въ Петербургѣ совершенно *неожиданно* узнали лишь объ *опасности*, угрожавшей императору.

Въ то время, какъ въ Варшавѣ Константинъ Павловичъ писалъ всю ночь отказъ отъ престолонаслѣдія въ пользу Николая, въ то же время послѣдній въ Петербургѣ, обсуждая планы на случай смерти Александра, рѣшилъ первымъ принести присягу Константину Павловичу.

Этимъ создалось новое междуцарствіе въ Россіи.

Оно началось упомянутымъ совѣщаніемъ, роль Николая на которомъ недостаточно еще выяснена.

Въ письмѣ отъ брата Николая къ брату Константину объ этомъ совѣщаніи читаемъ: „Подавъ нужное пособіе ея

---

[1]) Шильдеръ—тамъ же, 182 стр.

величеству [1]), его императорское высочество, графъ Милорадовичъ и генералъ Войновъ приступили къ совѣщанію, какія бы нужно принять мѣры, если бы, чего Боже сохрани, получено было извѣстіе о кончинѣ возлюбленнаго монарха. Тогда его императорское высочество предложилъ свое мнѣніе, дабы въ одно время при объявленіи о сей неизречимой потерѣ провозгласить и восшедшаго на престолъ императора, и что онъ первый присягнетъ старшему своему брату, какъ законному наслѣднику престола" [2]).

Иначе представляетъ намъ дѣло Ѳ. П. Опочининъ, который разсказывалъ князю Сергѣю Трубецкому, что „по полученіи тревожныхъ извѣстій изъ Таганрога великій князь Николай Павловичъ пригласилъ къ себѣ князя Лопухина, кн. Алексѣя Куракина и гр. Милорадовича [3]). Великій князь *объявилъ имъ свои права на престолъ вслѣдствіе отреченія Константина Павловича*". „Графъ Милорадовичъ отвѣчалъ на-отрѣзъ, что великій князь Николай не можетъ и не долженъ никакъ надѣяться наслѣдовать брату своему Александру въ случаѣ его смерти; что законы имперіи не дозволяютъ располагать престоломъ по завѣщанію, что при томъ завѣщаніе Александра извѣстно только нѣкоторымъ лицамъ, а неизвѣстно въ народѣ; что отреченіе Константина также неявное и осталось необнародованнымъ; что Александръ, если хотѣлъ, чтобы Николай наслѣдовалъ послѣ него престолъ, долженъ былъ обнародовать при жизни волю свою и согласіе на нее Константина; что ни народъ, ни войско не поймутъ отреченія и припишутъ все измѣнѣ, тѣмъ болѣе, что ни государя своего, ни наслѣдника по первородству нѣтъ въ столицѣ, но оба были въ отсутствіи; что наконецъ гвардія рѣшительно откажется принести Николаю присягу въ такихъ обстоятельствахъ, и неминуемое затѣмъ послѣдствіе будетъ возмущеніе. Совѣщаніе продожалось до двухъ

[1]) См выше.

[2]) Шильдеръ—тамъ же, 613 стр. То же Н. П. сказалъ и Адлербергу. «Если... надобно будетъ тотчасъ, не теряя ни минуты, присягнуть брату Константину». Корфъ—тамъ же, 47 стр.

[3]) Составъ совѣщанія Опочининъ передаетъ не точно. См. выше выписку изъ письма Николая Павловича.

часовъ ночи. Великій князь доказывалъ свои права, но графъ Милорадовичъ признать ихъ не хотѣлъ и отказалъ въ своемъ содѣйствіи. На томъ и разошлись" [1]).

Такимъ образомъ, два свидѣтельства объ этомъ замѣчательномъ совѣщаніи, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи, противорѣчатъ другъ другу; но въ то время, какъ первому, несмотря на свою документальность, невыгодно было передавать всѣ подробности роли Николая Павловича, второму не было никакой надобности искажать истину. Вслѣдствіе чего мы должны стать на сторону разсказа Опочинина и констатировать, что ужъ не такъ-то добровольно отказывался отъ престола Николай Павловичъ [2]).

Какъ бы то ни было, но рѣшеніе, принятое на совѣщаніи, имѣло роковыя послѣдствія.

Выполнить его Николаю Павловичу пришлось очень быстро.

27-го ноября было назначено молебствіе о здравіи Александра. Члены императорской фамиліи находились съ приближенными въ церкви Зимняго дворца; однако молебствію не суждено было кончиться, такъ какъ было получено извѣстіе о смерти императора.

„Только что послѣ обѣдни начался молебенъ,—пишетъ Николай Павловичъ, знакъ мнѣ былъ данъ камердинеромъ Гриммомъ. Я тихо вышелъ и въ бывшей библіотекѣ, комнатѣ короля прусскаго, нашелъ графа Милорадовича; по лицу его я уже догадался, что роковая вѣсть пришла. Онъ мнѣ сказалъ: C' est fini, courage maintenant, donnez l'exemple" [3]), и повелъ меня подъ руку; такъ мы дошли до перехода, что былъ за кавалергардскою комнатою. Тутъ я упалъ на стулъ—всѣ силы меня оставили" [4]).

Позвавъ къ себѣ на подкрѣпленіе доктора Рюля, Николай Павловичъ отправился въ церковь. Остановивъ молебствіе и отправивъ Марію Ѳеодоровну, безчувственную отъ слезъ

[1]) Записки декабриста князя С. Трубецкаго Спб. 1907 г.

[2]) Это важно выяснить въ виду такого утвержденія съ легкой руки Жуковскаго. См. объ этомъ ниже.

[3]) Все кончено, покажите теперь примѣръ мужества.

[4]) Шильдеръ—тамъ же, 183 стр.

онъ немедленно приступилъ къ присягѣ императору Константину, который наканунѣ присягнулъ императору Николаю.

Описывая присягу Николая, за которой онъ командовалъ подобно военному ученію на плацу, поэтъ Жуковскій, свидѣтель ея, восторгается „отверженіемъ“ отъ власти, совершеннымъ великимъ княземъ.

„Что прибавлю къ моему разсказу? — пишетъ поэтъ-романтикъ. Я съ своей стороны не знаю ни въ исторіи народовъ, ни въ исторіи души человѣческой ни одной болѣе возвышенной минуты. Великому князю извѣстно было отреченіе брата его отъ престола; онъ зналъ, что вслѣдствіе этого отреченія престолъ неоспоримо принадлежитъ ему; онъ предвидѣлъ, что черезъ нѣсколько минутъ всенародно откроется тайна отреченія, и что ему предложено будетъ воспользоваться правомъ, ему уступленнымъ; но въ то же время онъ въ душѣ своей признавалъ неприкосновенное право законнаго наслѣдника и не могъ знать, на что рѣшиться этотъ наслѣдникъ (бывшій тогда далеко), подтвердитъ ли, уничтожить ли тайное свое отреченіе. Чего же требовала отъ него совѣсть, то было для него явно; но онъ страшился, чтобы воля его не поколебалась въ выборѣ между самоотверженіемъ и самодержавіемъ; онъ не повѣрилъ одной силѣ души своей, онъ поспѣшилъ подкрѣпить ее силою Бога, поспѣшилъ явиться предъ лицомъ этого Бога, дабы во храмѣ Его, къ подножію престола, на которомъ совершается жертва безкровная, положить свою жертву земного величія“ [1]).

Теперь мы, зная рѣшеніе совѣщанія въ ночь на 26-е ноября, далеки будемъ отъ пѣснопѣній поэта, тѣмъ болѣе, что, совершивъ подобное «самоотверженіе», Николаю нисколько не мѣшало тутъ же проявить и свое самодержавіе,

[1]). Шильдеръ—тамъ же, 497 стр. Дальше Жуковскій утверждаетъ, что онъ *одинъ* былъ свидѣтелемъ присяги Николая, однако Корфъ пишетъ: «Потомъ великій князь съ графомъ Милорадовичемъ, княземъ Трубецкимъ, графомъ Голенищевымъ-Кутузовымъ и другими, тутъ находившимися, пошелъ въ церковь... и здѣсь присягнулъ... примѣру его послѣдовали всѣ бывшіе съ нимъ».

которымъ якобы пожертвовалъ онъ. Дѣйствительно, выйдя изъ церкви, онъ отправился къ внутреннимъ дворцовымъ карауламъ отъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, кавалергардскому и конногвардейскому, объявилъ о смерти Александра и приказалъ присягнуть Константину [1]), затѣмъ послалъ Адлерберга для приведенія присяги въ инженерное вѣдомство, а генерала Нейгардта [2]) послалъ въ Невскую Лавру, гдѣ собрался на молебствіе весь оффиціальный міръ Петербурга, «передать отъ его имени генералу Войнову, чтобы немедленно привели къ присягѣ гвардію».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Николай дѣйствовалъ такъ, какъ будто онъ и не приносилъ «самоотверженія», а, напротивъ, былъ облеченъ самодержавною властію [3]).

Это тѣмъ болѣе такъ, что онъ не посовѣтовался даже ни съ кѣмъ изъ родныхъ и совершенно игнорировалъ высшія государственныя учрежденія: Государственный Совѣтъ и Сенатъ, по распоряженію котораго только могла быть объявлена присяга новому императору и которые должны были немедленно собраться въ экстренныя засѣданія.

Но на правахъ самодержца ex officio онъ не пожелалъ считаться съ ихъ существованіемъ, тѣмъ менѣе съ ихъ волею. «Въ сущности,—замѣчаетъ историкъ Николая, — принесенная тогда присяга представляла собой неоспоримый «coup d'état». Даже Михаилъ Павловичъ называлъ дѣйствія Николая революціонными.

Лишь давъ приведенныя распоряженія, онъ поспѣшилъ къ Маріи Ѳеодоровнѣ и объявилъ ей о присягѣ.

«Николай, что ты сдѣлалъ!—воскликнула императрица съ ужасомъ; – развѣ ты не знаешь, что существуетъ актъ, по которому ты назначенъ наслѣдникомъ престола?».

«Если такой актъ существуетъ,—отвѣчалъ онъ, – то онъ мнѣ неизвѣстенъ и никто о немъ не знаетъ; но мы всѣ зна-

[1]) Корфъ пишетъ, что это произошло до присяги самого Николая. См. его книгу 50 стр.

[2]) Начальникъ штаба гвардейскаго корпуса.

[3]) Въ первомъ манифестѣ Императора Николая, объясняя свой поступокъ, онъ между прочимъ писалъ: «Мы желали... отклонить самую тѣнь сомнѣнія въ чистотѣ намѣреній нашихъ».

емъ, что нашъ монархъ, нашъ законный государь, послѣ императора Александра, есть мой братъ Константинъ: мы исполнили слѣдовательно только нашу обязанность: пусть будетъ что будетъ!» [1]).

Отдѣлавшись такимъ легкимъ рѣшеніемъ государственнаго вопроса у своей матушки, Николай долженъ былъ пережить еще рядъ, если не непріятностей, то нѣкотораго рода осложненій.

Прежде всего онъ выдержалъ нападки князя Голицына, которому болѣе всего была извѣстна тайна; узнавъ въ Невской Лаврѣ о присягѣ Николая, онъ бросается къ нему во дворецъ.

«Въ изступленіи,—пишетъ великій князь въ своихъ запискахъ, –внѣ себя отъ горя, но и отъ вѣсти во дворцѣ, что всѣ присягнули Константину Павловичу, онъ началъ мнѣ выговаривать, зачѣмъ я брату присягнулъ и другихъ симъ завлекъ, и повторилъ мнѣ, что слышалъ отъ матушки, и требовалъ, чтобы я повиновался мнѣ неизвѣстной волѣ покойнаго государя; я отвергъ сіе неумѣстное требованіе положительно, и мы разстались съ княземъ: я, очень недовольный его вмѣшательствомъ, онъ — столько же моею неуступчивостью» [2]).

Нѣсколько потруднѣе было Николаю уладить дѣло съ только что забытымъ имъ Государственнымъ Совѣтомъ, несмотря на всю незначительность сопротивленія этого учрежденія.

Крайне любопытно познакомиться съ этимъ дѣйствительно «достопамятнымъ» засѣданіемъ Совѣта, «начавшимся- - по выраженію Корфа — въ комнатахъ Совѣта, продолжавшимся предъ лицомъ великаго князя, перенесеннымъ оттуда въ храмъ Божій и, наконецъ, окончившимся въ покояхъ императрицы Маріи Ѳеодоровны и передъ ея лицемъ».

Дѣйствія Совѣта въ этотъ день вполнѣ оправдываютъ слова князя Лобанова-Ростовскаго, который назвалъ его «*Государевою канцеляріею*», но ни въ какомъ случаѣ не могутъ

[1]) Переводъ съ французскаго. Корфъ—тамъ же, 187 стр.

[2]) Шильдеръ—тамъ же, 187. стр.

характеризовать Совѣтъ, какъ высшее государственное законодательное учрежденіе. Для всѣхъ его членовъ было болѣе чѣмъ странна та степень, то положеніе, въ которое былъ поставленъ силою обстоятельствъ Государственный Совѣтъ — *степень*, по выраженію Корфа — *государственной власти*; и, пожалуй, Николай былъ правъ, пренебрегая учрежденіемъ, которое не смѣло имѣть ни своего мнѣнія, ни своего рѣшенія, ни своей воли.

Доказательствомъ тому служитъ засѣданіе 27-го ноября, которое мы опишемъ съ необходимою и любопытною подробностью.

Въ этомъ отношеніи записки, составленныя Оленинымъ [1]), представляютъ огромную цѣнность.

Да начала засѣданія, назначеннаго въ два часа, князь Голицынъ усиленно объяснялъ всѣмъ прибывавшимъ членамъ подробности таинственнаго пакета и воли покойнаго императора. Предсѣдатель Совѣта, князь Лопухинъ, склоненный убѣжденіями Голицына, уже далъ приказаніе принести пакетъ, но въ это время кн. Лобановъ-Ростовскій началъ убѣждать, что его распечатывать не нужно, такъ какъ Совѣтъ есть только *канцелярія государева* и такъ какъ «*мертвые воли не имѣютъ*» и что въ Сенатѣ онъ не допуститъ распечатанія пакета. «Все это вздоръ дѣлаютъ, — прибавилъ онъ Оленину,—великій князь Николай Павловичъ изволилъ присягнуть государю императору Константину Павловичу... Если вы здѣсь хотите пакетъ вашъ раскрыть, то пора было это кончить и сходку нашу распустить тѣмъ скорѣе, что мнѣ нужно итти скорѣе къ присягѣ, и что я затѣмъ только и остался» [2]). Лобанова-Ростовскаго поддерживалъ Шишковъ, который настаивалъ на немедленной присягѣ, такъ какъ «имперія ни на одно мгновеніе не можетъ остаться безъ государя [3]); что отъ воли Константина Павловича зависитъ

[1]) Исправляющій должность государственнаго секретаря.

[2]) Шильдеръ—тамъ же, 499 стр.

[3]) Противъ этихъ словъ Шишкова Николай написалъ: «*и правъ былъ*»; но и Шишковъ, и Николай забыли, что Россія не имѣла императора уже 8 дней, а, благодаря поступку Николая, у нея стало два государя, но въ дѣйствительности не было ни одного.

принять или не принять престолъ, но что по порядку ему присягнуть должно» [1]).

Однако, всѣ остальные члены были противнаго мнѣнія и пакетъ былъ распечатанъ и содержимое прочтено. «Но едва только,—читаемъ въ запискахъ Оленина, — выслушана была съ *надлежащимъ благоговѣніемъ, съ горестными и умиленными сердцами* [2]), послѣдняя воля блаженной и вѣчнодостойной памяти Государя Императора Александра Павловича", какъ Милорадовичъ громогласно заявилъ, что содержаніе манифеста вполнѣ извѣстно великому князю Николаю Павловичу [3]), но что онъ торжественно отрекся отъ права, предоставленнаго ему манифестомъ, и первый уже присягнулъ на подданство Его Величеству Г. И. Константину".

Этого было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы привести почтенное собраніе старцевъ изъ придворной знати въ полное замѣшательство. О немъ такъ пишетъ Оленинъ: „Тутъ въ общемъ довольно шумномъ разговорѣ. между господами членами послѣдовавшемъ за третичнымъ предложеніемъ графа Милорадовича, мнѣ казалось, что я разслышалъ заявляемое ими вообще желаніе: сіе предложеніе графа Милорадовича имѣть счастіе слышать изъ устъ самого великаго князя Николая Павловича и потому просить его высочество о удостоеніи Государственнаго Совѣта своимъ посѣщеніемъ. По крайней глухотѣ князя Г. В. Лопухина [4]), которая въ этотъ день отъ разстройства мыслей еще болѣе усилилась, я рѣшился его свѣтлости громогласно объяснить то, что мнѣ казалось общимъ мнѣніемъ господъ членовъ Государственнаго Совѣта, столь согласнымъ съ достоинствомъ сего верховнаго сословія"... [5]). Всѣ ухватились за эту счастливую мысль Оленина, которая, казалось, выводила „верховное сословіе" изъ той „степени", въ которой оно оказалось.

---

[1]) Шильдеръ—тамъ же, 187—8 стр.

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) Противъ этихъ словъ въ рукописи Корфа Николай написалъ: «не знаю съ чего Милорадовичъ могъ сіе объявить, ибо мнѣ содержаніе манифеста было вовсе неизвѣстно».

[4]) Предсѣдатель Совѣта.

[5]) Сборники Истор. О-ва, т. XX, стр. 507.

„Председатель, — продолжаетъ Оленинъ, — одобряя сію мысль, вмѣстѣ съ другими господами членами сталъ просить графа Милорадовича взять на себя трудъ убѣдительнѣйше просить великаго князя Николая Павловича удостоить Государственный Совѣтъ своимъ посѣщеніемъ, единственно въ томъ предметѣ, чтобы изъ собственныхъ его устъ услышать непреложную его волю“.

На самомъ же дѣлѣ эта спасительная мысль лишь осложнила затрудненіе Совѣта: Николай не пожелалъ явиться на засѣданіе, ссылаясь на то, что онъ не состоитъ членомъ Совѣта и потому не можетъ присутствовать на его засѣданіяхъ.

Что же теперь оставалось дѣлать?

Приходилось оставить въ сторонѣ „достоинство верховнаго сословія“ и просить Николая принять Совѣтъ, хотя въ своихъ аппартаментахъ. Эту мысль подалъ тотъ же Оленинъ. „Разсуждая съ близстоящими господами членами, я понималъ,—пишетъ онъ, —что если его императорскому высочеству не угодно самому пожаловать въ собраніе, то, кажется, весьма прилично (?) будетъ достоинству сего верховнаго сословія испросить дозволенія явиться in corpore предъ лицо его императорскаго высочества и, принявъ изустное его приказаніе, исполнить немедленно оное, какъ непреложное повелѣніе той высокой особы, которой мы въ семъ затруднительномъ обстоятельствѣ должны, по ближайшему соображенію, безмолвно повиноваться“.

Вторично былъ отправленъ Милорадовичъ къ Николаю и и на этотъ разъ возвратился „съ милостивѣйшимъ отвѣтомъ и дозволеніемъ тотчасъ явиться къ его высочеству“, что и „поспѣшили“ исполнить члены Совѣта.

„Лишь только мы всѣ вошли въ пріемную залу бывшихъ комнатъ в. к. Михаила Павловича,—продолжаетъ Оленинъ,— то графъ Милорадовичъ пошелъ сказать о приходѣ нашемъ Николаю Павловичу“. Послѣдній не заставилъ себя ждать и тогда-то разыгралась высокоинтересная сцена, въ которой Государственный Совѣтъ воистину поддержалъ то *достоинство* верховнаго сословія, о которомъ такъ заботился Оленинъ, а Николай показалъ себя настоящимъ мастеромъ до психологическихъ маневровъ.

„Великій князь, оставаясь между нами и держа правую руку и указательный палецъ простертыми надъ свою головою, призывая, такъ сказать, сими движеніями Всевышняго во свидѣтели искренности его помышленій, являлъ въ лицѣ своемъ, сколько можно ему было, болѣе твердости, но глубокая грусть, на челѣ его напечатлѣнная, и слѣды горькихъ и многихъ слезъ по блѣднымъ его щекамъ, а также по временамъ и судорожное движеніе всего тѣла, показывали какою сильною онъ былъ удручаемъ печалью. Въ этомъ ужасномъ положеніи онъ произнесъ слѣдующія слова:

„Господа, я васъ прошу, я васъ убѣждаю, для спокойствія государства, немедленно, по примѣру моему и войска, принять присягу на вѣрное подданство Г. И. К—ну П—чу. Я никакого другого предложенія не приму и ничего другого и слушать не стану".

„Тутъ онъ былъ прерванъ рыданіями членовъ Г. Совѣта. и нѣкоторые голоса произнесли между другими восклицаніями: „какой великодушный подвигъ!"

„Никакого тутъ нѣтъ подвига, — воскликнулъ великій князь,—въ моемъ поступкѣ нѣтъ другого побужденія, какъ только исполнить священный долгъ мой предъ старшимъ братомъ. Никакая сила земная не можетъ перемѣнить мыслей моихъ по сему предмету и въ этомъ дѣлѣ. Я ни съ кѣмъ совѣтоваться не буду и ничего не вижу достойнаго похвалы. Я исполняю мою обязанность и больше ничего. Мнѣ бы весьма больно было, если бы кто-либо изъ васъ, милостивые государи, могъ подумать, чтобъ я минуту на какой другой мысли могъ остановиться, кромѣ присяги моей природному моему и вашему государю Константину Павловичу по кончинѣ брата и благодѣтеля моего Александра".

„Тутъ всѣ сдѣлали движеніе, чтобъ облобызать великаго князя. Онъ многихъ предупредилъ, цѣлуясь и бравши за руку".

Князь Голицынъ, очевидно не теряя еще надежды повліять на Николая при помощи „земной силы", сталъ просить, по выраженію Оленина, „для совершенной очистки ихъ совѣсти передъ покойнымъ государемъ прочитать его послѣднюю, такъ сказать, волю и отреченіе Константина". Отказываясь

читать, онъ говорилъ, что содержаніе бумаги ему извѣстно; „но Голицынъ приступилъ къ нему неотвязно, такъ что онъ напослѣдокъ взялъ ее, прочиталъ поспѣшно вслухъ и, поцѣловавъ Голицына съ жаромъ въ голову, сказалъ: „знаю, Александръ Николаевичъ, знаю все; но прошу васъ со слезами, успокойте меня и матушку; подите къ ней и скажите, что вы присягаете К—ну П—чу“ [1]).

Послѣ этого, „когда услыхали мой рѣшительный отказъ и требованіе (!) присяги, — пишетъ Николай Павловичъ, — графъ Литта первый сказалъ: „по волѣ покойнаго государя, мы, не присягнувшіе К—ну П—чу, признаемъ васъ нашимъ государемъ; вы одни можете намъ повелѣвать, и, буде воля ваша непреклонна, мы должны вамъ повиноваться, но просимъ, ведите насъ къ присягѣ, что я и исполнилъ съ охотою“.

Такъ состоялась присяга Государственнаго Совѣта въ придворной церкви и такъ вышелъ онъ изъ затруднительнаго положенія; какъ видимъ, изъ него вывелъ Совѣтъ болѣе чѣмъ поспѣшное рѣшеніе; принятіе его не сопровождалось ни обсужденіями, ни голосованіемъ, а произошло лишь по простому предложенію одного изъ членовъ; насколько это предложеніе соотвѣтствовало необходимости и благу для Россіи и даже самихъ великихъ князей-императоровъ—этого не принималось во вниманіе; объ участи Россіи и возможныхъ для нея послѣдствіяхъ совершенно забыли, а всякій старался какъ бы не нарушить непреклонную волю Николая.

Но этого было мало. Для того, чтобы закончить свое странствованіе по дворцу, Государственный Совѣтъ направился на половину Маріи Ѳеодоровны.

„Здѣсь, по словамъ Оленина, насъ ожидала плачевнѣйшая и величественнѣйшая живая картина, какую можно въ жизни видѣть.

„Двери въ кабинетъ растворились. Неподалеку отъ нихъ въ креслахъ сидѣла вдовствующая государыня... Она сидѣла въ креслахъ въ совершенномъ, но величественномъ отчаяніи. Она не плакала, не рыдала, но глаза ея были тусклые, и все

---

[1]) Записки Шишкова, Берлинъ 1870 г. т. II. Шильдеръ, 500 стр.

лицо покрыто было красными и бѣлыми пятнами. Тутъ, забывъ обыкновенный придворный этикетъ, мы бросились къ ней и ее окружили безъ всякихъ чиновъ; она заговорила, и мы всѣ зарыдали.

«—Хотя въ положенiи моемъ,—говорила вдовствующая государыня—мнѣ весьма тяжко чѣмъ-либо другимъ заниматься, кромѣ настоящого моего несчастiя, но я хотѣла васъ видѣть, что-бы вамъ изустно подтвердить, что мнѣ совершенно извѣстно положенiе, сдѣланное моимъ Александромъ въ разсужденiи Николая—мнѣ извѣстно, и я васъ увѣряю, что все это сдѣлано по доброй волѣ и по непринужденному согласiю моего Константина, но что со всѣмъ тѣмъ я совершенно соглашаюсь и одобряю поступокъ этого ангела", взявъ в. к. Н. П., который уже подлѣ нея стоялъ, за руку. Тутъ всѣ, кто только ближе стоялъ къ ея величеству, бросились къ ея рукамъ, чтобъ ихъ облобызать. Она, привставъ изъ своихъ креселъ и жалуя руки свои намъ, продолжала свою рѣчь, но разслушать нельзя было... за измѣняющимся ея отъ рыданiя голосомъ и за общимъ, такъ сказать, нашимъ плачемъ и стономъ".

Такъ кончилось это единственное въ своемъ родѣ и безпримѣрное засѣданiе высшаго государственнаго учрежденiя, сведеннаго на степень государевой канцелярiи.

Такъ окриками, слезами и поцѣлуями „сломилъ" Николай Павловичъ „своевольный" Совѣтъ.

Но не то его ожидало, когда его „непреложная" воля встрѣтилась съ самодержавною волею Константина Павловича.

V.

Сношенiя братьевъ-императоровъ.

Въ то время какъ изъ Варшавы скакалъ Михаилъ Павловичъ съ письмами отъ *наслѣдника* Константина къ императору Николаю, въ это же время изъ Петербурга были отправлены протоколъ описаннаго нами засѣданiя Государствен-

наго Совѣта и письма отъ *великаго князя* Николая къ императору Константину. Великій князь писалъ:

„Любезный Константинъ! Предстою передъ моимъ *государемъ* съ присягою, которою ему обязанъ, которую уже и принесъ ему, со всѣми меня окружавшими, въ церкви, въ ту самую минуту, когда разразилась надъ нами вѣсть о жесточайшемъ изъ всѣхъ несчастій. Какъ сострадаю я вамъ и какъ всѣ мы несчастны! Бога ради не покидайте насъ и не оставляйте однихъ. Вашъ Братъ и вашъ вѣрный подданный на жизнь и на смерть Николай“ [1]).

Одновременно онъ писалъ другому брату Михаилу:

„Милый Михаилъ, другъ мой, ты все знаешь; мы все потеряли, все; остались намъ однѣ слезы. *Я долгъ святой исполнилъ* [2]), и Богъ помогъ мнѣ—всѣ мнѣ послѣдовали, всѣ, наша безцѣнная гвардія исполнила также долгъ свой вездѣ. *Сердце чисто у насъ...* Мы ждемъ нетерпѣливо государя, дай Богъ поскорѣе видѣть передъ нами, и ты ради Бога пріѣзжай. Вспомни меня и сжалься“.

Кромѣ того, Николай собственноручно написалъ письмо Дибичу, полученіе котораго поставило его въ затруднительное положеніе и заставило сдѣлать рядъ „ошибокъ“ [3]).

„Послѣ постигшаго насъ бѣдствія,—писалъ Н. П.,—однимъ могли мы заплатить послѣдній долгъ тому, кто наше счастіе чинилъ, покуда онъ былъ въ живыхъ. Его именемъ, видя, чувствуя какъ бы предъ его лицомъ, я принесъ присягу моему законному государю И. К. П. Теперь моя совѣсть спокойна и передъ тѣмъ, котораго всю жизнь оплакивать будемъ, и предъ законнымъ моимъ государемъ -а потомъ *да будетъ воля Твоя!*

„Съ искреннимъ душевнымъ удовольствіемъ долженъ я вамъ донести, что все послѣдовало моему примѣру; гвардія, городъ, все присягнуло; я самъ привелъ Совѣтъ къ присягѣ

[1]) Французскій текстъ письма приведенъ Шильдеромъ. Николай I, т. I, стр. 196; у Корфа приведено письмо въ переводѣ, гдѣ *вы* замѣнено *ты*; это прямо возмутило Шильдера.

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) Рус. Стар. 82 г. іюль, 184—6 стр.

при себѣ. Все спокойно и тихо, одни мы несчастные безутѣшные остались сироты!..

„Поцѣлуйте за несчастнаго брата гробъ его благодѣтеля, помолитесь у него, чтобъ онъ меня не оставилъ; я имъ дышу, имъ *дѣйствую*; пусть онъ мнѣ предводительствуетъ!..“ [1]).

Такимъ образомъ, Константинъ Павловичъ, вмѣсто ожидаемыхъ „дальнѣйшихъ повелѣній отъ вступавшаго на престолъ государя императора“, получилъ извѣстіе о принесенной ему присягѣ.

„Легко себѣ представить, пишетъ Шильдеръ, - послѣ всего вышесказаннаго, удивленіе, гнѣвъ и огорченіе, испытанные цесаревичемъ К-номъ П-чемъ, когда получилъ донесеніе, что вся Россія присягаетъ ему, какъ законному государю, и что воля почившаго и—ра не исполнена и оставлена безъ вниманія“, когда онъ услышалъ отъ посланнаго Николая Лазарева: „имѣю счастіе явиться, ваше императорское величество“.

„При послѣднихъ словахъ, — доносилъ Лазаревъ Николаю, у его величества видна была перемѣна въ лицѣ, съ которою онъ меня и отпустилъ“. Затѣмъ къ нему едва ли не приставили стражу, чтобы онъ никуда не выходилъ и ни съ кѣмъ не сообщался, и на слѣдующій день въ 9 часовъ утра, его отправили обратно съ гнѣвными письмами Константина.

„Вашъ адъютантъ, любезный Николай,—писалъ онъ.—по прибытіи сюда, вручилъ мнѣ въ точности ваше письмо. Я прочелъ его съ живѣйшею горестью и печалью. Мое рѣшеніе *непоколебимо* и освящено моимъ покойнымъ благодѣтелемъ, императоромъ и повелителемъ. Приглашеніе ваше пріѣхать скорѣе не можетъ быть принято мною, и я объявляю вамъ, что удалюсь еще далѣе, если все не устроится согласно волѣ покойнаго нашего императора. Вашъ на жизнь вѣрный и искренній другъ и братъ Константинъ“ [2]).

---

[1]) Рус. Стар. 82 г. іюль, 178—9 стр. Ужасно странно читать это письмо о дѣйствіи *именемъ* покойнаго императора, когда Николай утверждалъ, что если бы ему былъ даже извѣстенъ манифестъ, онъ все-таки присягнулъ бы Константину.

[2]) Письмо отъ 2-го декабря. Шильдеръ. 219 стр.

Въ еще болѣе рѣзкомъ и рѣшительномъ тонѣ былъ написанъ отвѣтъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта, Лопухину. Константина Павловича возмутилъ цѣлый рядъ нарушеній, допущенный Совѣтомъ, повинуясь „самодержавной“ волѣ Николая.

„Поставляя всегда священнѣйшую обязанностью,—писалъ Константинъ,—исполнять съ глубочайшимъ благоговѣніемъ волю покойнаго Г. И., я вмѣняю себѣ непремѣннымъ долгомъ изъявить при семъ случаѣ: что сдѣланную мнѣ... присягу почитаю вовсе противною волѣ покойнаго Г. И., а потому самому, какъ совершенно ничтожную, я не принимаю и не долженъ принять.

„Вашей свѣтлости и Г-ному Совѣту не безъизвѣстно было изъ хранящагося въ архивѣ Государственной Канцеляріи, за замкомъ и печатью предсѣдателя, пакета, присланнаго отъ покойнаго Г. И. 16-го августа 1823 года, съ изображеніемъ послѣдней Е. В. воли, ознаменованной въ копіи съ В. манифеста, въ коемъ Е. В. опредѣляетъ быть наслѣдникомъ престола В. К. Н. П., по свободному моему отъ онаго отреченія...

«При чемъ Вашей свѣтлости и то сказать долженъ, что присяга не можетъ быть сдѣлана иначе, какъ по манифесту за императорскимъ подписаніемъ.

„Долгомъ поставляю изъявить съ крайнимъ прискорбіемъ Г. Совѣту, что въ семъ случаѣ отступлено имъ отъ законной обязанности, принесеніемъ мнѣ неслѣдуемой присяги, тѣмъ болѣе, что сіе учинено безъ моего вѣдома и согласія; а сдѣланная нынѣ присяга, завлекшая и другихъ, подавъ примѣръ къ неисполненію вѣрноподданническаго долга, есть неправедна и незаконна, и для того должна быть уничтожена и, вмѣсто оной, принесена Е. И. В. Н. П.“ [1]).

Такъ отчитывалъ Константинъ на правахъ самодержца „государеву канцелярію“, сваливая на нее всю отвѣтственность за неисполненіе „самодержавной“ воли Николая.

Будучи юридически совершенно правымъ, онъ могъ ожидать исполненія манифеста, но для этого, конечно, не было

---

[1]) Корфъ—тамъ же, 207—9 стр.

никакой необходимости удаляться еще дальше отъ Варшавы, если бы этого не исполнили; напротивъ, послѣднее именно могло обязывать Константина явиться въ Петербургъ и лично привести Россію къ присягѣ Николаю. Но непреклонная воля самодержца выразилась въ рѣшительномъ нежеланіи чѣмъ-либо помочь дѣйствительно затруднительному положенію; но, написавъ угрозу Николаю и выговоръ Государственному Совѣту, онъ не пошелъ дальше выговоровъ. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ его отвѣтъ генералу Потапову на мольбы послѣдняго принять корону.

Возвращая письмо обратно въ *разорванномъ* видѣ, Константинъ писалъ:

„Изъ одного уваженія къ вамъ, Алексѣй Николаевичъ, распечаталъ я письмо, которое вы мнѣ прислали съ неподлежащею надписью. Я чуждъ всѣхъ дѣйствій противозаконныхъ. Явленіе предъ гвардіею, народомъ и тому подобное, суть дѣйствія, которыя я воздерживаюсь назвать истиннымъ словомъ сему роду поступковъ принадлежащихъ. Жалѣю весьма, что вы, зная меня столь съ давняго времени, думали найти во мнѣ готовность сему образу дѣйствій поддаться. Умалчиваю, сколь мнѣ больно лично, что досель меня не знали, одно мнѣ остается сдѣлать изъ угожденія къ вамъ, то-есть, напомнить долгъ вашей присяги къ покойному государю и возвратить къ вамъ ваше письмо, разорванное для уничтоженія, дабы тѣмъ очистить вашу совѣсть, ибо писано въ духѣ заблужденія и подъ личиною усердія оказующаго духъ неповиновенія и отступленія отъ долга обязанностей вашихъ. Долгъ вѣрноподданнаго есть слѣпое и безмолвное повиновеніе къ высшей и священной власти“ [1]).

Нечего, конечно, и говорить, что подобныя отписки и

[1]) Шильдеръ — тамъ же, 224 стр. Надо замѣтить, что Константинъ ужъ не совсѣмъ-то стоялъ въ сторонѣ отъ «текущихъ» дѣлъ и не всегда возвращалъ письма съ «неподлежащею надписью». Такъ на донесеніе Дибича о тайныхъ обществахъ 1-го декабря онъ «совѣтовалъ» немедленно принять рѣшительныя мѣры. «Тѣ же самыя мѣры,—писалъ онъ,—по мнѣнію моему, надлежитъ принять и въ разсужденіи полковника Пестеля, на котораго падаетъ подозрѣніе въ участіи по сему обстоятельству». Рус. Стар. 82 г. іюль, 179 стр.

выговоры нисколько не могли улучшить дѣла, и бѣда въ томъ, что они дѣлались въ полномъ убѣжденіи въ ихъ дѣйствительности.

А между тѣмъ положеніе осложнялось равнымъ упорствомъ „непреложной" воли Николая

3-го декабря, рано утромъ, Михаилъ привезъ въ Петербургъ *рѣшительную* волю Константина, его рѣшительный отказъ отъ престола, выраженный въ приведенныхъ нами выше письмахъ. Однако, Николай не удовлетворился этими письмами и нашелъ, что они не рѣшаютъ вопроса; поэтому рѣшился скрывать ото всѣхъ истинное положеніе вещей до поры до времени. Для пріѣзда великаго князя былъ выдуманъ предлогъ—сыновняя любовь, а объ императорѣ Константинѣ напечатали сущую выдумку, ровно ничего не говорившую и не только разъяснявшую о положеніи *государя,* но еще болѣе смущавшую умы, и безъ того уже начинавшіе бродить проникавшими смутными слухами.

Жители Петербурга 3-го декабря въ газетахъ читали:

„Его Величество государь императоръ Константинъ Павловичъ находится, благодаря Всевышнему, въ вожделѣнномъ здравіи". О великомъ князѣ сообщалось: „Ея величество государыня императрица обрадована возвращеніемъ изъ Варшавы его высочества государя великаго князя Михаила Павловича, который, слѣдуя влеченію нѣжнаго сыновняго сердца, поспѣшилъ къ ней немедленно по полученіи извѣстія о кончинѣ блаженныя памяти и. А-ра П-ча" [1]).

Однако, эта ложь, принятая „во спасеніе", никого не обманула. Вѣсть о пріѣздѣ Михаила Павловича, при тогдашнемъ напряженномъ вниманіи всего петербургскаго населенія, разнеслась очень быстро и всѣ кто могъ, прежде всего устремились во дворецъ. „Присягнулъ ли уже Михаилъ Павловичъ?"—спрашивалъ каждый. И отрицательный отвѣтъ лицъ

[1]) 6-го декабря въ 146 № Сѣверной Пчелы извѣщалось: «Государыня императрица Марія Ѳеодоровна изволила вчера къ вечеру получить извѣстія, удостовѣряющія о вожделѣнномъ здравіи Г. И. и обнадеживающія о скоромъ его прибытіи въ столицу». Это былъ сплошной вымыселъ, кромѣ «вожделѣннаго здоровья» наслѣдника.

свиты не оставлялъ никакого сомнѣнія на счетъ истиннаго положенія [1]).

А оно продолжало быть самымъ неопредѣленнымъ и смутнымъ для всѣхъ.

„Матушка заперлась съ М. П.—пишетъ о пріѣздѣ брата Николай,—я ожидалъ въ другомъ покоѣ, и ожидалъ рѣшенія своей участи — минута неизгладимая! Наконецъ, дверь отперлась и матушка мнѣ сказала: „Итакъ, Николай, преклонитесь передъ вашимъ братомъ Константиномъ: онъ вполнѣ достоенъ почтенія и высокъ въ неизмѣняемомъ рѣшеніи передать вамъ тронъ“ [2]). Признаюсь, мнѣ слова сіи тяжело было слушать, и я въ томъ винюсь; но я себя спрашивалъ: кто большую изъ насъ двухъ приноситъ жертву?—тотъ ли, который отвергалъ наслѣдство отцовское, подъ предлогомъ своей неспособности, и который, разъ на сіе рѣшившись, повторяетъ токмо свою неизмѣнную волю и остается въ томъ положеніи, которое самъ себѣ создалъ сходно всѣмъ своимъ желаніямъ, или тотъ, который вовсе не готовился къ званію, на которое, по порядку природы, вовсе не имѣлъ никакого права, которому воля братская была всегда тайной, и который неожиданно въ самое тяжелое время и въ ужасныхъ обстоятельствахъ долженъ былъ жертвовать всѣмъ, что ему было дорого, дабы покориться волѣ другого! Участь страшная! и смѣю думать и нынѣ, послѣ 10-ти лѣтъ, что жертва моя была въ моральномъ, въ справедливомъ смыслѣ гораздо тягче.

„Я отвѣчалъ матушкѣ: „Прежде чѣмъ я преклонюсь, какъ вы говорите, маменька, позвольте мнѣ узнать побудительную къ тому причину; ибо это еще вопросъ, которую изъ двухъ жертвъ въ этомъ случаѣ долженъ считать выше: со стороны ли отказывающагося, или же со стононы принимающаго!“ [3]).

[1]) При дворѣ и въ публикѣ возникаютъ нѣкоторыя соображенія и сомнѣнія насчетъ будущаго —писалъ Потаповъ Дибичу 3-го декабря. «Пошли догадки, а въ особенности обстоятельство неприсяги Михаила Павловича навело на всѣхъ сомнѣніе, что скрывалось отреченіе Константина Павловича» —пишетъ въ своихъ запискахъ Николай Павловичъ.

[2]) Сказано было по-французски.

[3]) См. предыдущую сноску.

Чтобы быть логичнымъ, въ этомъ разговорѣ всякій долженъ видѣть извѣстное содержаніе, именно опредѣленное рѣшеніе о принятіи трона Николаемъ: но не то было на самомъ дѣлѣ. Ему удалось убѣдить Марію Ѳеодоровну, что бумаги, присланныя наслѣдникомъ, *нельзя обнародовать безъ всякой опасности*, а что надо просить „брата прибавить къ нимъ другой актъ въ видѣ манифеста, который рѣшилъ бы окончательно спорный вопросъ, кому царствовать"; поэтому 3-го декакря въ Варшаву были посланы письма отъ Николая Павловича и Маріи Ѳеодоровны.

Но если въ приведенной перепискѣ мы наблюдали особенную. своеобразную черту, ее характеризующую, то въ этомъ письмѣ Николая и отвѣтѣ на него эта черта достигла высшей точки; если въ прежнихъ письмахъ выражалась „непреклонная" воля или рѣшеніе, если они содержали въ себѣ угрозы и „головомойки", то въ письмахъ, которыми Николай думалъ окончательно рѣшить вопросъ, не содержится ничего, кромѣ сентиментальныхъ изліяній растроганныхъ братьевъ; если Николай находилъ невозможнымъ опубликовывать прежнія письма Константина Павловича, то было бы прямо странно опубликовывать его послѣдній отвѣтъ.

Чтобы убѣдиться въ сказанномъ, надо прочесть самые подлинники и мы нарочно приведемъ одинъ изъ нихъ цѣликомъ.

„Припадая къ стопамъ вашимъ,—писалъ Николай Павловичъ,—какъ братъ, какъ подданный, я молю васъ о прощеніи, о благословеніи, дорогой, дорогой Константинъ; рѣшайте мою судьбу, приказывайте вашему вѣрному подданному и разсчитывайте на его безпрекословное послушаніе [1]). Что же. великій Боже, я могу сдѣлать, что могу сказать вамъ? Вы имѣете мою присягу, я вашъ подданный, я могу лишь покоряться и повиноваться вамъ; я сдѣлаю это потому, что таковъ мой долгъ, ваша воля, моего владыки, моего государя, и который никогда не перестанетъ быть имъ для меня; но сжальтесь надъ несчастнымъ, единственное утѣшеніе кото-

[1]) Странно это увѣреніе послѣ того, что приказаніе и воля Константина не были исполнены Николаемъ въ тотъ же день, когда писались эти строки.

раго заключается въ убѣжденіи, что онъ исполнилъ свой долгъ (?) и другихъ заставилъ сдѣлать то же самое; но если я и былъ не правъ, то я слѣдовалъ лишь чувству моего сердца, чувству, слишкомъ вкоренившемуся, слишкомъ глубоко запечатлѣвшемуся въ моей душѣ съ самаго дѣтства, чтобы я могъ когда-либо хоть на одно мгновеніе отрѣшиться отъ него, чувству, которое стало лишь болѣе священнымъ въ моихъ глазахъ послѣ того, какъ я узналъ о намѣреніяхъ моего благодѣтеля и вашихъ! „Онъ, который видитъ насъ, который судитъ насъ, потому что онъ читаетъ въ глубинѣ нашихъ душъ, я призываю его, этого ангела, нашего благодѣтеля, и пусть онъ будетъ судьей между нами. Могъ ли я по человѣческимъ понятіямъ поступить иначе, могъ ли я, даже забывая свою честь, свою совѣсть, могъ ли я рисковать положеніемъ государства, этого обожаемаго отечества? Такимъ образомъ я исполнилъ свой долгъ и передъ вами, моимъ государемъ, и передъ моимъ отечествомъ, долгъ священный, но ничего болѣе какъ долгъ, такъ какъ у меня не было никакой задней мысли; увы, я васъ зналъ достаточно, *чтобы не сомнѣваться, къ какому я приду результату* [1]), но, по крайней мѣрѣ, я осмѣливаюсь надѣяться, что вы не могли бы оскорбить меня, допуская возможность съ моей стороны другого образа дѣйствій. Теперь же съ чистою душею передъ вами, мой государь, передъ Богомъ, моимъ Спасителемъ, и передъ тѣмъ ангеломъ, которому я обязанъ былъ воздать этотъ долгъ, это обязательство, подыщите слово, какое хотите, я чувствую, но не могу выразить это, спокойно и безропотно покоряюсь я вашей волѣ и повторяю вамъ здѣсь клятву передъ Богомъ исполнить вашу волю, какъ бы тягостна она ни была для меня. Я не могу сказать вамъ ничего большаго; такъ я исповѣдался передъ вами, какъ бы передъ самимъ Богомъ“.

Письмо это писано и послано 3-го декабря. Для чего понадобилось Николаю ждать цѣлыхъ *восемь* сутокъ отвѣта на эту витіеватую и сентиментальную „исповѣдь“, когда положеніе дѣла было до чрезвычайности затруднительно, и

---

[1]) Курсивъ нашъ.

Императоръ Николай I на Сенатской площади 14 декабря 1825 года.

когда онъ отлично зналъ, „къ какому результату все придетъ", даже болѣе того, когда онъ уже рѣшилъ повиноваться волѣ Константина, которая была „непреклонной", хорошо извѣстной и которая состояла въ требованіи войти на престолъ. Что могъ дать для спокойствія его души и совѣсти отвѣтъ на эти изліянія сентиментальности? Онъ могъ, конечно, получить и новое неудовольствіе, но получилъ такое же изліяніе сердечныхъ чувствъ, да еще нравоученіе, какъ „ничего не нужно выдумывать, но, дѣйствуя въ духѣ нашего покойнаго императора, поддерживать и укрѣплять то, что было сдѣлано имъ, и что стоило ему столькихъ трудовъ и, быть можетъ, даже свело въ могилу, такъ какъ физическая сторона поборола нравственную. Однимъ словомъ,—писалъ Константинъ,—примите за основаніе, что вы лишь уполномоченный покойнаго благодѣтеля, и что въ каждое мгновеніе вы должны быть готовы отдать ему отчетъ въ томъ, что вы дѣлаете и что сдѣлаете".

„Рѣшительный курьеръ воротился,—писалъ Николай Дибичу 12-го декабря въ 9 часовъ вечера, получивъ отвѣтъ на свою „исповѣдь",—послѣ завтра поутру я—или государь или *безъ дыханія.* Я жертвую собой для брата; счастливъ, если, какъ *подданный*, исполню волю его. Но что будетъ въ Россіи? Что будетъ въ арміи?"

Что же могло быть въ Россіи, что могло быть въ арміи— зададимъ мы въ свою очередь вопросъ, когда Николай во всѣхъ письмахъ увѣрялъ, что всюду полная тишина и благополучіе? Но прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны рѣшить другой, кто былъ виновникомъ того положенія, которое создалось въ Россіи со смерти Александра I? Описавши ходъ событій междуцарствія и всѣ подробности сношеній братьевъ-императоровъ, мы теперь можемъ и должны отвѣтить, кто виновникъ междуцарствія 1825 года. Мы уже отчасти отвѣтили на это выше и указали, какъ на одного изъ главныхъ виновниковъ, на Александра I, на ту таинственность, которою онъ окуталъ столь важный, къ тому же всецѣло требовавшій полной гласности вопросъ.

Несомнѣнно, что, будь опубликованъ манифестъ 16-го августа 1823 года, вопросъ рѣшался бы просто. Измѣненія,

подобныя содержавшемуся въ манифестѣ, бывали въ Россіи не разъ. и никогда не вызывали недоразумѣній, если съ этимъ не связывались другія обстоятельства. Въ подобныхъ случаяхъ русскому народу мало было дѣла, *кто* будетъ царствовать; дѣло осложнялось лишь тогда, когда съ этимъ связывались условія, *какъ* будетъ царствовать. Тѣмъ менѣе могла вызвать недоразумѣнія добровольная замѣна одного брата другимъ.

Однако манифестъ остался необнародованнымъ [1]). Но вѣдь онъ существовалъ; даже въ четырехъ экземплярахъ, и даже находился въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ и самомъ священномъ мѣстѣ Москвы; къ тому же на немъ была надпись „раскрыть прежде всякихъ дѣйствій", когда царь царствующихъ призоветъ Александра.

Почему же не исполнили его волю, не выполнили этой надписи и содержанія манифеста? Кто этому виной?

Конечно не Константинъ Павловичъ. Въ этомъ отношеніи его слова вполнѣ подтверждались поступками; „его сердце было чисто" передъ „благодѣтелемъ". Ему манифестъ даже не былъ извѣстенъ, но онъ зналъ рѣшеніе, принятое сообща съ императоромъ и цѣликомъ его выполнилъ [2]).

Другое дѣло Николай Павловичъ. Мы выше сказали, что именно онъ снова поднялъ рѣшенный уже вопросъ, кому изъ двухъ братьевъ царствовать; намъ остается здѣсь только повторить это.

Свои дѣйствія во время междуцарствія Николай объяснялъ „обстоятельствами", въ которыхъ ему „невозможно было поступить иначе", считая свою присягу „долгомъ".

---

[1]) По этому поводу современникъ событія писалъ: «Ежели Александръ сколько-нибудь любилъ свое отечество, которое дало ему въ 1812 году такія неоспоримыя доказательства своей преданности, то какимъ образомъ могъ онъ хладнокровно повергнутъ Россію опасности междоусобной войны»? «Нельзя играть съ законнымъ наслѣдіемъ престола, какъ съ частною собственностью» писалъ по тому же поводу принцъ Евгеній.

[2]) Это, конечно, не значитъ, что онъ сдѣлалъ все, что долженъ былъ сдѣлать. «Въ его дѣйствіяхъ, пишетъ историкъ, въ этомъ пассивномъ созерцаніи происходящаго, сказывается своего рода утомленіе отъ подвига, быть можетъ сожалѣніе о немъ». Общ. движ. при Александрѣ I. Спб., 1905 г., 432 стр.

Какія же эти обстоятельства, которыя заставили его нарушить волю Александра и исполнить столь странный долгъ? Біографъ Александра и Николая, Шильдеръ, пытаясь указать эти обстоятельства, вспоминаетъ прежде всего вліяніе графа Милорадовича на великаго князя и его могущество въ придворныхъ сферахъ, какъ петербургскаго генералъ-губернатора.

Что касается послѣдняго, то несомнѣнно, что графъ велъ себя болѣе, чѣмъ независимо. Ссылаясь въ разговорѣ съ Шаховскимъ на незнаніе манифеста, онъ прибавилъ: „Могъ ли же я допустить, чтобы принесена была какая-нибудь присяга, кромѣ той, которая слѣдовала? Мой первый долгъ былъ требовать этого, и я почитаю себя счастливымъ, что великій князь тотчасъ же согласился на это". На замѣчаніе собесѣдника, что прежде слѣдовало бы прочесть манифестъ, а затѣмъ уже присягать, Милорадовичъ съ жестомъ отвѣчалъ:

„Извините, — корона для насъ священна, и мы прежде всего должны исполнить свой долгъ. Прочесть бумаги всегда успѣемъ (!), а присяга въ вѣрности нужна прежде всего. Такъ рѣшилъ и великій князь. У кого 60.000 штыковъ въ карманѣ, тотъ можетъ смѣло говорить. Разные члены совѣта пробовали мнѣ говорить и то и другое, но самъ великій князь согласился на мое предложеніе, и присяга была произнесена".

Довѣряя этимъ словамъ Милорадовича, Шильдеръ видитъ его огромное вліяніе на Николая. Но это едва ли такъ: конечно послѣдній могъ принять къ свѣдѣнію 60.000 войска находившагося въ карманѣ у Милорадовича, но, описывая событія междуцарствія, онъ ни словомъ не упоминаетъ о давленіи со стороны Милорадовича. Правда, онъ могъ скрыть это изъ самолюбія, но въ дѣйствительности мы видимъ другія побудительныя причины дѣйствіямъ Николая.

Равносильно несостоятельнымъ намъ кажется предположеніе объ общественномъ вліяніи на ходъ событій, указаніе на симпатіи военныхъ сферъ къ Константину и, напротивъ, холодность ихъ къ Николаю. Намъ кажется, что общественное мнѣніе или симпатіи для братьевъ Александра не суще-

ствовали. Въ этомъ отношенiи ихъ воззрѣнiя ясно выражались заключительной фразой Константина въ письмѣ къ генералу Потапову: *„Долгъ вѣрноподданнаго есть слѣпое и безмолвное повиновенiе къ высшей священной власти“*.

Не трудно видѣть, что въ этомъ пониманiи высшей власти не можетъ быть мѣста общественному мнѣнiю, какъ бы оно слабо ни выражалось [1]).

Несомнѣнно одно, что обстоятельства требовали поступить такъ, какъ сдѣлали генералы, окружавшiе Александра въ Таганрогѣ, именно -ждать распоряженiй законнаго наслѣдника, Константина, тѣмъ болѣе, какъ правильно писалъ послѣднiй, присяга не могла быть совершена по распоряженiю *великаго князя*, а лишь по манифесту *императора*, и тѣмъ болѣе, что таковой манифестъ находился въ совѣтѣ, содержанiе его стало извѣстнымъ Николаю отъ Марiи Ѳеодоровны и князя Голицына. Если это произошло только послѣ личной присяги великаго князя, то во всякомъ случаѣ странно то упорство, съ которымъ онъ настаивалъ на присягѣ войскъ, Государственнаго Совѣта и всей Россiи. Если ему „трудно было выйти инымъ образомъ, какъ путемъ немедленной присяги“—какъ пишетъ Шильдеръ, то не лучше ли было прiостановить дальнѣйшее принесенiе присяги и ждать отвѣта изъ Варшавы? Къ этому прямо обязывала приведенная нами надпись, на конвертѣ, въ которомъ находился манифестъ.

И однако Николай не обращаетъ на это все никакого вниманiя и настаиваетъ на присягѣ.

Такъ отпадаютъ обстоятельства, на которыя ссылался Николай; объясненiе его поведенiю надо искать въ тѣхъ сердечныхъ излiянiяхъ, которыя онъ дѣлаетъ въ своихъ письмахъ въ перiодъ междуцарствiя.

„Могъ ли я по человѣческимъ понятiямъ поступить иначе, могъ ли я, даже забывая свою честь, свою совѣсть, могъ ли я рисковать положенiемъ государства, этого обожаемаго

---

[1]) Мы не хотимъ сказать, что бы указанныхъ симпатiй не существовало; напротивъ, мы могли бы привести свидѣтельство кн. С. Трубецкого, вполнѣ достовѣрное въ этомъ отношенiи; но симпатiй не существовало для братьевъ Александра.

отечества?" — задаетъ великій князь въ сентиментальномъ письмѣ къ своему брату отъ 3-го декабря. Нѣсколько строкъ ниже мы видимъ, что „обожаемому отечеству" были предпочтены личные мотивы. „Увы, — продолжаетъ въ письмѣ Николай,—я васъ зналъ достаточно, *чтобы не сомнѣваться, къ какому я приду результату*, но, по крайней мѣрѣ, я осмѣливаюсь надѣяться, что вы не могли бы оскорбить меня, допуская возможность съ моей стороны другого образа дѣйствій. Теперь же съ чистою душою передъ вами, мой государь...".

Такъ вотъ что больше всего заботило Николая, вотъ что руководило его дѣйствіями, питало его настойчивость и упорство, торопило его присягу. Онъ боялся, что могутъ усумниться въ чистотѣ его помысловъ, могутъ обвинить его въ захватѣ чужой власти, наконецъ, присвоеніи братняго трона. Оказывается онъ зналъ заранѣе, чѣмъ все кончится, „къ какому придетъ результату", зналъ, что Россія такъ или иначе, но *будетъ его*, поэтому и не спѣшилъ сѣсть на тронъ, не очистивши свою совѣсть передъ братомъ.

Что это такъ, намъ съ очевидностью доказываетъ то лишнее промедленіе, которое позволилъ Николай, посылая сентиментальное письмо въ Варшаву 3-го декабря и дожидавшись отвѣта на него до 12-го числа, когда вопросъ для него былъ совершенно ясенъ.

То же подтверждаютъ намъ и другія письма великаго князя. „*Сердце чисто у насъ*"—писалъ онъ 28-го ноября Михаилу Павловичу. „*Теперь моя совѣсть чиста*, повторяетъ онъ не разъ въ письмѣ къ Дибичу,—и передъ тѣмъ, котораго всю жизнь оплакивать будемъ, и передъ законнымъ моимъ государемъ, а потомъ да будетъ воля твоя!" [1]). Такимъ образомъ и послѣднія слова подтверждаютъ, что Николай зналъ исходъ своихъ дѣйствій.

Такъ „священный долгъ", возвеличенный поэтомъ-романтикомъ и разглашенный великимъ княземъ-императоромъ,

---

[1]) «Я каждую минуту ожидаю разрѣшенія К. П. на вступленіе мое на его мѣсто,—писалъ 12-го декабря Н. П. Дибичу.—Какъ и почему—здѣсь не мѣсто сказывать: скоро все объяснится и докажетъ, *что я, прежде всего былъ честнымъ человѣкомъ*, а потому... *чистъ совѣстью* и дѣлами».

превращается въ разсчитанный и завѣдомый поступокъ, а „непреклонная воля“—въ эгоизмъ и сентиментальность.

VI.

Первыя извѣстія о тайныхъ обществахъ. Доносы. Ростовцевъ.

Съ начала ноября 1825 года Россія уже не управлялась верховною властью самодержца. „Дѣла всѣ стали“, „безпорядокъ во всемъ полный“, вотъ какъ характеризуется положеніе государственныхъ дѣлъ современниками междуцарствія. Дѣйствительно, цѣлый мѣсяцъ Россія имѣла императора больнымъ, и потому не имѣла его управленія; цѣлыхъ 17 дней она имѣла двухъ императоровъ, но въ дѣйствительности не было ни одного.

„Въ такомъ положеніи“, пишетъ въ своихъ запискахъ Николай, „надо было рѣшиться или оставаться мнѣ въ совершенномъ бездѣйствіи, отстраняясь отъ всякаго участія въ дѣлахъ, до коихъ въ строгомъ смыслѣ службы, какъ говорится, мнѣ дѣла не было, или участвовать въ нихъ и почти направлять тѣхъ людей, въ рукахъ коихъ, по званію ихъ, власть находилась. Въ первомъ случаѣ, соблюдая форму по совѣсти, я бы грѣшилъ, попуская дѣламъ искажаться, можетъ быть, безвозвратно, и тогда бы я заслужилъ въ полной мѣрѣ названія эгоиста; во второмъ случаѣ я жертвовалъ собою, съ убѣжденіемъ быть полезнымъ отечеству и тому, которому я присягнулъ. Я не усомнился, и влеченіе внутреннее рѣшило мое поведеніе. Одно было трудно: я долженъ былъ скрывать настоящее положеніе дѣлъ отъ мнительности матушки, отъ глазъ окружающихъ, которыхъ любопытство предугадывало истину. Но съ твердымъ упованіемъ на милость Божію я рѣшился дѣйствовать, какъ сумѣю. Городъ казался тихъ, такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ графъ Милорадовичъ, увѣряли и тѣ немногіе, которые ко мнѣ хаживали, ибо я не считалъ приличнымъ показываться и почти не выходилъ изъ комнатъ“.

Рѣшившись дѣйствовать императорскою властью [1]), Николай переѣхалъ въ Зимній дворецъ, разослалъ всюду распоряженія, чтобы „всѣ сношенія, нужныя съ мѣстами, здѣсь (Спб.) находящимися", дѣлались непосредственно черезъ него, онъ распечатывалъ всѣ бумаги, приходившія на Высочайшее имя, и самъ распредѣлялъ по принадлежности [2]).

Одно изъ такихъ „сношеній" было привезено въ Петербургъ 12-го декабря въ 6 часовъ утра съ надписью: „Его Императорскому Величеству. Отъ начальника главнаго штаба всеподданнѣйшій докладъ въ собственныя руки", и тотчасъ было подано Николаю. Пробѣжавъ докладъ, онъ, по выраженію Корфа, пришелъ въ несказанный ужасъ.

Изъ разговора съ Фредериксомъ, привезшимъ пакетъ, великій князь заключилъ, „что пакетъ содержалъ обстоятельство особой важности; я былъ въ крайнемъ недоумѣніи, на что мнѣ рѣшиться. Вскрыть пакетъ на имя императора былъ поступокъ столь важный, что рѣшиться на сіе казалось мнѣ послѣднею крайностью [3]), къ которой одна необходимость могла принудить человѣка, поставленнаго въ самое затруднительное положеніе—и пакетъ вскрытъ!

„Пусть вообразятъ себѣ, что должно произойти во мнѣ, когда, бросивъ глаза на включенное письмо отъ генерала Дибича, видѣлъ, что дѣло шло о существующемъ и только что открытомъ преступномъ заговорѣ, котораго отрасли распространились черезъ всю Имперію отъ Петербурга на Москву и до второй арміи въ Бессарабіи! Тогда только почувствовалъ я въ полной мѣрѣ всю тяжесть своей участи и съ ужасомъ вспомнилъ, въ какомъ находился положеніи. Должно было дѣйствовать, не теряя ни минуты, съ полною властію,

---

[1]) Надо замѣтить, что онъ уже дѣйствовалъ такъ съ самаго момента полученія извѣстія о смерти Александра.

[2]) Декабристъ Штейнгель пишетъ: «Приказано было солдатъ не выпускать изъ казармъ,—даже въ баню и наблюдать строго, чтобы не было никакихъ разговоровъ между ними».

[3]) Это странно читать, такъ какъ Корфъ, сочиненіе котораго читалъ самъ Николай Павловичъ, пишетъ, что послѣдній распечатывалъ бумаги, приходившія на Высочайшее имя. См. Восшествіе на престолъ Николая I. Стр. 71.

съ опытностью, съ рѣшимостью: я не имѣлъ ни власти, ни права, на случай могъ только дѣйствовать черезъ другого изъ одного довѣрія ко мнѣ обращающагося, безъ увѣренности, что совѣту (?) моему послѣдуютъ, и притомъ чувствовалъ, что тайну подобной важности должно было тщательнѣйше скрывать отъ всѣхъ, даже отъ матушки, дабы ея не испугать имъ преждевременно, заговорщикамъ не открывать, что замыслы ихъ уже не скрыты отъ правительства. Къ кому мнѣ было обратиться *одному, совершенно одному безъ совѣта!*"

Докладъ Дибича содержалъ сводку всѣхъ донесеній добровольныхъ доносчиковъ изъ среды военныхъ, и изъ той же среды профессіональныхъ сыщиковъ, членовъ военной полиціи, учрежденной Александромъ послѣ возмущенія Семеновскаго полка въ 1821 году.

Приведемъ здѣсь этотъ документъ цѣликомъ, такъ какъ онъ близко касается исторіи декабристовъ и ихъ общества и раскрываетъ намъ ходы, которыми правительство воспользовалось, чтобы открыть *тайное* общество.

„Въ прошедшее лѣто,—доносилъ Дибичъ,—3-го Бугскаго уланскаго полка унтеръ-офицеръ Шервудъ въ письмѣ, на Высочайшее имя и въ собственныя руки писанномъ, объявилъ, что онъ имѣетъ открыть важный секретъ. Будучи по Высочайшему повелѣнію, по распоряженію генерала графа Аракчеева, привезенъ въ С.-Петербургъ въ концѣ іюля сего года, показалъ, что онъ узналъ случайно, что въ нѣкоторыхъ полкахъ первой и второй арміи существуетъ секретное общество, которое отъ времени до времени увеличивается, и что оно имѣетъ особенныя связи въ 4-мъ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ, и что онъ увѣренъ, что служащій въ конно-егерскомъ полку прапорщикъ *Вадковскій* (выписанный за дерзкій разговоръ изъ кавалергардскаго полка) есть одинъ изъ главнѣйшихъ членовъ. По знакомству его съ принадлежащими, по мнѣнію его, къ тому же обществу, живущими въ Харьковѣ, графами Яковомъ и Андреемъ Булгари, онъ надѣялся быть введеннымъ въ сіе общество и открыть секреты и членовъ онаго.

„Положено было дать ему отпускъ на годъ, будто за то,

что онъ привезенъ былъ въ С.-Петербургъ по подозрѣнію по дѣлу поручика *Сивиниса*, въ которое замѣшанъ былъ также графъ Булгари, и что онъ себѣ выпросилъ въ вознагражденіе годовой отпускъ, когда сіе подозрѣніе найдено было неосновательнымъ [1]). Онъ обѣщался увѣдомить графа Аракчеева, коль скоро найдетъ возможность къ большему открытію, съ тѣмъ, чтобы тогда былъ присланъ надежный чиновникъ съ полномочіемъ для пособія ему.

„Отъ 20-го сентября писалъ онъ письмо къ Аракчееву изъ Карачева, въ коемъ объясняетъ, что по пріѣздѣ въ Харьковъ былъ у Якова Булгари, у коего засталъ и племянника его, графа Андрея, что онъ объявилъ имъ о взятіи его по подозрѣнію по дѣлу Сивиниса; что графъ Яковъ Булгари жаловался, что онъ по тому же дѣлу не имѣетъ отвѣта на три просьбы, на Высочайшее имя поданныя, но что на вопросъ его, Шервуда, объ обществѣ отозвался гр. Булгари незнаніемъ; напротивъ того, когда сей вышелъ изъ комнаты, то племянникъ гр. А. Булгари спрашивалъ его, какъ идутъ дѣла сего общества, объявилъ ему, что онъ знаетъ чрезъ графа Н. Булгари, служащаго въ лейбъ-кирасирскомъ Ея Величества полку поручикомъ, что прапорщикъ Вадковскій въ семъ обществѣ.

„Шервудъ поѣхалъ прямо къ Вадковскому въ Курскъ 9-го сентября, въ полночь, нашелъ его спящимъ въ своей квартирѣ, но, разбудивъ, объявилъ о случившемся съ нимъ, и что онъ выпросилъ себѣ годовой отпускъ единственно, чтобы дѣйствовать въ пользу извѣстнаго ему общества. Вадковскій вскочилъ съ постели, обнималъ его и спросилъ, сколько онъ имѣетъ членовъ; на сіе объявилъ ему Шервудъ: два генерала и 47 штабъ-и оберъ-офицеровъ. Вадковскій обрадовался сей лжи, просилъ при вторичномъ пріѣздѣ въ Курскъ привезти списокъ; считая сіе весьма важнымъ, хвасталъ, что предпріятіе ихъ идетъ сверхъ чаянія хорошо, что изъ корпуса генералъ-адъютанта Бороздина есть двѣ значи-

[1]) См. любопытный разговоръ Шервуда съ Императоромъ Александромъ, приведенный Шильдеромъ, «Им. Ал. I. Его жизнь и царств.», т. IV.

тельныя особы и довольное число прочихъ, принадлежащихъ ихъ обществу, и что онъ почитаетъ только труднѣйшимъ въ ихъ предпріятіи истребить вдругъ всю Августѣйшую фамилію, что, впрочемъ, надѣется также въ семъ на содѣйствіе поляковъ столько же хорошо, какъ собственно на своихъ.

„Шервудъ, послѣ всѣхъ сихъ ужасныхъ объясненій Вадковскаго, человѣка, котораго онъ прежде вовсе не зналъ, обѣщался ему доставить списокъ, который Вадковскій обще со своимъ хотѣлъ въ половинѣ ноября доставить чрезъ поручика графа Н. Булгари въ С.-Петербургъ. Посему просилъ Шервуда, въ вышеупомянутомъ письмѣ къ графу Аракчееву, послать къ нему въ половинѣ ноября надежнаго чиновника въ Харьковъ, который по объясненіи съ нимъ могъ бы перехватить Булгари съ бумагами. Его Величество, вручивъ ему сіе письмо по дорогѣ въ Новочеркасскъ, изволилъ выбрать для сего назначенія лейбъ-гвардіи, Казачьяго полка полковника Николаева, съ тѣмъ, чтобы ни ему, ни кому другому не объявить до возвращенія изъ Крыма.

„Между тѣмъ пріѣхалъ по Высочайшему соизволенію, въ Таганрогъ, 18-го октября, генералъ-лейтенантъ Виттъ и объявилъ равномѣрно, что существуетъ такое общество, которое значительно увеличилось въ обѣихъ арміяхъ и старалось, но тщетно, помощью генералъ-майора Михаила Орлова и сыновей генерала Раевскаго, заразить и Черноморскій флотъ, что бываютъ часто подобныя собранія въ фамиліи Давыдовыхъ, кои всѣ заражены симъ духомъ, и что изъ числа дѣятельнѣйшихъ членовъ объявлены ему гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ *Муравьевъ*, гвардейскій офицеръ *Бестужевъ*, служившій прежде во флотѣ, нѣкто Рылѣевъ (вѣроятно секундантъ покойнаго поручика Чернова на дуэли съ флигель-адъютантомъ Новосильцевымъ), что 18-я пѣхотная дивизія въ особенности заражена симъ духомъ, и что въ оной играетъ главную роль командиръ Вятскаго пѣхотнаго полка полковникъ *Пестель*, что адъютантъ графа Витгенштейна *Крюковъ* и ген.-лейт. Рудзевича *Шишковъ*—также члены, и что, наконецъ, одинъ изъ главныхъ членовъ - подпоручикъ квартирмейстерской части *Лихаревъ*, который недавно женился на дочери

сенатора Бороздина. Всѣ сіи извѣстія даны графу Витту однимъ членомъ, и по недовольной еще основательности оныхъ надѣялся онъ получить вѣрнѣйшія на кіевскихъ контрактахъ, ибо давалъ имъ надежду склониться на ихъ сторону по неприятностямъ, имѣвшимся между имъ, Виттомъ, и графомъ Аракчеевымъ. Графъ Виттъ при семъ прибавилъ, что онъ надѣется, что можно получить также свѣдѣніе отъ гвардейскаго генеральнаго штаба штабъ-кап. *Корниловича*, принадлежавшаго сему обществу, но раскаявшагося, увидя бездну ужасную, въ которую оно можетъ ввести; равномѣрно доставилъ графъ Виттъ письмо отъ неизвѣстнаго, который, объявляя объ обществѣ и огромности его, остерегаетъ его о личной его опасности тѣмъ, что заговорщики хотѣли его сдѣлать одного изъ первѣйшихъ жертвъ замысловъ своихъ.

„Его Императорское Величество приказалъ гр. Витту продолжать открытія свои и изволилъ отправиться въ Крымъ; радостный пріемъ всѣхъ чиновъ 20-й пѣхотной дивизіи, совершенно по духу, издревне свойственному россійскому воинству, и увѣренія генералъ-лейт. Рудзевича въ таковомъ же духѣ ввѣренныхъ ему войскъ, хотя и успокоили Его Величество насчетъ общаго распространенія подобнаго зла, но, не менѣе того, приказалъ мнѣ еще 10-го ноября отправить полковника Николаева по прежнему предположенію въ Харьковъ, дабы онъ, по указанію унтеръ-офицера Шервуда, схватилъ вышеупомянутыя бумаги, посланныя прапорщикомъ Вадковскимъ черезъ поручика гр. Н. Булгари въ С.-Петербургъ, принимая при томъ въ соображеніе совѣты и объясненія Шурвуда съ должною осторожностью.

„15-го ноября, полковникъ Николаевъ увидѣлъ въ предназначенномъ въ письмѣ Шервуда трактирѣ сего унтеръ-офицера и, призвавъ его къ себѣ, получилъ отъ него объясненіе, которое Шервудъ повторилъ письменно ко мнѣ, и главное содержаніе коего слѣдующее: послѣ нѣкотораго пребыванія Шервуда въ Орлѣ и окружности до 26-го октября (онъ не объясняетъ—съ какого числа) и во время котораго хотя и былъ два раза у ген.-адъют. Бороздина, но, какъ онъ говоритъ по краткости времени, ничего касающагося до об-

щества открыть не могъ, поѣхалъ онъ, Ш—дъ, въ Курскъ, гдѣ засталъ прапорщика В—скаго, возвратившагося отъ поѣздки къ ротмистру Кавалергардскаго полка *графу Захару Чернышеву* въ 80-ти верстахъ отъ Курска.

„Вадковскій принялъ его съ восхищеніемъ, разсказалъ ему объ успѣхѣ ихъ дѣла, получилъ изъ Спб-га извѣстіе, что 10 офицеровъ гвардіи приняты въ ихъ общество. Онъ жаловался на вѣтренность поручика графа Н. Б—ри, который съ графами Спиро и А. Б—ри поѣхалъ въ Одессу, и черезъ то промедлитъ доставленіемъ списка въ Спб. и особливо требованіемъ отъ главныхъ членовъ общества заведенія секретной типографіи для напечатанія сочиненій въ ихъ духѣ и присылки трехъ экземпляровъ ихъ конституціи, изъ коихъ одинъ хотѣлъ дать Ш—ду.

„Ш—дъ предлагалъ себя для посылки въ Спб., но В—скій отклонилъ сіе, сказавъ, что поручикъ графъ Б—ри уже на сіе опредѣленъ и имѣетъ для сего подорожную во всю имперію. Ш—дъ ему далъ списокъ мнимыхъ членовъ, завербованныхъ имъ будто въ поселеніи, и разныя замѣчанія о способностяхъ ихъ. В—скій спряталъ оный въ скрипичный футляръ, гдѣ еще хранятся другія бумаги, съ тѣмъ, что человѣкъ В—скаго можетъ ихъ сжечь, когда предстоитъ въ томъ надобность.

„Дивизіонный начальникъ 1-ой конноегерской дивизіи генералъ-майоръ Зассъ, оставилъ Вадковскаго въ Курскѣ въ караульныхъ эскадронахъ еще на другую очередь. Ш—дъ былъ у него въ гостяхъ въ караулѣ, куда приходилъ Сѣверскаго конноегерскаго полка майоръ Гофманъ, отъ котораго Ш—дъ услышалъ весьма неприличные разговоры насчетъ правительства. В—скій сказалъ ему послѣ: вотъ уже приготовленъ при первомъ. Шервудъ писалъ изъ Курска къ графу А. Б—ри, чтобы поручикъ графъ Н. Б—ри воротился скорѣе. Сіе письмо повезъ въ Одессу ротмистръ кавалергардскій графъ Чернышевъ, который ожидаетъ изъ главной квартиры I-й арміи отпускъ, будучи предварительно отпущенъ въ Курскъ.

„Вадковскій разсказывалъ Ш—ру слѣдующее:

„Въ обществѣ состоятъ: Кавалергардскаго полка рот-

мистръ графъ Захаръ Чернышевъ, дѣйствующее лицо въ Спб-гѣ, того же полка Свистуновъ (вѣроятно, корнетъ, выпущенный изъ камерпажей); 'лейбъ-гвардіи Коннаго полка офицеръ *Бураковъ*, недавно женившійся на фрейлинѣ Ушаковой, принятъ въ общество Вадковскимъ, равно какъ юнкеръ *Скарятинъ*, пріѣхавшій изъ Кіева (неизвѣстно, какого полка). который объявилъ, что онъ недавно къ сему пріуготовленъ былъ своимъ учителемъ; *графъ Бобринскій* (Ш—ду неизвѣстно который) пожертвовалъ 10.000 рублей на заведеніе секретной типографіи; полковникъ Пестелъ, бывшій адъютантъ графа Витгенштейна (командиръ Вятскаго пѣхотнаго полка), ни В—скому, ни Ш—ду неизвѣстно, гдѣ онъ квартируетъ и какимъ именно полкомъ командуетъ, почему В—скій просилъ Ш—да узнать вѣрнѣе о семъ, и Ш—дъ просилъ о томъ увѣдомленія отъ знакомаго ему адъютанта г.-л. Родзевича, капитана Шишкова, и состоящаго по особымъ порученіямъ у г.-адъют. Киселева, майора Пущина. Наконецъ считаетъ въ числѣ членовъ генералъ-инт. второй арміи *Юшневскаго*.

„Ш—дъ получилъ всѣ сіи извѣстія отъ В—скаго, обѣщавъ заѣхать къ нему, когда поѣдетъ въ Москву и Спб., въ началѣ декабря.

„Въ доказательство связей своихъ представилъ два собственноручныхъ письма В—скаго, которыя по двусмысленности своей довольно ясно доказываютъ непозволительныя ихъ связи, Шервудъ полагалъ во время вторичнаго своего свиданія съ В—скимъ, въ началѣ декабря, уговорить препоручить ему отвезть списокъ членовъ, если не пріѣдетъ Булгари.

„По полученіи сихъ извѣстій, по важности скорѣйшаго открытія столь ужаснаго зла, въ особенности въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, коими, вѣроятно, зломыслящіе желаютъ воспользоваться для распространенія онаго, приказалъ я полковнику Николаеву, если онъ въ томъ надѣется имѣть успѣхъ, отправиться съ Ш—домъ или вслѣдъ за онымъ въ Курскъ, подъ видомъ отпуска и, притворясь вступить черезъ Ш—да въ ихъ общество, стараться выманить секреты В—скаго и лично удостовѣриться въ оныхъ. Буде же успѣетъ въ семъ,

смотря по обстоятельствамъ, или арестовать В—скаго и бумаги его и сообщниковъ, буде есть таковые, или же меня заранѣе увѣдомить для принятія должныхъ мѣръ.

„Я получилъ рапортъ полковника Н—ва, что онъ отправился 26-го ноября въ Курскъ для исполненія сего.

„Въ ожиданіи дальнѣйшихъ извѣстій, получилъ я 1-го декабря съ прибывшимъ сюда, въ Таганрогъ, адъютантомъ г.-л. Рота, поручикомъ гусарскаго Оранскаго полка, графомъ Штейнбокомъ, отъ сего генерала рапортъ и письмо, писанное рукою начальника корпуснаго штаба, г.-м. кн. Горчакова, и при нихъ письмо Вятскаго пѣхотнаго полка капитана Майбороды на Высочайшее имя.

„Капитанъ Майборода говоритъ въ письмѣ семъ, что, подозрѣвая давно полкового своего командира, полковника Пестеля, въ незаконныхъ связахъ къ нарушенію общаго спокойствія, дабы лучше о томъ узнать, поддавался притворно и тѣмъ открылъ, что въ Россіи существуетъ уже болѣе десяти лѣтъ и болѣе и болѣе увеличивается общество либераловъ, корень котораго въ Россіи и въ нѣкоторыхъ принадлежащихъ мѣстахъ ему, Майбородѣ извѣстенъ. Сіе общество даже знало предварительно, когда въ началѣ сего года посланъ былъ въ Харьковъ г.-м. Шеншинъ для захваченія бумагъ графа Булгари. Онъ проситъ послать довѣренную особу въ квартиры роты его, Липовецкаго повѣта, въ село Балабановку, которой откроетъ онъ, гдѣ сохраняются бумаги сего общества и приготовленные уже какіе-то законы подъ именемъ *Русской Правды*, сочиненіемъ коихъ занимаются г.-инт. *Юшневскій*, полковникъ *Пестель* и въ Спб. гвардейскаго генеральнаго штаба (капитанъ) Никита Муравьевъ (Я при семъ долженъ прибавить, что графъ Виттъ мнѣ сказалъ, что онъ имѣетъ подозрѣніе на инт. первой арміи *Пирогова*. Ш—дъ же и Май—да говорятъ про г.-инт. второй арміи Юшневскаго и не упоминаютъ о Пироговѣ).

„Въ томъ же письмѣ проситъ М—да представиться лично государю императору съ тѣмъ, чтобы препоручено было довѣренной особѣ привесть его сюда. Онъ считаетъ жизнь свою въ опасности и посему, не рѣшаясь открыться своему высшему начальству, проситъ перевода изъ второй арміи,

куда угодно будетъ. Въ случаѣ же, что теперь увидитъ себѣ опасность, намѣренъ спастись къ г.-л. Роту.

„Генералъ Ротъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ прибавляетъ, что Май—да, явясь къ нему въ Житомиръ, объявилъ ему еще лично при просьбѣ о доставленіи открытаго упомянутаго письма, что общество, о которомъ онъ говоритъ, было составлено подъ именемъ общества просвѣщенія, что впослѣдствіи многіе отъ него отклонились, между прочимъ, командиры полковъ: Украинскаго пѣхотнаго полка—полковникъ Бурцовъ и Казанскаго—полковникъ Аврамовъ, также квартирмейстерской части полковникъ Комаровъ, и что они вѣрно не отказались бы въ открытіи дальнѣйшихъ свѣдѣній, нынѣ при 5-мъ пѣхотномъ корпусѣ и во временномъ отпуску) [1]. Сверхъ всего объявилъ Май—да, что денщикъ полковника Пестеля Савенко, ему совершенно преданный [2]), знаетъ много подробностей, и гдѣ важнѣйшія бумаги, кои хранятся частью въ двухъ зеленыхъ портфеляхъ. Май—да уѣхалъ обратно въ свой полкъ и надѣется, что скроетъ поѣздку свою въ Житомиръ".

Кромѣ того, Дибичъ добавлялъ, что „сіе зло распространено не только во второй арміи, но и по первой, особливо по 4-му резервному кавалерійскому корпусу. Что же касается до чиновъ гвардейскаго корпуса, замѣшанныхъ по показаніямъ, въ семъ докладѣ объясненнымъ, то обстоятельство сіе передано на благоусмотрѣніе В. И. В."

Вспоминая въ своихъ запискахъ объ этомъ любопытномъ документѣ, Николай писалъ: „Показанія были весьма не ясны, не опредѣлительныя". Эта неясность увеличивалась тѣмъ, что о Петербургѣ, о которомъ интереснѣе всего ему было знать, не было почти никакихъ свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе, первая мысль Николая, какъ онъ самъ пишетъ, была „узнать, кто изъ поименованныхъ лицъ въ Петербургѣ, и не медля ихъ арестовать". Но „изъ петербургскихъ заговорщиковъ по

[1]) Какъ наши читатели помнятъ показанія Комарова, донесеніе не ошиблось въ его способностяхъ. См. II вып. Биб. Дек.

[2]) По этому то Савенко въ крѣпости былъ закованъ въ кандалы.

справкѣ никого не оказалось [1]) на лицо; всѣ были въ отпуску, а именно Свистуновъ, гр. Зах. Чернышевъ и Никита Муравьевъ, что болѣе еще утверждало справедливость подозрѣній, что они были въ отсутствіи для съѣзда [2]), какъ то въ запискахъ упоминалось. Графъ Милорадовичъ долженъ былъ вѣрить столь яснымъ уликамъ въ существованіи заговора и вѣроятномъ участіи и другихъ лицъ, хотя объ нихъ не упоминалось; онъ обѣщалъ обратить все вниманіе полиціи, но все осталось въ прежней безъясности".

Эта „безъясность", однако, не усыпила Николая, она только неправильно направила его дѣятельность. „Но при томъ долгомъ считаю въ честь нашей гвардіи сказать,—писалъ онъ Дибичу того же 12 декабря, что я почти увѣренъ, что сообщниковъ подобнаго злодѣянія здѣсь весьма мало, или и вовсе нѣтъ. Тому служитъ неоспоримымъ доказательствомъ примѣрный порядокъ, соблюдаемый здѣсь по *всѣмъ* частямъ съ самаго ужаснагѡ 27-го числа; нѣтъ ни слуха о томъ, ни подозрѣнія въ чемъ-либо подобномъ, и, напротивъ, можно скорѣе сказать, что почти *никогда* такого порядка при жизни государя здѣсь не бывало: я бы грѣшилъ предъ Богомъ и предъ самимъ собою, если бы говорилъ противное. Но „на Бога надѣйся и самъ не плошай" было и будетъ нашимъ правиломъ до конца, и мы не зѣваемъ".

Но едва это было написано, какъ Николаю подаютъ пакетъ, принесенный молодымъ, еще только двадцатилѣтнимъ юношею, адъютантомъ командующаго гвардейскою пѣхотою, подпоручикомъ Ростовцевымъ. Пакетъ былъ адресованъ великому князю отъ генерала Бистрома, однако, въ немъ находилось письмо самого Ростовцева. Онъ писалъ:

„Ваше императорское высочество! Всемилостивѣйшій государь! Три дня я тщетно искалъ случая встрѣтить васъ наединѣ, наконецъ, принялъ дерзость писать къ вамъ. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ, съ сердечнымъ удовольствіемъ замѣчалъ иногда ваше доброе ко мнѣ расположеніе, думая,

[1]) Не вѣрно; Рылѣевъ былъ въ Спб., а онъ упомянутъ въ донесеніи и полиціи доносили о собраніяхъ у него.

[2]) Въ дѣйствительности они были въ разныхъ сторонахъ Россіи.

анесеніе смертельной раны Милорадовичу 14 декабря 1825 года.

(Съ рисунка, принадлежащаго Г. А. Милорадовичу).

что люди, васъ окружающіе, въ минуту рѣшительную не имѣютъ довольно смѣлости быть откровенными съ вами; горя желаніемъ быть по мѣрѣ силъ моихъ полезнымъ спокойствію и славѣ Россіи, наконецъ, въ увѣренности, что къ человѣку, отвергшему корону, какъ къ человѣку истинно благородному, можно имѣть полную довѣренность, я рѣшился на сей отважный поступокъ. Не почитайте меня ни презрѣннымъ льстецомъ, ни коварнымъ доносчикомъ; не думайте, чтобы я былъ чьимъ-либо орудіемъ или дѣйствовалъ изъ подлыхъ видовъ моей личности; нѣтъ, съ чистой совѣстью я пришелъ говорить вамъ правду.

„Безкорыстнымъ поступкомъ своимъ, безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ, вы содѣлались предметомъ благоговѣнія, и исторія, хотя бы вы никогда не царствовали, поставитъ васъ выше многихъ знаменитыхъ честолюбцевъ. Но вы только зачали славное дѣло! чтобы быть истинно великимъ, вамъ нужно довершить оное.

„Въ народѣ и войскѣ распространился уже слухъ, что Константинъ Павловичъ отказывается отъ престола. Слѣдуя рѣдко влеченію вашего добраго сердца, излишне довѣряя льстецамъ и наушникамъ, вы весьма многихъ противъ себя раздражили.

„Для вашей собственной славы подождите царствовать.

„Противъ васъ должно таиться возмущеніе; оно вспыхнетъ при новой присягѣ, и, можетъ быть, это зарево освѣтитъ конечную гибель Россіи“.

Предсказывая далѣе въ письмѣ раздѣленіе Россіи, Ростовцевъ просилъ вызвать въ Петербургъ Константина Павловича и всенародно, на площади, принять корону или отречься отъ престола, и такъ закончилъ свои изліянія: „Ежели ваше воцареніе, что да дастъ Всемогущій, будетъ мирно и благополучно, то казните меня, какъ человѣка недостойнаго, желавшаго изъ личныхъ видовъ нарушить ваше спокойствіе; ежели же, къ несчастію Россіи, ужасныя предположенія мои сбудутся, то наградите меня вашею довѣренностью и позвольте мнѣ умереть возлѣ васъ“.

Не прождалъ Ростовцевъ и десяти минутъ, какъ выходитъ Николай и ведетъ его въ кабинетъ. Здѣсь, затворивъ плотно

дверь, онъ, цѣлуя его нѣсколько разъ, сказалъ: „Вотъ чего ты достоинъ, такой правды я не слыхивалъ никогда!"

— Ваше высочество, не почитайте меня доносчикомъ и не думайте, чтобы я пришелъ съ желаніемъ выслужиться.

— Мой другъ, я давно знаю тебя за благороднаго человѣка, и подобная мысль недостойна ни тебя, ни меня. Я умѣю понимать тебя! Я отъ тебя личностей и не ожидаю. Но какъ ты думаешь, нѣтъ ли противъ меня какого-нибудь заговора?

— Не знаю никого. Можетъ быть многіе питаютъ неудовольствіе противъ васъ; но я увѣренъ, что люди благоразумные въ мирномъ воцареніи вашемъ видятъ спокойствіе Россіи. Вотъ уже пятнадцать дней, какъ гробъ лежитъ у насъ на тронѣ, и обыкновенная тишина не прерывалась, но, ваше высочество, въ самой этой тишинѣ можетъ крыться коварное возмущеніе.

— Мой другъ, можетъ быть, ты знаешь нѣкоторыхъ злоумышленниковъ и не хочешь назвать ихъ, думая, что сіе противно благородству души твоей,—и не называй! Ежели какой-либо заговоръ тебѣ извѣстенъ, то дай отвѣтъ не мнѣ, а Тому, Кто насъ выше! Мой другъ, я плачу тебѣ довѣренностью за довѣренность! Ни убѣжденія матушки, ни мольбы мои не могли преклонить брата принять корону; онъ рѣшительно отрекается. Въ приватномъ письмѣ проклинаетъ меня, что я провозгласилъ его императоромъ, и прислалъ мнѣ съ Михаиломъ Павловичемъ актъ отреченія. Я думаю, что этого будетъ довольно.

— Нѣтъ, ваше высочество, этого будетъ мало! Пусть онъ пріѣдетъ самъ и всенародно на площади провозгласитъ васъ своимъ государемъ.

— Что дѣлать! Онъ рѣшительно отъ этого отказывается.

— Для блага Россіи вы должны убѣдить его это сдѣлать.

— Мой другъ, онъ мой старшій братъ! Впрочемъ, будь покоенъ; нами всѣ мѣры будутъ приняты. Но ежели умъ человѣческій слабъ, ежели воля Всевышняго назначитъ иначе, ежели мнѣ нужно погибнуть, то у меня шпага съ темлякомъ: это вывѣска благороднаго человѣка. Я умру съ нею

въ рукахъ, увѣренный въ правотѣ и святости своего дѣла, и съ чистою совѣстію предстану на судъ Божій.

— Ваше высочество, это личность. Вы думаете о собственной славѣ и забываете Россію: что будетъ съ нею?

— Мой другъ, можешь ли ты сомнѣваться, чтобы я любилъ Россію менѣе себя? Но престолъ празденъ, братъ мой отрекается, я единственный законный наслѣдникъ, Россія безъ царя быть не можетъ. Что же велитъ мнѣ дѣлать Россія? Нѣтъ, мой другъ, ежели нужно умереть, то умремъ вмѣстѣ [1]).

— Ваше высочество, умоляю васъ: возьмите мою шпагу. Пусть послѣдствія обвинятъ меня или оправдаютъ.

— Нѣтъ, мой другъ, ты слишкомъ достоинъ носить ее. Подъ арестомъ ты не можешь быть полезенъ, а съ нею, въ случаѣ нужды, ты будешь вѣрнѣйшимъ щитомъ моимъ.

— Ваше высочество, позвольте еще просить васъ, чтобы это осталось между нами.

— Это останется навсегда въ сердцѣ моемъ! Этой минуты я никогда не забуду. Знаетъ ли Карлъ Ивановичъ [2]), что ты поѣхалъ ко мнѣ?

— Ваше высочество, онъ слишкомъ къ вамъ привязанъ; этимъ я не хотѣлъ огорчить его; сверхъ того, я полагалъ, что только лично съ вами я могу быть откровеннымъ насчетъ васъ.

— И не говори ему ничего до времени; я самъ поблагодарю его, что онъ, какъ человѣкъ благородный, умѣлъ найти въ тебѣ благороднаго человѣка и не ошибся.

— Ваше высочество, не дѣлайте мнѣ никакой награды; всякая награда осквернитъ мой поступокъ въ собственныхъ глазахъ моихъ.

— Наградой тебѣ—моя дружба. Прощай“ [3]).

Стоя передъ неизбѣжною участію и наэкзальтированный таинственными, неуловимыми слухами о предстоящей опас-

---

[1]) Здѣсь растроганные собесѣдники нѣсколько разъ поцѣловались.

[2]) Генералъ Бистромъ.

[3]) На прощаніе слѣдовали объятія и поцѣлуи. Шильдеръ—тамъ же.

ности, Николай не зналъ, гдѣ ему искать и спасенія и утѣшеній. 12-го же декабря онъ писалъ въ Таганрогъ Волконскому:

„Воля Божія и приговоръ братній надо мной совершается. 14-го числа я буду государь или *мертвъ.* Что во мнѣ происходитъ, описать нельзя; вы вѣрно надо мной сжалитесь— да, мы всѣ несчастные,—но нѣтъ несчастливѣе меня! Да будетъ воля Божія!.. Вы меня прежде любили, сколько я могъ замѣтить; надѣюсь, что и теперь не усомнитесь въ искреннемъ уваженіи и дружбѣ моей“.

Такъ наступала развязка того узла, который былъ лишь еще больше затянутъ Николаемъ дѣйствіями, вызванными эгоизмомъ и упорствомъ. Теперь ему одному пришлось быть въ отвѣтѣ, хотя виноватъ онъ былъ далеко не одинъ: оба его брата и Александръ, и Константинъ равно подготовили то положеніе, изъ котораго Николай боялся не выйти живымъ. Опасность, конечно, была преувеличена, но она увеличивалась благодаря „безъясности“ врага, неизвѣстности его нахожденія, откуда могъ напасть. Для своего спасенія надо было дѣйствительно „не зѣвать“.

VII.

Канунъ 14-го декабря во дворцѣ.

„Рѣшительный курьеръ возвратился“. Надо было кончать тѣмъ, съ чего надо было начать двѣ недѣли тому назадъ. Теперь же приходилось объяснять всю запутанность, всю странность двухнедѣльнаго междуцарствія. Задача едва ли легкая, во всякомъ случаѣ неблагодарная и рискованная. Рѣшить ее поручили Адлербергу, Карамзину и Сперанскому. Ими рѣшено было, что Николай настаивалъ на присягѣ Константину „не въ пререканіе дѣйствительной воли, изъявленной Его Высочествомъ, и еще менѣе въ преслушаніе воли покойнаго государя Императора, общаго Нашего Отца и Благодѣтеля, воли для Насъ всегда священной, но дабы оградить коренный Законъ порядка наслѣдія Престола отъ

всякаго прикосновенія, дабы отклонить самую тѣнь сомнѣнія въ чистотѣ намѣреній Нашихъ, и дабы предохранить любезное Отечество Наше отъ малѣйшей, даже и мгновенной неизвѣстности о законномъ его Государѣ". Ничего, что подобное рѣшеніе, на повѣрку имѣло явное противорѣчіе въ самомъ себѣ, но за то оно было согласно волѣ Николая; ничего, что нарушеніемъ „священной" воли отца и благодѣтеля — послѣдняго лишали самодержавія, возможности прикоснуться къ порядку наслѣдія, за то было объяснено гладко и... правдоподобно.

Гораздо труднѣе оказалось сладить съ заключеніемъ... упованіями, обѣщаніями и прочими принадлежностями *перваго* манифеста.

„Въ заключеніе—пишетъ Карамзинъ хотѣлось бы мнѣ также чего-нибудь живѣйшаго, сильнѣйшаго для утѣшенія и надежды россіянъ. Напримѣръ:

„И Мы въ сей торжественный часъ, предъ лицомъ Всевышняго, отъ глубины сердца даемъ обѣтъ жить единственно для любезнаго отечества: слѣдовать примѣру оплакиваемаго нами вѣнценосца.

„Да будетъ наше царствованіе только продолженіемъ Александрова!

„Да благоденствуетъ Россія своими уже пріобрѣтенными могуществомъ, внѣшнею безопасностію, внутреннимъ устройствомъ, чистою вѣрою нашихъ предковъ, доблестію государственною и воинскою, истиннымъ просвѣщеніемъ ума и непорочностью нравовъ, плодами трудолюбія и дѣятельности полезной, мирною свободою жизни гражданской и спокойствіемъ сердецъ невинныхъ. Да будетъ престолъ нашъ твердъ закономъ вѣрностію народною!

„Да соединится неразрывно, подъ Нашею державою, правосудіе неослабное съ милосердіемъ человѣколюбія! Да исполнится все, чего желалъ, но еще не успѣлъ совершить для отечества Александръ безсмертный, тотъ, коего священная память должна питать въ насъ и ревность и надежду стяжать благословеніе Божіе и любовь народа россійскаго!".

Бѣдный Карамзинъ не понималъ, что его языкъ—не языкъ самодержца Николая, и потому не предвидѣлъ, что его „жи-

вѣйшія и сильнѣйшія“ надежды и обѣщанія не могли быть одобрены: неприлично хвалить своего брата и недопустимо обѣщать какую-то „мирную свободу“ или говорить о вѣрности народной“ и „любви народа“.

Проектъ былъ переданъ Сперанскому, а онъ зналъ, что значитъ говорить о народѣ, и все „сильнѣйшее“ исчезло подъ его перомъ.

Манифестъ готовъ, подписанъ даже заднимъ числомъ, 12-мъ декабря, но нѣтъ еще великаго князя Михаила Павловича, застрявшаго на станціи между Петербургомъ и Варшавою, и потому обнародованіе манифеста отложено до 14-го декабря.

Тѣмъ временемъ Николай послалъ родственное письмо въ Варшаву съ изліяніемъ своихъ сердечныхъ вѣрноподданическихъ чувствъ.

Письмо это, какъ и предыдущее, весьма интересно.

„Любезнѣйшій братъ!—писалъ Николай. -Съ сердечнымъ сокрушеніемъ въ полной мѣрѣ раздѣляя съ В. В. тяжкую скорбь, совокупно Насъ постигшую, Я искалъ утѣшенія въ той мысли, что въ Васъ, какъ старшемъ братѣ, коего отъ юности моей привыкъ Я чтить и любить душевно, найду отца и государя.

„Ваше Высочество, письмомъ В. отъ 26-го ноября лишили меня сего утѣшенія. Вы запретили мнѣ слѣдовать движеніямъ моего сердца, и присягу, не по долгу только, но и по внутреннему чувству моему Вамъ принесенную, принять не благоволили.

„Но, В. В., не воспретите, ничѣмъ не остановите чувства преданности и той внутренней, душевной присяги, которую, Вамъ давъ, возвратить Я не могу и которой отвергнуть, по любви Вашей ко мнѣ, Вы не будете въ силахъ.

„Желанія В. В. исполнены. Я вступилъ на ту степень, которую Вы мнѣ указали и коей, бывъ закономъ къ тому предназначены, Вы занять не восхотѣли. Воля Ваша совершилась!

„Но позвольте Мнѣ быть увѣреннымъ, что тотъ, кто, противъ чаянія и желанія Моего, поставилъ Меня на семъ пути многотрудномъ, будетъ на немъ вождемъ Моимъ и на-

ставникомъ. Отъ сей обязанности Вы, предъ Богомъ, не можете отказаться; не можете отречься отъ той власти, которая Вамъ какъ старшему брату, ввѣрена самимъ провидѣніемъ и коей повиноваться, *въ сердечномъ* Моемъ подданствѣ, всегда будетъ для меня величайшимъ въ жизни счастіемъ...

„В. И. В. искренно душевно-вѣрноподданный братъ Николай“ [1]).

Наконецъ, канунъ 14-го декабря закончился необычнымъ опять засѣданіемъ государственнаго совѣта. Созывая экстренное собраніе, Николай писалъ Лопухину, „что имѣя порученіе отъ Государя Императора сообщить Высочайшую волю“, онъ явится лично въ сопровожденіи в. к. Михаила.

Однако, собравшимся не скоро удалось увидать *великихъ князей* и услыхать волю *императора*. Было уже около полуночи, а М. П. еще не пріѣзжалъ, а Н. П. не желалъ являться безъ „личнаго свидѣтеля“ отреченія Константина, очевидно, боясь встрѣтить вновь „сопротивленіе“ со стороны совѣта.

„Такимъ образомъ достигли до 11-ти часовъ ночи,— пишетъ Оленинъ.—Члены совѣта, утомленные отъ ожиданія и пустыхъ между собою разговоровъ и бесѣдуя въ разныхъ комнатахъ, въ разныхъ углахъ, сидѣли уже въ молчаніи, даже самъ кн. Лопухинъ, уставши отъ безпрестанной ходьбы

---

[1]) Корфъ—тамъ же 116—118. Въ отвѣтъ Константинъ между прочимъ писалъ:

«Всемилостивѣйшій Государь! Съ сердечнымъ умиленіемъ имѣлъ Я счастіе получить Всемилостивѣйшій Рескриптъ Вашего Императорскаго Величества, возвѣщающій радостное вступленіе Ваше на Прародительскій Престолъ любезнѣйшей Россіи.

«Ея верховнымъ закономъ,—закономъ священнѣйшимъ для всѣхъ земель, гдѣ твердость бытія уважается благимъ даромъ небесъ, есть воля, милостію Божіею Царствующаго Государя. Ваше Императорское Величество, послѣдовавъ сей волѣ, исполнили волю Царя Царей, Коего направленіемъ и вдохновеніемъ дѣйствуютъ по столь важнымъ предметамъ Цари земные.

«Совершилась воля священная. Поспѣшествуя въ томъ, Я исполнилъ только долгъ мой, долгъ вѣрнѣйшаго подданнаго, преданнѣйшаго Брата,— долгъ Россіянина, гордящагося счастіемъ повиноваться Богу и Государю».

Подписано такъ: «Вѣрнѣйшій подданный *Константинъ Цесаревичъ*».

взадъ и впередъ, сидѣлъ на стулѣ въ передней комнатѣ совѣта".

Трудно сказать, чѣмъ кончилось бы это сидѣніе, если бы вдругъ не явился посланецъ отъ Н. П. съ предложеніемъ пока поужинать.

„Сіе предложеніе многихъ членовъ, удрученныхъ лѣтами и слабостью, нѣсколько оживило, и такъ мы стали уже ожидать ужина—пишетъ Оленинъ.—Но великій князь не пріѣхалъ и послѣ ужина. Между тѣмъ слухъ о чрезвычайномъ собраніи совѣта разнесся по городу, и всѣ ждали, наконецъ, рѣшительныхъ извѣстій; такимъ образомъ нельзя было ни отложить засѣданія, ни оставить это почтенное собраніе ночевать въ совѣтѣ. «Съ сердечнымъ сокрушеніемъ", по выраженію Корфа, Николай „покорился необходимости предстать совѣту безъ своего брата".

Подойдя къ столу, Николай сказалъ: „я выполняю волю брата Константина Павловича"—и началъ читать манифестъ о восшествіи на престолъ. Такъ началось давно ожидавшееся ночное засѣданіе совѣта, во время котораго *великій князь* сталъ быть *императоромъ* и которымъ закончилось междуцарствіе.

Закрывая собраніе и какъ бы характеризуя свою будущую дѣятельность, какъ самодержца, выясняя, такъ сказать направленіе «курса», императоръ сказалъ: „сегодня я васъ прошу, а завтра буду приказывать".

Описывая эту ночь, Корфъ восклицаетъ: „Ночь эта начало новой эры въ нашемъ бытописаніи — во всемъ, казалось, должна была отличаться отъ предшедшаго и послѣдующаго".

Но не въ первомъ словѣ императора надо видѣть начало новой эры, не въ этомъ окрикѣ неограниченной власти, а въ той звѣздѣ русской свободы, которая загорѣлась въ эту ночь для борьбы съ этой властью.

„Державная чета отошла къ покою, —пишетъ Корфъ,— и сонъ ея былъ безмятеженъ: съ чистою предъ Богомъ совѣстію, она предала себя, отъ глубины души, Его неисповѣдимому промыслу"; тогда же пробудилось сознаніе русскихъ, и первый шагъ ихъ былъ не мятежъ, не цареубійство, какъ, раньше, а первый могучій протестъ во имя правъ человѣка и гражданина.

VIII.

Тайное общество въ Петербургѣ. Его дѣйствія въ періодъ междуцарствія.

Пока такъ затянулось рѣшеніе вопроса, кому изъ двухъ братьевъ наслѣдовать ихъ отцу и благодѣтелю, мы сказали, выдвинулся другой вопросъ: — на какихъ условіяхъ царствовать Николаю? быть ли дольше самодержавію въ Россіи или ей управляться народнымъ представительствомъ? скуетъ ли Николай Россію желѣзными цѣпями, или раздѣлитъ свою власть съ законодательной палатой? Такъ, конечно, поставили вопросъ члены Сѣвернаго общества, не потерявшіе пылъ къ политическимъ вопросамъ со времени Союза спасенія и Союза благоденствія. Здѣсь не было мѣста цареубійству, ради самаго цареубійства, какъ это было не разъ прежде и какъ это хотѣлъ представить Николай въ глазахъ темной массы.

И если 12-го декабря Николай получилъ въ наслѣдственное владѣніе русскій тронъ отъ своего брата, то черезъ день—14-го декабря картечные выстрѣлы поднесли ему самодержавіе въ полной его неприкосновенности.

Но, прежде, чѣмъ говорить объ этомъ заключительномъ моментѣ декабрьской катастрофы, намъ нужно познакомиться подробнѣе съ его подготовительными стадіями, намъ необходимо знать положеніе и дѣйствіе Сѣвернаго общества въ эту эпоху.

„Между тѣмъ и въ обществѣ Петербургскомъ явилась большая противъ прежняго и безпокойная дѣятельность, особливо со времени вступленія Рылѣева въ Думу на мѣсто князя Сергѣя Трубецкого“—такъ изображаетъ положеніе Сѣвѣрнаго общества донесеніе „Комиссіи для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ“. Но на то она и была учреждена, чтобы все представить въ большемъ размѣрѣ, тѣмъ болѣе это такъ совпадало съ желаніями Николая. Если же мы послушаемъ самихъ участниковъ этого общества, то у

насъ явится совсѣмъ другое представленіе о его „безпокойной дѣятельности“.

„Не знаю,—пишетъ одинъ изъ „безпокойныхъ“ членовъ, Н. А. Бестужевъ, — былъ ли Рылѣевъ обманутъ самъ, или желалъ другимъ представлять дѣла общества въ лучшемъ видѣ, только изъ его пламенныхъ разговоровъ о распространеніи числа членовъ, принадлежащихъ къ союзу благомыслящихъ людей, я и другіе заключали, что общество наше многочисленно и что значащіе люди участвуютъ въ ономъ. Въ семъ положеніи дѣла застигла насъ нечаянная смерть Александра. Болѣе года прежде сего въ разговорахъ нашихъ я привыкъ слышать отъ Рылѣева, что смерть императора была назначена обществомъ эпохою для начала дѣйствій онаго, и когда я узналъ о съѣздѣ во дворцѣ, по случаю нечаянной смерти царя, о замѣшательствѣ наслѣдниковъ престола, о назначеніи присяги Константину, тотчасъ бросился къ Рылѣеву; ко мнѣ присоединился Торсонъ. Происшествіе было неожиданно; вѣсть о немъ пришла совсѣмъ не оттуда, откуда ожидалъ я, и, вмѣсто начатія дѣйствій, я увидѣлъ, что Рылѣевъ не зналъ объ этомъ. Встревоженный и волнуемый духомъ, видя благопріятную минуту пропущенною, не видя общества, не видя никакого начала къ дѣйствію, я горько сталъ выговаривать Рылѣеву, что онъ поступилъ съ нами иначе, нежели было должно.

„Гдѣ же общество,—говорилъ я, о которомъ столько разсказывалъ ты? Гдѣ же дѣйствователи, которымъ настала минута показаться? Гдѣ они соберутся, что предпримутъ, гдѣ силы ихъ, какіе ихъ планы? Почему это общество, ежели оно сильно, не знало о болѣзни царя, тогда какъ во дворцѣ болѣе недѣли получаются бюллетени объ его опасномъ положеніи? Ежели есть какія намѣренія, скажи ихъ намъ — и мы приступимъ къ исполненію. Говори!“

„Рылѣевъ долго молчалъ, облокотясь на колѣни и положивъ голову между рукъ.

„Онъ былъ пораженъ нечаянностію случая и сказалъ:

„Это обстоятельство явно даетъ намъ понятіе о нашемъ безсиліи, я обманулся самъ: мы не имѣемъ установленнаго плана, никакія мѣры не приняты, число наличныхъ чле-

новъ въ Петербургѣ не велико; но, несмотря на это, мы соберемся опять сегодня къ вечеру. Между тѣмъ я поѣду собирать свѣдѣнія, а вы, ежели можете, узнайте расположеніе умовъ въ городѣ и войскѣ".

„Батенковъ и братъ Александръ явились въ эту минуту, и первое начало происшествій, ознаменовавшихъ періодъ междуцарствія, началось бѣднымъ собраніемъ пяти человѣкъ" [1]).

Написанное Бестужевымъ какъ нельзя лучше представляетъ намъ дѣйствительное положеніе Сѣвернаго общества. Подтвержденіе его словъ мы находимъ въ запискахъ другого его члена—кн. С. Трубецкого.

„Первое дѣйствіе тайнаго общества,—пишетъ онъ, было увѣриться, что всѣ его члены будутъ равно усердно содѣйствовать общей цѣли. Но здѣсь оказалось то же, что обыкновенно оказывается во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ. Многіе члены вступили въ общество, когда еще конечное его дѣйствіе представлялось въ неизвѣстной дали. Будучи его членами, они знали, что будутъ всегда поддержаны имъ и что это могло способствовать ихъ возвышенію. Теперь, когда они уже достигли извѣстной степени и когда открывались новыя обстоятельства, они не видѣли пользы для себя дѣйствовать сообразно видамъ тайнаго общества, гдѣ члены не имѣли никакой личной цѣли, жертвовали собою единственно для блага своего отечества, и не представляющаго никакихъ личныхъ выгодъ ни къ которому изъ своихъ членовъ. Многіе, бывшіе ревностными членами въ молодости, охладѣли лѣтами. Теперь предстояло дѣйствіе рѣшительное, которое, съ одной стороны, въ случаѣ успѣха, не представляло личныхъ выгодъ, съ другой стороны, въ случаѣ неуспѣха, грозило гибелью. Выгоднѣе было поддержать имѣющаго надежду получить престолъ и повергнуть себя и всѣ свои способности и средства предъ стопами того, отъ кого можно было надѣяться награды и которому всѣ предположенія обѣщали успѣхъ [2]).

---

[1]) См. I-й выпускъ Библ. Декабр. записки Н. Бестужева.

[2]) Въ подтвержденіе своихъ словъ Трубецкой приводитъ слѣдующій «скорбный листъ»: «Многіе изъ оставшихся въ Россіи членовъ общества

„Общество видѣло себя ослабленнымъ чрезъ отступленіе такихъ членовъ, которые непремѣнно сдѣлали бы значительный перевѣсъ по власти, которую чины, занимаемые ими въ рядахъ гвардіи, предоставили въ ихъ руки“ [1]).

Въ такомъ дѣйствительно критическомъ положеніи находилось Сѣверное общество въ то самое время, когда задачи и цѣль его наиболѣе всего могли быть исполнены. „Никакой другой случай, — пишетъ вполнѣ справедливо декабристъ, кн. Трубецкой,—не могъ быть благопріятнѣе для приведенія въ исполненіе намѣренія тайнаго общества, еслибъ оно было довольно сильно; но члены его были разсѣяны по большому пространству Россійской имперіи. Столица, гдѣ должно было происходить главное дѣйствіе, заключала небольшое число членовъ“ [2]).

Однако это небольшое число членовъ было изъ наиболѣе ревностныхъ и наиболѣе преданныхъ дѣлу народной свободы; достаточно сказать они имѣли во главѣ себя Кондратія Ѳедоровича Рылѣева. Несмотря на ничтожность своихъ силъ, они рѣшились воспользоваться случаемъ и дѣйствовать, „особенно когда въ мыслящей публикѣ поселилось ожиданіе, что Константинъ Павловичъ не приметъ слѣдующаго ему наслѣдія престола“.

занимали послѣ и нынѣ еще занимаютъ важныя должности въ государствѣ: Граббе Г. А. командовалъ на кавказской линіи дивизіей, Гурко замѣнилъ его и послѣ былъ начальникомъ штаба Кавказскаго корпуса, нынѣ тожъ запасныхъ войскъ; князь Михаилъ Горчаковъ—начальникомъ штабовъ дѣйствующей арміи, Николай Николаевичъ Муравьевъ командовалъ корпусомъ. Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ — сенаторъ; Петръ Калошинъ—начальникъ департамента; Илья Бибиковъ — при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ; Кавелинъ—военный генералъ-губернаторъ въ Петербургѣ; Л. В. Перовскій—министръ внутреннихъ дѣлъ; князь Меншиковъ—членъ общества русскихъ рыцарей, начальникъ штаба морского; Вольховскій—начальникъ штаба въ Грузіи; Литке—наставникъ в. к. Константина Николаевича. Не помню другихъ, менѣе значительныя должности занимавшихъ; также не считаемъ Шипова, Ростовцева, Моллера измѣнившихъ обществу и князя Долгорукова, отступившаго изъ страха».

[1]) Записки кн. Трубецкого. СПБ. 1906 г. подъ редакціей В. Я. Якушкина.

[2]) Зап. кн. С. Трубецкого. СПБ. 1906 г. 33—4 стр.

Причины, которыя побудили ихъ, были слѣдующія: 1) „Въ Россіи никогда не бывало, чтобы законный наслѣдникъ престола добровольно отъ него отказывался. и должно было предполагать, что съ трудомъ повѣрятъ такому отказу. 2) Молодыхъ великихъ князей не любили, особенно военные; только нѣкоторая часть двора предпочитала имѣть императоромъ Николая. Придворныя дамы находили, что для нихъ низко будетъ имѣть незначительнаго рода польку императрицей. 3) Во всѣхъ домахъ, принадлежащихъ къ знатнѣйшему обществу столицы, изъявлялось негодованіе на странное положеніе, въ которомъ находилось государство. Это негодованіе не смѣло выразиться рѣчами дерзкими или рѣшительными, но выражалось насмѣшками. Были заклады. кому достанется престолъ. Смѣялись надъ тѣмъ, что отъ Сената посланъ былъ къ императору Константину съ объявленіемъ о принесенной ему присягѣ чиновникъ, бывшій за оберъ-прокурорскимъ столомъ, извѣстный какъ картежный игрокъ, хорошо предугадывавшій карты, и это обстоятельство примѣняли съ насмѣшками къ тогдашнему случаю. 4) Наконецъ, члены тайнаго общества увѣрены были въ содѣйствіи нѣкоторыхъ изъ высшихъ сановниковъ государства, которые, опасаясь дѣйствовать явно, когда еще общество не оказало своей силы, являли себя готовыми пристать, какъ скоро увидѣли бы, что достаточная военная сила можетъ поддержать ихъ.“ [1]).

Рѣшившись дѣйствовать, надо было готовиться, такъ какъ междуцарствіе могло прекратиться каждый день, новая присяга Николаю могла быть объявлена каждую минуту, а на нее-то и разсчитывали заговорщики.

„Съ этой минуты, пишетъ Н. Бестужевъ,—домъ Рылѣева сдѣлался сборнымъ мѣстомъ нашихъ совѣщаній, а онъ душой оныхъ. Ввечѣру мы сообщили другъ другу собранныя свѣдѣнія: онѣ были неблагопріятны. Войско присягнуло Константину холодно, однако безъ изъявленія неудовольствія [2]). Въ городѣ еще не знали, отречется ли Кон-

[1]) Записки кн. Трубецкого.

[2]) Кн. Трубецкой передаетъ, что внутренній караулъ отъ Преображенскаго полка долго отказывался принести присягу Константину. Въ ком-

стантинъ: тайна его прежняго отреченія въ пользу Николая еще не распространилась. Въ Варшаву поскакали курьеры, и всѣ были увѣрены, что дѣла останутся въ томъ же положеніи.

„Когда мы остались трое, Рылѣевъ, братъ мой Александръ и я, то, послѣ многихъ намѣреній, положили было писать прокламаціи къ войску и тайно разбросать ихъ по казармамъ; но послѣ, признавъ это неудобнымъ, изорвали нѣсколько исписанныхъ уже листовъ и рѣшились всѣ трое идти ночью по городу, останавливать каждаго солдата, останавливаться у каждаго часового и передавать имъ словесно, что ихъ обманули, не показавъ завѣщанія покойнаго царя, въ которомъ дана свобода крестьянамъ и убавлена до 15 лѣтъ солдатская служба.

Это положено было разсказывать, чтобы приготовить духъ войска для всякаго случая, могшаго представиться впослѣдствіи. Я для того упоминаю объ этомъ намѣреніи, что оно было началомъ дѣйствій нашихъ и осталось неизвѣстнымъ комитету.

„Нельзя представить жадности, съ какою слушали насъ солдаты, нельзя изъяснить быстроты, съ какою разнеслись наши слова по войскамъ; на другой день такой же обходъ по городу удостовѣрилъ насъ въ этомъ.

„Два дня сильнаго безпокойства, двѣ безсонныя ночи въ ходьбѣ по городу и огорченіе сильно подѣйствовали на Рылѣева. У него сдѣлалось воспаленіе горла; онъ слегъ въ

натѣ, гдѣ обыкновенно стоитъ этотъ караулъ, стоялъ аналой съ крестомъ и евангеліемъ. Солдаты спросили. что это значитъ? -«Присяга»,—отвѣчали имъ; они всѣ въ одинъ голосъ:—«какая присяга?» -«Новому государю».—«У насъ есть государь».—«Скончался».—«Мы не слыхали, что онъ и боленъ былъ». Пришелъ комендантъ Башуцкій и сталъ имъ разсказывать, что извѣстно было о болѣзни и смерти государя. Тогда головной человѣкъ вышелъ впередъ и началъ тѣ же возраженія, прибавивъ, что они не могутъ присягать новому Государю, когда есть у нихъ давно царствующій, и вѣрить о смерти его не могутъ, не слыхавъ даже о болѣзни. Дежурный генералъ штаба Е. В. Потаповъ пришелъ на помощь коменданту, подтвердилъ его слова и началъ уговаривать людей принять присягу. Солдаты настаивали упорно на своемъ отказѣ. Волненіе утихло лишь съ появленіемъ Николая, послѣ его словъ, что и онъ присягнулъ. Трубецкой былъ самъ свидѣтелемъ этой сцены.

постель; воспаленіе перешло въ жабу; онъ едва могъ переводитъ дыханіе, но не переставалъ принимать участіе въ дѣлахъ общества. Мало-по-малу число наше увеличилось; члены съѣзжались отовсюду, и болѣзнь Рылѣева была предлогомъ безпрестанныхъ собраній въ его домѣ.

„Между тѣмъ сомнѣнія на счетъ наслѣдства престола возростали. Намъ открывался новый случай воспользоваться новою присягою. Мы работали усерднѣе: приготовляли гвардію, питали и возбуждали духъ непріязни къ Николаю, существовавшій между солдатами. Рылѣевъ выздоравливалъ и не переставалъ быть источникомъ и главною пружиною всѣхъ дѣйствій общества“ [1]).

Дѣйствія заговорщиковъ были успѣшны. Если мало было на-лицо старыхъ членовъ, то они за время междуцарствія пріобрѣли новыхъ. Большая часть офицеровъ гвардіи, по свидѣтельству князя Трубецкого, не вѣрила возможности отреченія Константина; нелюбовь ихъ къ молодымъ великимъ князьямъ явно оказывалась въ ихъ разговорахъ, и они, которымъ общество открыло свои намѣренія, съ восторгомъ оказали готовность дѣйствовать подъ его руководствомъ. Всѣ эти офицеры были люди молодые; никто изъ нихъ не былъ чиномъ выше ротнаго командира, но они горячо были проникнуты необходимостью перемѣны для Россіи, и это давало имъ увѣренность и рѣшимость.

„Люди рискуютъ часто жизнью изъ-за пустяковъ, — пишетъ кн. Трубецкой; — но въ такихъ случаяхъ человѣкъ, увлеченный страстью, все-таки или разсчитываетъ на какую-либо награду, или на счастливый случай. Когда же идетъ дѣло на то, чтобы хладнокровно предаться опасности, утратить жизнь и сверхъ того подвергнуться, можетъ быть, безславію и позорной смерти, то не достаточно одной врожденной храбрости. Человѣкъ, дорожащій честью, не иначе рѣшится на такой поступокъ, какъ въ полномъ убѣжденіи, что прошедшая жизнь его и возложенныя на него обязанности требуютъ этой великой отъ него жертвы. Члены общества, рѣшившись исполнить то, что почитали своимъ долгомъ и

---

[1]) Записки Н. А. Бестужева—I в. Библ. Декабр.

на что обрекли себя при вступленіи въ общество, не убоялись позора. Они не имѣли въ виду для себя никакихъ личныхъ выгодъ, не мыслили о богатствѣ, почестяхъ и власти. Они все это предоставляли людямъ, не принадлежащимъ къ ихъ обществу, но такимъ, которыхъ считали способными по истинному достоинству или по мнѣнію, которымъ пользовались, привести въ исполненіе то, чего они всѣмъ сердцемъ и всею душою желали: поставить Россію въ такое положеніе, которое упрочило бы благо государства и оградило его отъ переворотовъ, подобныхъ французской революціи, и которые, къ несчастію, продолжаютъ еще угрожать ей въ будущности. Словомъ, члены тайнаго общества Союза благоденствія рѣшились принести въ жертву отечеству жизнь, честь, достояніе и всѣ преимущества, какими пользовались, все, что имѣли, безъ всякаго возмездія“ [1]).

И это было рѣшено тогда, когда погибель была весьма и весьма вѣроятная.

У насъ нѣтъ подробныхъ данныхъ, что дѣлалось на собраніяхъ у Рылѣева съ самаго ихъ начала; мы не знаемъ достовѣрно, кто что высказывалъ, но мы несомнѣнно знаемъ, что единодушія среди собиравшихся далеко не было. Собранія были немноголюдны, но проходили очень шумно; среди общаго шума не рѣдко раздавались пессимистическія рѣчи и сомнѣнія въ успѣхѣ. Дѣло въ томъ, что, несмотря на увеличеніе общества новыми членами, несмотря даже на то, что „за многіе полки сдѣланы были обѣщанія“, заговорщики все же мало увѣрены были въ своихъ силахъ: никто не могъ ручаться за полный полкъ; отвѣчали же только за свои роты ротные командиры и то „при благопріятныхъ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ“.

Однако, общее одушевленіе и твердость Рылѣева брали верхъ надъ всякимъ сомнѣніемъ.

„Часто въ разговорахъ нашихъ,—пишетъ Н. Бестужевъ,—сомнѣніе на счетъ успѣха выражалось очень положительно. Не менѣе того, мы видѣли необходимость дѣйствовать: чувствовали надобность пробудить Россію. Рылѣевъ всегда говаривалъ: Предвижу, что не будетъ успѣха, но потря-

---

[1]) Записки кн. Трубецкого.

сеніе необходимо. Тактика революціи заключается въ одномъ словѣ:—*дерзай!* и ежели это будетъ несчастливо — мы своей неудачей научимъ другихъ".

То же приблизительно передаетъ намъ другой участникъ возстанія 14-го декабря, баронъ Розенъ. „Принятыя мѣры къ возстанію,—пишетъ онъ,—были неточны и неопредѣленны, почему на нѣкоторыя мои возраженія и замѣчанія князь Оболенскій и Булатовъ сказали съ усмѣшкой:—вѣдь нельзя же дѣлать репетиціи! — Всѣ изъ присутствовавшихъ были готовы дѣйствовать, всѣ были восторженны, всѣ надѣялись на успѣхъ, и только одинъ изъ всѣхъ поразилъ меня совершеннымъ самоотверженіемъ; онъ спросилъ меня наединѣ: можно ли положиться навѣрно на содѣйствіе 1-го и 2-го баталіоновъ нашего полка, и когда я представилъ ему всѣ препятствія, затрудненія, почти невозможность, то онъ съ особеннымъ выраженіемъ въ лицѣ и въ голосѣ сказалъ мнѣ:— да, мало видовъ на успѣхъ, но все-таки надо, все-таки надо начать; начало и примѣръ принесутъ плоды. — Еще теперь слышу звуки, интонацію—„все-таки надо",—то сказалъ мнѣ Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ" [1]).

Вербовка членовъ и сочувствующихъ и агитація къ возстанію шла очень дѣятельно и далеко не безрезультатно. Какъ образецъ этой агитаціи, намъ слѣдующее передаетъ баронъ Розенъ:

„10-го декабря, вечеромъ, получилъ я записку отъ товарища капитана Н. И. Рѣпина [2]), въ которой онъ просилъ меня немедленно пріѣхать къ нему; это было въ 8 часовъ. Я тотчасъ же поѣхалъ, полагая, что онъ имѣлъ какую-нибудь непріятность или бѣду; я засталъ его одного въ тревожномъ состояніи. Въ краткихъ и ясныхъ словахъ изложилъ онъ мнѣ дѣло важное, цѣль возстанія, удобный случай дѣйствовать для отвращенія гибельныхъ междоусобій. Тутъ рѣчи были безполезны: надлежало имѣть матеріальную силу, по крайней мѣрѣ нѣсколько баталіоновъ съ орудіями. Онъ просилъ

[1]) Въ донесеніи слѣдственной коммиссіи приводятся отдѣльныя фразы и даже діалоги нѣкоторыхъ изъ заговорщиковъ, но въ такомъ рабскомъ и извращенномъ видѣ, что мы не рѣшаемся ихъ приводить.

[2]) Лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка.

моего содѣйствія къ присоединенію 1-го баталіона, въ чемъ я положительно отказался, командуя въ немъ только стрѣлковымъ взводомъ. Можно было положиться на готовность молодыхъ офицеровъ, но отнюдь не на ротныхъ командировъ. Осталась еще попытка, она могла удасться тѣмъ легче, что утверждали содѣйствіе полковника А. Ф. Моллера, командира 2-го баталіона, давнишняго члена тайнаго общества. Съ Рѣпинымъ поѣхалъ я къ К. Ф. Рылѣеву: онъ жилъ въ домѣ американской компаніи у Синяго моста; мы застали его одного, сидѣвшаго съ книгою въ рукахъ—„Русскій Ратникъ",—и съ большимъ шерстянымъ платкомъ, обернутымъ вокругъ шеи, по причинѣ болѣзни горла. Во взорахъ его выразительныхъ глазъ, всѣхъ чертахъ его лица виднѣлась восторженность къ великому дѣлу; рѣчь его убѣдительно, просто текла безъ всякой самонадѣянности, безъ надменности, безъ фигурныхъ фразъ и возгласовъ; вскорѣ пріѣхали Бестужевъ и князь Щепинъ-Ростовскій и положили собраться при первомъ нужномъ случаѣ, смотря по полученію вѣстей изъ Варшавы".

Такъ вербовались силы среди даже тѣхъ, которые совершенно не знали о существованіи общества.

Еще болѣе интересный случай агитаціи членовъ тайнаго общества за этотъ періодъ передаетъ намъ тотъ же Розенъ, случай, которому онъ самъ былъ очевидцемъ.

„11-го декабря,—пишетъ онъ,—поѣхалъ къ Рѣпину, гдѣ къ большому неудовольствію моему засталъ до 16-ти молодыхъ офицеровъ нашего полка, разсуждавшихъ о событіяхъ дня и частью уже посвященныхъ въ тайны главнаго предпріятія. Мнѣ удалось отозвать Рѣпина въ другую комнату, замѣтить ему неумѣстность и опасность такихъ преждевременныхъ откровеній, ибо въ минуту дѣйствія можно положиться на ихъ содѣйствія. Юность легко приводится въ восторгъ, нѣтъ ей преградъ непреодолимыхъ, нѣтъ невозможностей, а чѣмъ больше затрудненій и опасностей, тѣмъ больше въ ней отваги. Изъ всѣхъ тутъ присутствовавшихъ не было ни единаго члена тайнаго общества, кромѣ хозяина" [1]).

---

[1]) Записки декабриста—Барона А. Я. Розена. Спб. 1907 г.

Насколько справедливо было опасеніе Розена, видно изъ предательскаго поступка Ростовцева, воспользовавшагося дружбой и откровенностью Оболенскаго, чтобы предупредить Николая о планахъ заговорщиковъ. 12-го декабря, днемъ, у Оболенскаго было собраніе, на которое собралось человѣкъ двадцать офицеровъ разныхъ полковъ; на собраніи былъ и Рылѣевъ. «Всѣ», пишетъ Ростовцевъ въ своихъ запискахъ, «говорили другъ съ другомъ шопотомъ и примѣтно смѣшались, когда я вошелъ».

Если Ростовцевъ еще сомнѣвался, донести ли Николаю о собраніяхъ, то посѣщеніе Оболенскаго и присутствіе у него офицеровъ рѣшило давно задуманное преданіе. Ростовцевъ тотчасъ написалъ приведенное нами выше письмо и отправился въ Зимній дворецъ.

Объясняя этотъ поступокъ, Ростовцевъ позже писалъ:

«Видя общее недоумѣніе во всѣхъ сословіяхъ, зная, что в. к. Николай Павловичъ не успѣлъ еще пріобрѣсти себѣ приверженцевъ, зная непомѣрное честолюбіе и сильную ненависть къ великому князю Оболенскаго и Рылѣева, наконецъ, видя ихъ хлопоты, смущеніе и безпрерывныя совѣщанія, не предвѣщавшія ничего добраго и откровеннаго, я не зналъ, на что рѣшиться. Никогда еще не представлялся такой удобный случай къ возмущенію. Мысль о несчастіяхъ, которыя, можетъ быть, ожидаютъ Россію, не давала мнѣ покоя: я забылъ и пищу и сонъ».

Видаясь часто съ Оболенскимъ, Ростовцевъ удерживалъ его отъ участія въ заговорѣ и предупреждалъ даже, что выдастъ все Николаю. 10-го декабря Оболенскій пришелъ къ нему, и, продолжая разговоръ на эту тему, начатый наканунѣ, сказалъ:

— Любезный другъ, не принимай словъ за дѣло. Все пустяки! Богъ милостивъ, ничего не будетъ.

— По крайней мѣрѣ, скажи, на чемъ основали вы ваши планы?—продолжалъ допытываться Ростовцевъ.

— Я не имѣю права открыть тебѣ это!

— Евгеній, Евгеній, ты лицемѣришь! Что-то мрачное тяготитъ тебя; но я спасу тебя, противъ твоей воли выполню обязанность добраго гражданина и сегодня же предувѣдомлю

Николая Павловича о возмущеніи. Будетъ ли оно или нѣтъ, но я сдѣлаю свое дѣло.

— Какъ ты малодушенъ! Какъ другъ, увѣряю тебя, что все будетъ мирно и благополучно, а этимъ ты погубишь себя.

— Пусть такъ, но я исполню долгъ свой; ежели погибну, то погибну одинъ, а располагать самимъ собою я имѣю полное право.

— Любезный другъ, я не пророкъ, но пророчу тебѣ крѣпость, и тогда,—прибавилъ Оболенскій, смѣючись,—ты принудишъ меня поневолѣ итти освобождать тебя [1]).

Тѣмъ разговоръ и кончился. Каково же было изумленіе и негодованіе Оболенскаго, когда 13-го, утромъ, Ростовцевъ открылъ ему свою бесѣду съ Николаемъ. Придя къ Оболенскому, у котораго находился въ то время Рылѣевъ, Ростовцевъ сказалъ:

„Господа, я имѣю сильныя подозрѣнія, что вы намѣреваетесь дѣйствовать противъ правительства; дай Богъ, чтобы подозрѣнія эти были неосновательны; но я исполнилъ долгъ свой. Я вчера былъ у в. князя. Всѣ мѣры противъ возмущенія будутъ приняты, и ваши покушенія будутъ тщетны. Васъ не знаютъ; будьте вѣрны своему долгу, и вы будете спасены!"

Затѣмъ Ростовцевъ передалъ имъ письмо къ в. князю и разговоръ съ нимъ; Рылѣевъ началъ читать вслухъ. Оба они поблѣднѣли и чрезвычайно смѣшались. Оболенскій воскликнулъ: „съ чего ты взялъ, что мы хотимъ дѣйствовать? Ты употребилъ во зло мою довѣренность и измѣнилъ моей къ тебѣ дружбѣ. Великій князь знаетъ наперечетъ всѣхъ насъ либераловъ, и мало-по-малу искоренитъ насъ; но ты долженъ погибнуть прежде всѣхъ и будешь первою жертвою!

— Оболенскій,—отвѣчалъ ему Ростовцевъ,—ежели ты почитаешь себя въ правѣ мстить мнѣ, то отмщай теперь!

Рылѣевъ бросился Ростовцеву на шею, говоря: „Нѣтъ, Оболенскій, Ростовцевъ не виноватъ, что различнаго съ нами образа мыслей! Не спорю, что онъ измѣнилъ твоей довѣрен-

---

[1]) Шильдеръ—Императоръ Николай, т. I-й.

ности; но какое право ты имѣлъ быть съ нимъ излишне откровеннымъ? Онъ дѣйствовалъ по долгу своей совѣсти, жертвовалъ жизнію, идя къ великому князю, вновь жертвуетъ жизнію, придя къ намъ: ты долженъ обнять его, какъ благороднаго человѣка!"

Исполняя это, Оболенскій сказалъ: „Да, я его обнимаю и желалъ бы задушить въ моихъ объятіяхъ" [1]).

Нѣсколько иначе передаетъ этотъ инцидентъ въ своихъ запискахъ Н. Бестужевъ. Изъ его словъ видно, что Ростовцевъ открылъ свой разговоръ съ Николаемъ по настоянію Оболенскаго и въ субботу, 12-го декабря, вечеромъ, а не 13-го утромъ, какъ пишетъ Ростовцевъ.

„Наконецъ, 12 декабря въ субботу, пишетъ Бестужевъ, явился у меня Рылѣевъ. Видъ его былъ безпокойный. Онъ сообщилъ мнѣ, что Оболенскій вывѣдалъ отъ Ростовцева, что сей послѣдній имѣлъ разговоръ съ Николаемъ, въ которомъ объявилъ ему о умышленномъ заговорѣ, о намѣреніяхъ воспользоваться расположеніемъ солдатъ и упрашивалъ его, для отвращенія кровопролитія, или отказаться отъ престола или подождать цесаревича для формальнаго и всенароднаго отказа.

„— Оболенскій заставилъ Ростовцева переписать, какъ письмо, писанное имъ до свиданія, такъ и разговоръ съ Николаемъ. Вотъ черновое изложеніе того и другого, продолжалъ Рылѣевъ: собственной руки Ростовцева. Прочти и скажи, что ты объ этомъ думаешь?

„Я прочиталъ. Тамъ не было ничего упомянуто о существованіи общества; не названо ни одного лица, но говорилось о намѣреніи воспротивиться вступленію на престолъ Николая; о могущемъ произойти кровопролитіи. Въ справедливости же своего показанія, Ростовцевъ завѣрялъ головою, просилъ, чтобы его посадили съ сей же минуты въ крѣпость и не выпускали оттуда, ежели предсказываемое не случится.

„— Увѣренъ ли ты,—сказалъ я Рылѣеву:—что все написанное въ этомъ письмѣ и разговоръ совершенно согласенъ

---

[1]) Шильдеръ—тамъ же.

съ правдою, и что въ нихъ ничего не убавлено противъ изустнаго показанія Ростовцева.

„—Оболенскій ручается за правдивость этой бумаги: онъ говоритъ, что Ростовцевъ почти добровольно объявилъ ему все это.

„—По доброй душѣ своей Оболенскій готовъ ему вѣрить; но я думаю, что Ростовцевъ ставитъ свѣчу Богу и сатанѣ. Николаю онъ открываетъ заговоръ, передъ нами умываетъ руки признаніемъ, въ которомъ, говоритъ онъ, нѣтъ ничего личнаго. Не менѣе того въ этомъ признаніи онъ могъ написать, что ему угодно, и скрывать то, чего ему ненадобно намъ сказывать.

„Но пусть будетъ такъ, что Ростовцевъ, движимый сожалѣніемъ, совѣстью, раскаяніемъ, сказалъ и написалъ не бобѣе и не менѣе; однако же, у него сказано о умыслѣ и ежели у Николая теперь такъ много хлопотъ, что некогда разспросить о ней доносчика, или боязнь и политика мѣшали приняться за розыски какъ бы надобно, то, конечно, эти причины не будутъ существовать на первый день по вступленіи на престолъ [1]), и Ростовцева заставятъ сказать что-нибудь поболѣе о томъ, о чемъ онъ говоритъ теперь съ такою скромностію.

„И если бы сказано было что-нибудь болѣе, насъ, конечно, тайная полиція прибрала бы къ рукамъ.

„— Я тебѣ повторяю, что Николай сдѣлаетъ это. Опорная точка нашего заговора, есть вѣрность присяги Констан-

---

[1]) Н. Бестужевъ вполнѣ правильно угадалъ дѣйствительную причину отсутствія арестовъ: Николай не желалъ ими раздражать противъ себя и безъ того далеко не благопріятно настроенное для него общество; онъ надѣялся сдѣлать это, когда взойдетъ на тронъ. На требованіе военнаго министра ареста извѣстныхъ участниковъ тайнаго общества Николай 13-го декабря сказалъ:

— Нѣтъ, этого не дѣлай. Не хочу, чтобы присягѣ предшествовали аресты. Подумай, какое дурное впечатлѣніе сдѣлаемъ на всѣхъ.

— Но,—возражалъ министръ,—безпокойные заговорщики могутъ произвести безпорядокъ.

— Пусть такъ,—прервалъ его Николай,—тогда и аресты никого не удивятъ; тогда не сочтутъ ихъ несправедливостью и произволомъ.

Вотъ она тактика «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше».

тину и нежеланіе присяги Николаю. Это намѣреніе существуетъ въ войскахъ, и, конечно, тайная полиція, о томъ извѣстила Николая; но какъ онъ самъ еще не увѣренъ, точно ли откажется отъ престола братъ его, слѣдовательно арестъ людей, которые хотѣли остаться вѣрными первой присягѣ, можетъ показаться съ дурной стороны Константину, ежели онъ вздумаетъ принять корону.

„— Итакъ, ты думаешь, что мы уже заявлены?

„— Непремѣнно, и будемъ взяты, ежели не теперь, то послѣ присяги.

„— Что же, ты полагаешь, нужно дѣлать?

„— Не показывать этого письма никому и дѣйствовать: лучше быть взятыми на площади, нежели на постели. Пусть лучше узнаютъ за кого мы погибаемъ, нежели будутъ удивляться, когда мы тайно исчезнемъ изъ общества, и никто не будетъ знать, гдѣ мы и за что пропали.

Рылѣевъ бросился къ Бестужеву на шею.

— Я увѣренъ былъ, —сказалъ онъ съ сильнымъ движеніемъ, что это будетъ твое мнѣніе. Итакъ —съ Богомъ! Судьба наша рѣшена. Къ сомнѣніямъ нашимъ теперь, конечно, прибавятся всѣ препятствія. Но мы начнемъ. Я увѣренъ, что погибнемъ, но примѣръ останется.

— Принесемъ собою жертву для будущей свободы отечества.

„Мы поѣхали вмѣстѣ съ нимъ—продолжаетъ Бестужевъ—къ полковнику Финляндскаго полка Моллеру, члену общества, чтобы спросить его рѣшительнаго отвѣта, и не застали дома. Рылѣевъ поручилъ мнѣ непремѣнно узнать о его намѣреніяхъ. Я былъ у Моллера опять ввечеру и нашелъ его въ наилучшемъ расположеніи съ этимъ я отправился къ Рылѣеву. Въ тотъ же вечеръ пріѣхали ко мнѣ изъ деревни мать съ сестрами, и потому мнѣ нельзя было оставаться на совѣщаніи; Рылѣевъ обѣщалъ извѣстить меня обо всемъ".

Въ этотъ день, вечеромъ, у Рылѣева было, если не рѣшающее собраніе, то во всякомъ случаѣ очень важное: на немъ былъ принятъ нѣкоторый планъ дѣйствій. На этомъ собраніи были, по словамъ барона Штейнгеля, жившаго въ одномъ домѣ съ Рылѣевымъ, слѣдующія лица: Кн. Трубецкой,

Николай, Александръ, и Михаилъ Бестужевы, кн. Оболенскій, Каховскій, Арбузовъ, Рѣпинъ, графъ Коновницынъ, кн. Одоевскій, Судтофъ, Пущинъ, Батенковъ, Якубовичъ, Шепинъ-Ростовскій. Но были не всѣ вмѣстѣ, а одни приходили, другіе уходили. Въ этотъ день Николай Бестужевъ и Арбузовъ отвѣчали за гвардейскій экипажъ; Бестужевъ 3-ій, Московскаго полка, но довольно слабо, за свою роту; Рѣпинъ сначала за часть Финляндскаго полка, потомъ лишь за нѣсколько офицеровъ, прибавляя, что сей полкъ увлечь за собою не можетъ никто изъ согласившихся участвовать въ бунтѣ [1]).

„12-го декабря, вечеромъ, былъ я приглашенъ на совѣщаніе къ Рылѣеву и князю Оболенскому, — пишетъ баронъ Розенъ;—тамъ засталъ я главныхъ участниковъ 14-го декабря. Постановлено было, въ день, назначенный для новой присяги, собраться на Сенатской площади, вести туда сколько возможно будетъ войска подъ предлогомъ поддержанія правъ Константина, ввѣрить начальство надъ войскомъ князю Трубецкому [2]), если къ тому времени не прибудетъ изъ Москвы М. Ф. Орловъ. Если главная сила будетъ на нашей сторонѣ, то объявить престолъ упраздненнымъ и ввести немедленно временное правленіе изъ пяти человѣкъ, по выбору членовъ Государственнаго Совѣта и Сената. Въ числѣ пяти называли заранѣе И. С. Мордвинова, М. Б.-Сперанскаго и Г. И. Пестеля. Временному правленію надлежало управлять всѣми дѣлами государственными съ помощью Совѣта и Сената до того времени, пока выборные люди всей земли Русской успѣютъ собраться и положить основаніе новому правленію. Навѣрно никто не зналъ, сколькими баталіонами или ротами, изъ какихъ полковъ, можно будетъ располагать. Въ случаѣ достаточнаго числа войскъ положено было занять дворецъ, главныя правительственныя мѣста, банки и почтамтъ для избѣжанія всякихъ безпорядковъ. Въ случаѣ малочисленности военной силы и неудачи, надлежало отступить къ новогородскимъ военнымъ поселеніямъ“ [3]).

---

[1]) Донесеніе слѣдственной комиссіи. Изд. Саблина. М 1906 г. 47 стр.

[2]) Онъ находился въ отпускѣ и пріѣхалъ изъ Кіева, гдѣ служилъ.

[3]) Баронъ А. Е. Розенъ.—Записки декабриста. Спб. 1907. стр. 63.

Нѣсколько подробнѣе передалъ планы заговорщиковъ и ихъ мотивировку князь Трубецкой. Солдаты, по его словамъ, съ увѣренностью ждали пріѣзда Константина и слышать не хотѣли о новой присягѣ.

„Подсылаемые въ полки люди, съ распущеніемъ слуха о возможности отреченія Константина, были солдатами дурно приняты.

„Развѣдованіе, произведенное офицерами, принадлежащими къ тайному обществу, или содѣйствовавшими ему, убѣдили ихъ, что солдаты не будутъ согласны дать новую присягу, и что только изустное объявленіе Константина, что онъ передаетъ брату престолъ, можетъ увѣрить ихъ въ истинномъ отреченіи его. Полки, изъ которыхъ имѣли извѣстія, были: Измайловскій, Егерскій, Лейбъ-Гренадерскій, Финляндскій, Московскій, Морской Экипажъ и частью артиллерія; сверхъ того, Преображенскій очень былъ не расположенъ къ Николаю Павловичу. Планъ дѣйствій былъ основанъ на упорствѣ солдатъ остаться вѣрными императору, которому присягнули, въ чемъ общество и не ошиблось, и составленъ былъ слѣдующимъ образомъ. Какъ скоро собраны будутъ полки для новой присяги, и солдаты окажутъ сопротивленіе и не захотятъ, или будутъ колебаться дать ее, то офицеры будутъ стараться вывести ихъ со дворовъ, на которыхъ они собраны будутъ. Первый полкъ съ барабаннымъ боемъ долженъ идти къ другому, который къ нему пристанетъ. Такимъ образомъ надѣялись имѣть не только тѣ полки, на которыхъ разсчитывали, но увлечь и другіе. Лейбъ-Гренадерскій долженъ былъ прямо идти къ арсеналу и занять его. Собраннымъ полкамъ собраться на площади Петровской и заставить Сенатъ издать манифестъ, въ которомъ прописаны будутъ чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія и для разрѣшенія которыхъ назначаются выбранные люди отъ всѣхъ сословій для утвержденія, за кѣмъ остаться престолу и на какихъ основаніяхъ... Срокъ службы военной для рядовыхъ сократить до 15-ти лѣтъ. Временное правленіе должно составить проектъ государственнаго уложенія, въ которомъ главные пункты должны быть: учрежденіе представительнаго правленія, по образцу Европейскихъ госу-

дарствъ, и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. По обнародованіи Сенатомъ манифеста, войско должно было выступить изъ города, притянувъ 2-е баталіоны, и расположиться въ окрестностяхъ. Это было условіе, на которомъ обѣщано чрезъ Батенкова содѣйствіе нѣкоторыхъ членовъ Государственнаго Совѣта [1]), которые требовали, чтобы ихъ имена остались неизвѣстными" [2]).

Какъ видно, этотъ планъ, или, вѣрнѣе, въ общихъ чертахъ его набросокъ, не предвидѣлъ неудачи; это не значило, впрочемъ, что ея не ожидали заговорщики; напротивъ, нѣкоторые ясно сознавали всю рискованность возстанія, но это только еще болѣе заставляло готовиться къ нему.

Съ утра 13-го декабря Рылѣевъ былъ уже на ногахъ и объѣзжалъ членовъ, чтобы у одного развѣдать что-нибудь новое, другому сообщить только что узнанное, третьихъ уговорить и т. д.

„На другой день (13-го) поутру,—пишетъ Н. Бестужевъ,—передавъ мнѣ нѣкоторыя слабыя надежды, Рылѣевъ поѣхалъ опять со мною къ Моллеру и опять не засталъ его дома. Обѣщавъ пріѣхать ко мнѣ обѣдать, онъ поручилъ мнѣ сыскать его, чтобы, узнавъ его мысли, принять рѣшительныя мѣры.

„Я отправился къ Торсону, и тамъ узнали мы, что Моллеръ у дяди своего, министра. Послали за нимъ. Онъ явился, но былъ уже не тотъ, съ которымъ я говорилъ наканунѣ. При первомъ вопросѣ о его намѣреніяхъ, онъ вспыхнулъ, сказавъ, что не намѣренъ служить орудіемъ и игрушкой другихъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ голова не навѣрно держится на плечахъ и, не слушая нашихъ убѣжденій, ушелъ.

„Я сообщилъ Рылѣеву за обѣдомъ нашу неудачу.

„— Намъ надобно что-нибудь узнать въ Финляндскомъ полку,—сказалъ онъ; поѣдемъ къ Рѣпину.

„Мы поѣхали, насилу отыскали его, привезли ко мнѣ, и вотъ его слова о состояніи Финляндскаго полка:

„— Моллеръ и Тулубьевъ, который еще сегодня поутру

---

[1]) Батенковъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ со Сперанскимъ.

[2]) Записки кн. С. П. Трубецкого. Спб. 1906 г., 85—7 стр.

съ энтузіазмомъ далъ слово, оба отказываются. Моллеръ по своимъ расчетамъ, Тулубьевъ, слѣдуя ему. Я не могу ручаться ни за одного солдата. Моей роты здѣсь нѣтъ: она съ баталіономъ стоитъ въ деревнѣ, и притомъ я сказываюсь больнымъ, подавши въ отставку. Во всемъ полку одинъ только Розенъ отвѣчаетъ за себя, но я не знаю, что онъ будетъ въ состояніи сдѣлать.

„Рылѣевъ уѣхалъ, давъ слово возвратиться ввечеру и извѣстить насъ объ окончательныхъ намѣреніяхъ и завтрашнихъ дѣйствіяхъ.

„Мы остались съ Рѣпинымъ. Общество наше увеличилось Торсономъ и Батенковымъ. Въ 10 часовъ пріѣхалъ Рылѣевъ съ Пущинымъ и объявилъ намъ о положенномъ на совѣщаніи, что завтрашній день при принятіи присяги должно поднимать войска, на которыя есть надежда, и какъ бы ни были малы силы, съ которыми выйдутъ на площадь, идти съ ними немедленно во дворецъ.

„— Надобно нанесть первый ударъ,— сказалъ онъ:—а тамъ замѣшательство дастъ новый случай къ дѣйствію. Итакъ, братъ твой Михаилъ со своею ротою, или Арбузовъ, или Сутгофъ—первый, кто придетъ на площадь, отправится тотчасъ во дворецъ.

„Здѣсь Рѣпинъ замѣтилъ Рылѣеву, что дворецъ слишкомъ великъ и выходовъ въ немъ множество, чтобы занять его одною ротою, и что, наконецъ, Преображенскій баталіонъ, помѣщенный возлѣ дворца, можетъ въ ту же минуту быть введенъ туда черезъ Эрмитажъ и что отважившаяся рота будетъ въ слишкомъ опасномъ положеніи, тогда какъ и безъ сего успѣхъ не вѣренъ, чтобы воспрепятствовать уходу царской фамиліи.

„— Если же, -прибавилъ онъ,—это необходимо, недурно бы достать планъ дворца и по оному расположить дѣйствія, чтобы воспользоваться съ выгодою малымъ числомъ.

„— Мы не думаемъ,—сказалъ Рылѣевъ, чтобъ успѣли кончить всѣ дѣйствія однимъ занятіемъ дворца; но довольно того, ежели Николай и царская фамилія уѣдутъ оттуда, и замѣшательство оставитъ его партію безъ головы. Тогда вся гвардія пристанетъ къ намъ, и самые нерѣшительные должны

будутъ склониться на нашу сторону. Повторяю, что успѣхъ революціи заключается въ одномъ словѣ: дерзай.

„Такимъ образомъ кончился канунъ происшествія 14-го числа. Многіе изъ товарищей, бывшихъ на совѣщаніи 13-го числа,—прибавляетъ Бестужевъ,—утверждаютъ, что тамъ никогда не было принято подобнаго намѣренія. Не бывъ на семъ совѣщаніи, я этого не знаю и передаю только то, что говорилъ Рылѣевъ Рѣпину и мнѣ ввечеру 13-го числа, послѣ сего совѣщанія, и какъ я въ семъ случаѣ пишу не исторію общества, но дѣйствія Рылѣева, то я долженъ ихъ передавать такъ, какъ я собственно ихъ видѣлъ и слышалъ".

Вечеромъ 13-го совѣщаніе у Рылѣева дѣйствительно было; оно было рѣшающимъ и, по выраженію донесенія, „такъ же многочисленно и безпорядочно, какъ предшедшее: всѣ говорили, почти никто не слушалъ«.

„Князь Щепинъ-Ростовскій удивлялъ сообщниковъ своимъ пустымъ многорѣчіемъ; Корниловичъ, только-что возвратившійся въ Петербургъ, увѣрялъ, что во 2-й арміи готово 100 тысячъ человѣкъ; Александръ Бестужевъ отвѣчалъ на замѣчанія младшаго Пущина (Конно-Піонернаго): *по крайней мѣрѣ объ насъ будетъ страничка въ исторіи. -Но эта страничка замараетъ ее*, возразилъ Пущинъ, *и насъ покроетъ стыдомъ*. Когда же баронъ Штейнгель, удостовѣрясь болѣе прежняго въ ничтожности силъ ихъ Тайнаго Общества, и какъ отецъ семейства, заранѣе устрашенный вѣроятными послѣдствіями мятежа, спрашивалъ Рылѣева: *неужели вы думаете дѣйствовать?* то онъ сказалъ ему: *дѣйствовать, непремѣнно дѣйствовать*; а Князю Трубецкому, который начиналъ изъявлять боязнь: *умирать все равно*; *мы обречены на гибель;* и прибавилъ, показывая копію съ письма подпоручика Ростовцева къ Вашему Величеству: *видите ли? намъ измѣнили; Дворъ уже многое знаетъ, но не все; и мы еще довольно сильны.—Ножны изломаны*, примолвилъ другой, *и саблей спрятать нельзя.*

„Въ шумѣ сихъ разговоровъ, преній, восклицаній, слышны были слова и ужасныя предложенія: говорили, но, какъ утверждаютъ, лишь мимоходомъ, о погубленіи всей Августѣйшей Фамиліи Вашей; а покушенія на священную Вашу жизнь требовали, какъ необходимости, Князь Оболенской, Александръ

Бестужевъ и наконецъ самъ Князь Трубецкой, ихъ Диктаторъ; сей послѣдній полагалъ, что надобно оставить Великаго Князя Александра Николаевича и провозгласить Его Императоромъ. Якубовичъ вызывалъ бросить жребій, кому изъ пяти (ихъ въ сію минуту столько было въ комнатѣ) умертвить Ваше Величество: видя, что всѣ молчатъ, онъ сказалъ: *впрочемъ я за это не возьмусь; у меня доброе сердце; я хотѣлъ мстить, но хладнокровно убійцей быть не могу*. Нѣкоторые Члены совѣтовали удовольствоваться арестованіемъ Вашего Величества и всей Августѣйшей Фамиліи Вашей; Штейнгель ставилъ въ примѣръ Шведскую революцію 1809 года; Рылѣевъ кончилъ споръ словами: *обстоятельства покажутъ, что дѣлать должно*; но просилъ достать карту Петербурга и планъ Зимняго Дворца, на что Александръ Бестужевъ отвѣчалъ со смѣхомъ: *Царская фамилія не иголка; не спрячется, когда дѣло дойдетъ до ареста*".

Въ этомъ описаніи собранія 13-го декабря, взятаго изъ донесенія слѣдственной комиссіи, если и есть передержки, преувеличенія и извращенія (безъ этого оно уже никакъ не можетъ), то на этотъ разъ въ небольшой степени. Въ главномъ оно сходится съ тѣмъ, что передаютъ намъ сами участники собранія.

Описывая его, Михаилъ Бестужевъ пишетъ: „Многолюдное собраніе было въ какомъ-то лихорадочно высоконастроенномъ состояніи. Тутъ слышались отчаянные фразы, неудобно исполнимыя предложенія и распоряженія, слова безъ дѣлъ, за которыя многіе дорого поплатились, не будучи виноваты ни въ чемъ, ни передъ кѣмъ. Чаще другихъ слышались хвастливые возгласы Якубовича и Щепина-Ростовскаго. Первый былъ храбрый офицеръ, но хвастунъ и самъ трубилъ о своихъ подвигахъ на Кавказѣ. Но не даромъ сказано: кто про свои дѣла твердитъ всѣмъ безъ умолку, въ томъ мало очень толку, и это онъ доказалъ 14-го декабря на Сенатской площади. Храбрость солдата и храбрость заговорщика—не одно и то же. Въ первомъ случаѣ, даже при неудачѣ, его ожидаетъ почетъ и награды, тогда какъ въ послѣднемъ при удачѣ ему предстоитъ туманная будущность, а при проигрышѣ дѣла—вѣрный позоръ и безславная смерть. Щепина-Ростов-

скаго, хотя онъ не былъ членомъ общества, я нарочно привелъ на это совѣщаніе, чтобъ посмотрѣть, не попятится ли онъ. Будучи наэлектризованъ мною, быть можетъ, чрезъ мѣру и чувствуя неопредолимую силу, влекущую его въ водоворотъ, билъ руками и ногами, и старался какъ бы заглушить разсудокъ всплескомъ воды и брызгами.

„За то какъ прекрасенъ былъ въ этотъ вечеръ Рылѣевъ! Онъ былъ не хорошъ собою, говорилъ просто, но не гладко; но когда онъ попадалъ на свою любимую тему, на любовь къ родинѣ, физіономія его оживлялась; черные, какъ смоль, глаза озарялись неземнымъ свѣтомъ; рѣчь текла плавно, какъ огненная лава, и тогда, бывало, не устанешь любоваться имъ. Такъ и въ этотъ роковой вечеръ, рѣшившій туманный вопросъ: быть или не быть, его ликъ, какъ луна, блѣдный, но озаренный какимъ-то сверхъестественнымъ свѣтомъ, то появлялся, то исчезалъ въ бурныхъ волнахъ этого моря, кипящаго различными страстями и побужденіями. Я любовался имъ, сидя въ сторонѣ подлѣ Сутгофа, съ которымъ мы бесѣдовали, повѣряя другъ другу свои завѣтныя мысли. Къ намъ подошелъ Рылѣевъ и, взявъ обѣими своими руками руку каждаго изъ насъ, сказалъ: „Миръ вамъ, люди дѣла, а не слова! Вы не бѣснуетесь, какъ Щепинъ или Якубовичъ, но увѣренъ, что сдѣлаете свое дѣло. Мы...“

Я прервалъ его:

— Мнѣ крайне подозрительны эти бравады и хвастливыя выходки, особенно Якубовича. Вы поручили ему поднять артиллеристовъ и Измайловскій полкъ, прійти съ ними ко мнѣ и тогда уже вести всѣхъ на площадь къ сенату; повѣрьте мнѣ, онъ этого не исполнитъ, а ежели и исполнитъ, то промедленіе въ то время, когда энтузіазмъ солдатъ возбужденъ, можетъ повредить успѣху, если не вовсе его испортить.

— Какъ можно предполагать, чтобы храбрый кавказецъ?..

— Но храбрость солдата не то, что храбрость заговорщика, а онъ достаточно уменъ, чтобы понять это различіе. Однимъ словомъ, я приведу полкъ, постаравшись не допустить его до присяги, а другіе полки пусть соединятся со мною на площади.

— Солдаты твоей роты, я знаю, пойдутъ за тобою въ огонь и воду, но прочія роты? —спросилъ, подумавъ немного, Рылѣевъ.

— Въ послѣдніе два дня солдаты мои усердно работали въ другихъ ротахъ, а ротные командиры дали мнѣ честное слово не останавливать своихъ солдатъ, если они пойдутъ съ моими. Ротныхъ командировъ я убѣдилъ не ходить на площадь и не увеличивать понапрасну число жертвъ.

— А что же вы? — сказалъ Рылѣевъ, обратившись къ Сутгофу.

— Повторю то же, что сказалъ Бестужевъ, — отвѣчалъ Сутгофъ.—Я приведу ее на площадь, когда соберется туда хоть часть войска.

— А прочія роты?—спросилъ Рылѣевъ.

— Можетъ быть и прочія послѣдуютъ за мною. Но за нихъ я не могу ручаться"·

Это были послѣднія слова, которыми обмѣнялся Бестужевъ съ Рылѣевымъ. Было уже около полуночи, когда первый вышелъ изъ его дома; онъ спѣшилъ домой, чтобы быть готовымъ къ роковому завтрашнему дню, подкрѣпить ослабѣвшія отъ напряженія силы.

Новыя подробности, какъ этого собранія, такъ и предъидущихъ даетъ намъ Рылѣевъ въ своихъ показаніяхъ. Хотя они писались для судей, оказавшихся палачами, тѣмъ не менѣе онѣ очень цѣнны.

„13 декабря къ вечеру, писалъ Рылѣевъ въ своихъ показаніяхъ, „я дѣйствительно предлагалъ Каховскому убить нынѣ Царствующаго Государя и говорилъ, что это можно исполнить на площади, но кто при томъ былъ, не помню. По утру того дня, долго обдумывая планъ нашего предпріятія, я находилъ множество неудобствъ къ счастливому окончанію онаго. Болѣе всего спрашивалъ я, если нынѣ Царствующій Государь Императоръ не будетъ схваченъ нами, думая, что въ такомъ случаѣ непремѣнно послѣдуетъ междоусобная война. Тутъ пришло мнѣ на умъ, что для избѣжанія междоусобія, должно его принести на жертву, и эта мысль была причиною моего злодѣйскаго предложенія.

„Кромѣ вышеприведенныхъ мнѣній разныхъ членовъ, Якубовичъ говорилъ, что надобно разбить кабаки, позволить солдатамъ и черни грабежъ, потомъ вынести изъ какой-нибудь церкви хоругви и итти ко дворцу. Все это говорено имъ было въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ и съ чрезвычайнымъ жаромъ, но сіе предложеніе единодушно было отвергнуто. Другихъ особенныхъ мнѣній не помню. Повторяю, что объ истребленіи всей Императорской фамиліи и объ оглашеніи республики я никогда не говорилъ. Дворецъ занять брался Якубовичъ съ Арбузовымъ, на что и изъявилъ свое согласіе Трубецкой. Занятіе же крѣпости и другихъ мѣстъ должно было послѣдовать по плану Трубецкого послѣ задержанія Императорской фамиліи. Другихъ военныхъ распоряженій я не знаю. На одномъ изъ совѣщаній Трубецкой назначилъ къ себѣ въ начальники штаба Оболенскаго; можетъ быть, сей послѣдній получилъ отъ него какія-либо порученія. Еще извѣстно мнѣ, что въ случаѣ неудачи положено было ретироваться на поселенія. Кто это предложилъ, не знаю точно".

Чтобы закончить описаніе дѣйствій тайнаго общества въ Петербургѣ наканунѣ возстанія, мы приведемъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся дѣятельности отдѣльныхъ членовъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ интересна каждая подробность, любопытно каждое извѣстіе.

Мы уже сообщали, что послѣ совѣщанія, т.-е. уже ночью, Рылѣевъ съ Пущинымъ поѣхали къ Н. Бестужеву сообщить ему положеніе вещей. Къ нимъ присоединились Рѣпинъ, Торсонъ и Батенковъ; эти уже ради компаніи; очевидно, настроеніе всѣхъ было таково, что не было мыслей о домѣ и снѣ; всякому хотѣлось сообщить другому свои мысли, раздѣлить съ кѣмъ-нибудь свои чувства. Оболенскій поспѣшилъ къ Ростовцеву сообщить ему преднамѣренную ложь, такъ какъ боялся, что послѣдній можетъ узнать рѣшеніе и сейчасъ же откроетъ всѣхъ по-именно Николаю. Обнимая его, онъ сказалъ:

— Такъ, милый другъ, мы хотѣли дѣйствовать, но увидѣли свою безразсудность! Благодарю тебя, ты насъ спасъ.

„Такая перемѣна,—замѣчаетъ Ростовцевъ, — меня обра-

СЕНАТСКАЯ ПЛОЩАДЬ 14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА.

(Съ рисунка Кольмана, изъ кабинета графа Бенкендорфа въ Фаллѣ).

довала, но впослѣдствіи я увидѣлъ, къ несчастью, что это была только хитрость".

13-го же декабря къ барону Розену приходило нѣсколько офицеровъ, несомнѣнно освѣдомленныхъ на счетъ возстанія, и спрашивали „какъ слѣдуетъ поступить тому, кто въ день возстанія будетъ въ караулѣ; отвѣчалъ я положительно и кратко,—пишетъ Розенъ,—что тотъ для общей безопасности и порядка долженъ держаться на занимаемомъ посту. Если этотъ случай спасъ и наградилъ офицера, занимавшаго караулъ 14-го декабря въ сенатѣ, Якова Насакина, то я искренно тому радовался. Къ вечеру получилъ я частное увѣдомленіе о назначеніи слѣдующаго дня къ принятію присяги. Ночью вѣстовой принесъ приказъ полковой, по коему всѣмъ офицерамъ велѣно было собраться въ квартирѣ полкового командира въ 7 часовъ утра. Сонъ прошелъ; съ женою разсуждали объ обязанностяхъ христіанина, гражданина, о предстоящихъ опасностяхъ, о коихъ въ эти послѣдніе дни мы безпрестанно бесѣдовали; я могъ ей совершенно открыться,— ея умъ и сердце все понимали. Наконецъ съ молитвою предались волѣ Божіей. Наступилъ часъ разлуки" [1]).

Такъ закончились приготовленія къ возстанію 14-го декабря 1825 года,—возстанію, положившему начало борьбѣ противъ деспотизма власти. Это былъ первый починъ, и отсюда вытекаютъ всѣ промахи, всѣ недостатки, которыми такъ изобиловало событіе 14 декабря, наконецъ, отсюда вся неудача, которая постигла участниковъ возстанія и вслѣдствіе которой Россія осталась въ рукахъ того же деспотизма.

Но послѣдуемъ за ходомъ событій и потомъ уже постараемся, насколько возможно, оцѣнить все же громадное значеніе, которое имѣетъ возстаніе 1825 года, стоившее жертвъ цѣлаго поколѣнія и лучшаго поколѣнія.

---

[1]) Баронъ А. Е. Розенъ. Тамъ же, 63 стр.

IX.

Раннее утро 14-го декабря въ Петербургѣ. Присяга въ полкахъ.

Наступило сумрачное петербургское утро 14-го декабря, съ 8-ю градусами мороза, утро, казалось, не предвѣщавшее успѣха заговорщикамъ и дѣйствительно ставшее роковымъ для нихъ.

Никогда еще Зимній дворецъ не видѣлъ такого ранняго съѣзда, какъ въ это утро, никогда еще не было тамъ такъ рано пріемовъ. Не было еще семи часовъ утра, какъ Николай уже вышелъ изъ своихъ комнатъ къ собравшимся въ большомъ количествѣ и давно ожидавшимъ его выхода начальникамъ дивизій, бригадъ, полковъ и отдѣльныхъ баталіоновъ гвардейскаго корпуса. Здѣсь, передъ этимъ родомъ военнаго совѣта, собравшагося для того, чтобы убѣдиться въ правильности рѣшенія вопроса о престолонаслѣдіи и выслушать приказъ новаго самодержца, Николай сначала прочелъ всѣ документы и манифестъ о восшествіи на престолъ и вдругъ спросилъ изумленную отъ вопроса толпу: — „не имѣетъ ли кто какихъ сомнѣній?“ Не трудно отгадать, что всѣ единогласно отвѣчали, что сомнѣній никакихъ не имѣется.

Теперь, имѣя за собой военную силу, Николай уже смѣло скомандовалъ всѣмъ начальникамъ отправиться присягать и приводить къ присягѣ войска. „Послѣ этого, — прибавилъ онъ, вы отвѣчаете мнѣ головою за спокойствіе столицы; а что до меня, если буду императоромъ хоть на одинъ часъ, то покажу, что былъ того достоинъ“.

Въ то время, какъ въ сенатѣ и совѣтѣ собрались ихъ члены для присяги, чтобы потомъ поспѣть въ Зимній дворецъ къ 11-ти часамъ, въ это же время началась присяга по войскамъ, хотя не одновременно, съ тою цѣлью, чтобы заговорщики, которыхъ никто не зналъ, существуютъ ли они въ дѣйствительности, не могли воспользоваться этимъ моментомъ.

Увѣренія Милорадовича о полной тишинѣ въ городѣ и безопасности уже, казалось, сбывались; уже приска-

калъ во дворецъ съ донесеніемъ о благополучной присягѣ ген.-адъют. Орловъ, командиръ лейбъ-гвардіи коннаго полка, который наиболѣе былъ преданъ своему шефу,—Константину Павловичу; его извѣстіе было особенно радостно, такъ какъ служило „какъ бы нѣкоторымъ ручательствомъ, что присяга и въ остальныхъ полкахъ совершится также благополучно". Дѣйствительно, объ окончаніи присяги уже были получены извѣстія: изъ Гвардейскаго Сапернаго баталіона, Кавалергардскаго, Преображенскаго, Семеновскаго, Павловскаго, Егерскаго и Финляндскаго полковъ. Въ послѣднемъ поручикъ полка баронъ Розенъ пытался было поднять вопросъ о законности присяги, но не былъ никѣмъ поддержанъ, и попытка не удалась.

„14-го декабря, до разсвѣта, пишетъ Розенъ, — собрались всѣ офицеры у полковою командира генерала Воропалова, который, поздравивъ насъ съ новымъ императоромъ, прочелъ письмо и завѣщаніе Александра, отреченіе Константина и манифестъ Николая. Въ присутствіи всѣхъ офицеровъ я выступилъ впередъ и объявилъ генералу: „что если всѣ имъ читанныя письма и бумаги вѣрны съ подлинниками, въ чемъ не имѣю никакой причины сомнѣваться, то почему 27-го ноября не дали намъ прямо присягнуть Николаю?"— Генералъ въ замѣшательствѣ отвѣтилъ мнѣ: „Вы не такъ разсуждаете,—о томъ думали и разсуждали люди поопытнѣе и постарше насъ; извольте, господа, идти по своимъ баталіонамъ для присяги" [1]).

Въ саперномъ баталіонѣ, высшимъ начальствомъ котораго былъ самъ Николай, также произошелъ инцидентъ, по словамъ генерала Фелькнера,—„зловѣщій признакъ, свидѣтельствовавшій, что въ городѣ и въ средѣ гвардейскихъ частей происходитъ какое-то волненіе, производимое тайными поджигателями".

Дѣло, по словамъ В. И. Фелькнера, было такъ:

Когда командиръ 1-й саперной роты, штабсъ-капитанъ Квашнинъ-Самаринъ, посланный для принесенія изъ Аничковскаго дворца, баталіоннаго знамени для присяги, подхо-

---

[1]) Баронъ Розенъ—тамъ же, 63—4.

дилъ съ 1-мъ взводомъ къ казармамъ, въ послѣднiй въѣхали ѣхавшiе очень быстро, въ саняхъ, два офицера гвардейской конной артиллерiи, привели его тѣмъ въ безпорядокъ, кричали саперамъ: „братцы, не присягайте! васъ обманываютъ“, и затѣмъ скрылись изъ виду. Квашнинъ-Самаринъ, выстроивъ смятый вторженiемъ артиллерiйскихъ офицеровъ взводъ, напомнилъ саперамъ о ихъ долгѣ и привелъ ихъ въ порядкѣ на баталiонный дворъ, гдѣ они, вмѣстѣ съ прочими товарищами своими, принесли присягу, и затѣмъ отнесли знамя обратно въ Аничковскiй дворецъ. Послѣ принесенiя присяги, нижнiе чины были распущены, а офицеры, собранные въ квартирѣ баталiоннаго командира, для подписанiя присяжнаго листа, получили приказанiе прибыть къ часу пополудни, въ Зимнiй дворецъ, къ торжественному молебствiю [1]).

Однако, это приказанiе не могли выполнить „по независящимъ отъ офицеровъ обстоятельствамъ“: едва успѣли они выслушать приказанiе, какъ было получено извѣстiе, что гвардейскiе конно-артиллеристы, казармы которыхъ были смежны съ саперными, отказываются присягать Николаю; вслѣдствiе этого извѣстiя полковникъ Геруа, „въ предположенiи“, что баталiонъ будетъ нуженъ для подавленiя безпорядковъ, приказалъ всѣмъ офицерамъ оставаться въ казармахъ и не ѣздить въ Зимнiй дворецъ, куда, впрочемъ, скоро самъ повелъ весь баталiонъ по приказанiю начальника штаба для охраны дворца.

Но что же происходило въ конной артиллерiи? Въ какой степени тамъ проявился „зловѣщiй признакъ“? Объ этомъ намъ довольно подробно и правдоподобно разсказываетъ генералъ Сухозанетъ, который принималъ самъ участiе въ приведенiи присяги и прибылъ въ казармы въ 9 часовъ утра.

„Войдя на казарменный дворъ,—пишетъ Сухозанетъ,—я поздоровался съ людьми, и, скомандовавъ: смирно! счелъ нужнымъ высказать имъ слѣдующее: „Ребята! слушайте со вниманiемъ! я самъ внятно и ясно прочту вамъ присягу!“ и прочелъ имъ извѣстныя оффицiальныя приложенiя. Едва успѣлъ я дочитать послѣднее слово и восторженно восклик-

---

[1]) Русская Старина 1870 г., т. II, стр. 133. Изъ записокъ г.-л. Фелькнера.

нуть: „Ура! императоръ Николай Павловичъ!“ какъ этотъ возгласъ подхваченъ былъ всѣми шеренгами съ многократными, единодушными и радостными восклицаніями. Солдатъ воспламенить легко. Обратившись къ священнику, я сказалъ ему: „батюшка, читайте молитву къ присягѣ“, а поворотясь къ солдатамъ, добавилъ: „ребята, это—молитва!“ Послѣ этого чтенія еще разъ громкое ура было повторено цѣлою массою голосовъ, и затѣмъ всѣ по одиночкѣ подходили и прикладывались ко кресту и евангелію. Минута была торжественная, зрѣлище умилительное. Прощаясь со мною, генералъ Нейдгардтъ [1]) благодарилъ меня въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ за удовольствіе, ему доставленное, и прабавилъ: „вы вездѣ мастеръ своего дѣла!“ Мы разстались, ожидая еще извѣстій изъ конной артиллеріи и 2-й пѣшей бригады; я уѣхалъ тотчасъ же домой на свою квартиру, на углу Литейной улицы и Гагаринской набережной“.

Однако, нарисованная Сухозанетомъ „торжественная и умилительная“ картина вдругъ измѣнилась и угрожала едва ли не бунтомъ. Не прошло и четверти часа послѣ восхитившаго Сухозанета и Нейдгардта зрѣлища, какъ къ первому вбѣгаетъ его адъютантъ „блѣдный, смущенный со всѣми признаками самаго сильнаго душевнаго волненія“ и сдва выговариваетъ: „Ваше превосходительство! Конная артиллерія взбунтовалась, не присягаетъ! Офицеры разбѣжались!“ Однако „мастеръ своего дѣла“ не растерялся даже при этомъ извѣстіи. „Не тревожьтесь,—сказалъ онъ,—отправляйтесь къ генералу Войнову, а если вамъ не удастся его отыскать, то представьтесь прямо государю и доложите о томъ, что вы видѣли; а обо мнѣ скажите, что я буду тамъ, гдѣ мнѣ быть должно“.

Дѣйствительно, онъ стремительно бросился въ казармы. „Мы вмѣстѣ сбѣжали съ лѣстницы,—продолжаетъ Сухозанетъ;—хотя моя карета была уже заложена, но такъ какъ она стояла на конюшенномъ дворѣ, нѣсколько отдаленномъ отъ моего подъѣзда, то я бросился въ первыя попавшіяся мнѣ сани и поскакалъ въ казармы гвардейской конной артиллеріи. Первымъ словомъ моимъ при входѣ было: „ура,

[1]) Начальникъ штаба.

императоръ Николай Павловичъ!“ и единодушное, рѣшительное повтореніе этого возгласа всѣми присутствующими чинами послужило достаточнымъ доказательствомъ полнаго сознанія долга и уничтоженнаго заблужденія. Людей я нашелъ въ порядкѣ, только лица нѣкоторыхъ изъ нихъ носили еще слѣды какого-то недоумѣнія. Веселые взгляды солдатъ, ихъ спокойное, хладнокровное обращеніе убѣдили меня въ томъ, что принципъ безпрекословнаго повиновенія начальству въ этой части возстановленъ. Искренняя моя радость этому возвращенію къ долгу присяги была такъ велика, что я добавилъ: „Поздравляю васъ, ребята, съ новымъ императоромъ!“ -„Рады стараться!“ отвѣчали они и, крикъ: „ура! императоръ Николай Павловичъ!“ еще разъ повторился [1]).

Уже передъ концомъ присяги, когда Сухозанетъ успѣлъ съѣздить во дворецъ и доложилъ о произошедшемъ, въ казармы вдругъ пріѣзжаетъ Михаилъ Павловичъ. „Это посѣщеніе всѣхъ насъ восхитило“—пишетъ Сухозанетъ.

Но это было не надолго.

Неожиданно пріѣхалъ адъютантъ великаго князя и передалъ ему что-то шопотомъ. Выслушавъ его, Михаилъ Павловичъ тотчасъ собрался уѣзжать, сказавъ:

— „Пожалуйста, Иванъ Ануфріевичъ, приводите все къ концу, въ строгомъ порядкѣ; я не могу, да мнѣ и не нужно здѣсь болѣе оставаться! Прощайте!“ [2]).

Оставленные великимъ княземъ были въ полномъ недоумѣніи отъ такого внезапнаго отъѣзда и только уже послѣ узнали, что причиной тому былъ бунтъ Московскаго полка.

Тамъ, дѣйствительно, произошло возстаніе; начальствующимъ лицамъ не удалось такъ легко покорить взбунтовавшихся солдатъ и офицеровъ; имъ не пришлось любоваться

[1]) Я обязанъ сознаться,—прибавляетъ онъ,—что приведеніе къ повиновенію людей въ эту трудную, рѣшительную минуту принадлежитъ не мнѣ, а полковнику Гербелю, капитану Пистолькорсу и штабсъ-капитану графу Кушелеву.

[2]) Сухозанетъ прибавляетъ: „Замѣчательно то обстоятельство, что въ этотъ промежутокъ времени заѣзжалъ и хотѣлъ войти адъютантъ генерала Быстрома, князь Оболенскій; но когда ему объявили, что его не пустятъ въ казармы безъ доклада генералу Сухозанету, то онъ сѣлъ въ сани и уѣхалъ обратно“.

«торжественнымъ зрѣлищемъ»; напротивъ, въ самомъ началѣ присяги произошло столкновеніе, стоившее нѣсколькихъ жертвъ. Во время построенія полка два офицера, князь Щепинъ-Ростовскій и Михаилъ Бестужевъ, уговаривали солдатъ своихъ ротъ, къ которымъ присоединились потомъ нижніе чины и другихъ ротъ того же (I-го) баталіона, не присягать, говоря, что ихъ обманываютъ старшіе начальники.

«Все обманъ,—говорили они, по словамъ Корфа,—насъ заставляютъ присягать, а Константинъ Павловичъ не отказывался: онъ въ цѣпяхъ; Михаилъ Павловичъ, шефъ полка, также. Царь Константинъ любитъ нашъ полкъ и прибавитъ вамъ жалованья, кто не останется ему вѣренъ, того колите».

«Находившійся тутъ же Александръ Бестужевъ выдавалъ себя за присланнаго изъ Варшавы съ повелѣніемъ не допускать до присяги» [1]).

«Князь Щепинъ-Ростовскій, послѣ этого, тяжело ранилъ сабельными ударами въ голову, сперва полкового командира генералъ-майора барона Фредерикса, старавшагося вразумить увлекаемыхъ заговорщиками солдатъ, а затѣмъ также бригаднаго командира генералъ-майора Шеншина и баталіоннаго командира полковника Хвощинскаго. Этотъ поступокъ и дальнѣйшіе уговоры мятежныхъ офицеровъ и ихъ сообщниковъ восторжествовали окончательно и увлекли московцевъ къ явному возмущенію. Разобравъ боевые патроны, зарядивъ ружья и силою увлекши съ собою принесенныя для присяги знамена, большая часть солдатъ 1-го баталіона (2-й еще не смѣнился съ городскихъ карауловъ, а 3-й находился въ загородномъ расположеніи), предводимая вождями мятежа, съ криками «ура!» побѣжала по направленію къ Сенатской площади и, прибывъ туда, была остановлена у памятника Петра Великаго, куда въ то же время стали стекаться со всѣхъ сторонъ значительныя толпы народа, съ криками: «ура, Константинъ!» [2]).

«Вслѣдъ и вокругъ московцевъ, передастъ Корфъ, бѣжала

[1]) Корфъ—тамъ же 126 стр.

[2]) Рус. Стар., августъ 1870 г. т. II 136. Во второй части мы приведемъ болѣе подробное описаніе присяги въ Московскомъ полку, оставленное намъ М. Бестужевымъ.

толпа народа, также съ криками: «ура, Константинъ!», которые для этой толпы, не читавшей манифеста, имѣли еще *полное значеніе законности»* [1]).

Такъ протекала присяга въ петербургскихъ войскахъ, состоявшихъ большею частію изъ гвардейскихъ полковъ [2]).

Такъ неудачно началось царствованіе Николая, и эту неудачу надо отнести всецѣло на счетъ тѣхъ странностей, которыми такъ изобилуетъ смерть Александра и послѣдовавшій за ней періодъ междуцарствія.

Странность дѣйствій Александра, упорство Константина и чрезмѣрное самолюбіе, чтобы не сказать себялюбіе, Николая являлись теперь причинами печальныхъ послѣдствій.

—

---

[1]) Не входя въ полемику съ Корфомъ (это дѣло излишнее), мы должны припомнить, что слухъ, а потомъ вѣсть объ отказѣ Константина уже давно разнеслись среди учителей столицы; это свидѣтельствуютъ рѣшительно всѣ современники событія, съ какой бы стороны они ни были; но, конечно, Корфу надо было ухватиться за законность толпы, среди беззаконности войска.

[2]) Корфъ разсказываетъ еще одинъ случай попытки агитаціи среди солдатъ наканунѣ 14-го декабря «13-го декабря, пишетъ онъ, вечеромъ, во 2-ю роту 1-го баталіона Преображенскаго полка, состоявшую изъ молодыхъ солдатъ, вошелъ внезапно незнакомый офицеръ, въ адъютантскомъ мундирѣ. Польстивъ сначала нижнимъ чинамъ увѣреніемъ, что вся гвардія ждетъ отъ нихъ примѣра и указанія, онъ объявилъ потомъ въ превратномъ видѣ о назначаемой на слѣдующее утро присягѣ и прибавилъ, что жертвуетъ собою для спасенія перваго русскаго полка отъ присяги клятвопреступной. Фельдфебель, человѣкъ умный и надежный, пославъ тотчасъ предупредить объ этомъ начальство, убѣждалъ офицера прекратить свои разсказы, а солдаты, выведенные наконецъ изъ терпѣнія его дерзостію, объявили, что не выпустятъ его. Какъ нарочно, въ казармахъ не случилось въ ту пору никого изъ командировъ, а на зовъ фельдфебеля пришелъ дежурный по баталіону, совоспитанникъ упомянутаго офицера по Пажескому корпусу. Возмутитель встрѣтилъ его жалобами на мнимыя грубости нижнихъ чиновъ и угрозами, что начальники будутъ извѣщены о неисправности его, дежурнаго, который испугался этого, велѣлъ выпустить бывшаго своего товарища и проводилъ его съ извиненіями».

X.

14-ое декабря во дворцѣ. Первый день императора Николая.

Мы оставили Николая съ пріятными извѣстіями о благополучной присягѣ въ нѣсколькихъ полкахъ гвардіи. Оставалось уже незначительное количество войскъ, отъ которыхъ еще не было никакихъ извѣстій. Однако, этимъ запозданіемъ не безпокоились, такъ какъ знали, что присяга происходила не въ одно время, и предполагали, что свѣдѣній нѣтъ за отдаленностью казармъ.

Но тутъ, вмѣсто успокоительныхъ извѣстій, начали прибывать одинъ за другимъ генералы съ донесеніями одно хуже другого.

„Вскорѣ за Орловымъ,—пишетъ Николай,—явился ко мнѣ Сухозанетъ съ извѣстіемъ, что артиллерія присягнула, но что въ гвардейской конной артиллеріи офицеры оказали сомнѣніе въ справедливости присяги... Многіе изъ офицеровъ до того вышли изъ повиновенія, что генералъ Сухозанетъ долженъ былъ ихъ всѣхъ арестовать“ [1]).

Черезъ нѣсколько минутъ вбѣжалъ къ Николаю начальникъ штаба г.-л. Нейдгардтъ „въ совершенномъ разстройствѣ». «Ваше Величество!—кричалъ онъ, запыхавшись,—Московскій полкъ въ полномъ возстаніи. Шеншинъ и Фредериксъ тяжело ранены, и мятежники пошли къ Сенату. Я едва ихъ обогналъ, чтобы донести о томъ Вашему Величеству. Ради Бога прикажите двинуть противъ нихъ 1-й баталіонъ Преображенскаго полка и конную гвардію» [2]).

«Меня вѣсть сія поразила, какъ громомъ,—пишетъ Николай, ибо съ первой минуты я не видѣлъ въ семъ первомъ ослушаніи дѣйствія одного сомнѣнія, котораго всегда опасался, но, зная существованіе заговора, узналъ въ семъ первое его доказательство. Разрѣшивъ первому баталіону преображенцевъ выходить, я дозволилъ конной гвардіи сѣдлать,

[1]) Шильдеръ—тамъ же, 282.

[2]) Нейдгардъ говорилъ по-французски; здѣсь приводимъ его слова въ переводѣ Корфа.

но не выѣзжать, и къ нимъ отправилъ генерала Нейдгардта, пославъ въ то же время г.-м. Стрекалова въ Преображенскій баталіонъ для скорѣйшаго исполненія.

«Оставшись одинъ, я спросилъ себя, что мнѣ дѣлать, и, перекрестясь, отдался въ руки Божьи, рѣшилъ самъ итти туда, гдѣ опасность угрожала».

Такъ начались оборонительныя, а затѣмъ и наступательныя дѣйствія Николая. Первыхъ было болѣе, чѣмъ достаточно, вторыя же закончились кровавымъ финаломъ.

Первой заботой императора было увеличить надежными войсками охрану дворца. Въ сопровожденіи генерала Кутузова, онъ сошелъ въ дворцовую главную гаупвахту, въ которую только что вступила 9-ая стрѣлковая рота л.-г. Финляндскаго полка, подъ командою капитана Прибыткова. „Вызвавъ караулъ подъ ружье и приказавъ мнѣ отдать честь, прошелъ по фронту и, спросивъ людей, присягнули ли мнѣ и знаютъ ли, отчего сіе было, и что по точной волѣ сіе брата К. П., получилъ въ отвѣтъ, что знаютъ и присягнули. За симъ сказалъ я имъ: «Ребята московскія шалятъ, не перенимать у нихъ и свое дѣло дѣлать молодцами», велѣлъ зарядить ружья и самъ скомандовалъ: „дивизіонъ впередъ, скорымъ шагомъ, маршъ", повелъ отрядъ лѣвымъ плечомъ впередъ къ главнымъ воротамъ дворца... Поставя караулъ поперекъ воротъ, обратился къ народу, который, меня увидя, началъ сбѣгаться ко мнѣ и кричать ура. Махнувъ рукой, я просилъ, чтобъ мнѣ дали говорить. Въ то же время пришелъ ко мнѣ графъ Милорадовичъ, и, сказавъ: „Дѣло идетъ дурно, мятежники отправились къ Сенату; но и я пойду туда уговаривать ихъ" [1]), ушелъ, и я болѣе его не видалъ.

„Надо было мнѣ выиграть время, дабы дать войскамъ собраться; нужно было отвлечь вниманіе народа чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ; всѣ эти мысли пришли мнѣ какъ бы

[1]) Корфъ сообщаетъ, что въ отвѣтъ на это сообщеніе у государя не вырвалось ни одного слова въ укоръ за всѣ предшедшія увѣренія въ мнимомъ спокойствіи столицы. «Вы, графъ, долго командовали гвардіей,—отвѣчалъ лишь Николай, солдаты васъ знаютъ, любятъ и уважаютъ: уговорите же ихъ, вразумите, что ихъ нарочно вводятъ въ обманъ; вамъ они скорѣе повѣрятъ, чѣмъ другимъ». Милорадовичъ пошелъ.

вдохновеніемъ, и я началъ говорить народу, спрашивая, читали ли мой манифестъ; всѣ говорили, что нѣтъ, пришло мнѣ на мысль самому его читать; у кого-то въ толпѣ нашелся экземпляръ; я взялъ его и началъ читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало, признаюсь, и единый Богъ меня поддержалъ [1]).

„Наконецъ, Стрекаловъ извѣстилъ меня, что Преображенскій первый баталіонъ готовъ; приказавъ коменданту, г.-а. Башуцкому остаться при гауптвахтѣ и не трогаться съ мѣста безъ моего приказанія, самъ пошелъ сквозь толпу прямо къ баталіону, стоявшему спиной къ комендантскому подъѣзду, лѣвымъ флангомъ къ экзерциргаузу... Баталіонъ мнѣ отдалъ честь, я прошелъ по фронту и, спросивъ, готовы ли итти за мной, куда велю, получилъ въ отвѣтъ громкое молодецкое:—рады стараться!—минута единственная въ моей жизни; никакая кисть не изобразитъ стройную, почтенную и спокойную наружность [2]) сего именно перваго баталіона въ свѣтѣ, въ столь критическую минуту. Скомандовавъ по тогдашнему: „къ атакѣ въ колонну, первый и восьмой взводъ въ полъ-оборота налѣво и направо", повелъ я баталіонъ лѣвымъ плечомъ впередъ, мимо заборовъ тогда достраивавшагося дома министра финансовъ и иностранныхъ дѣлъ, къ углу Адмиралтейскаго бульвара. Тутъ, узнавъ, что ружья не заряжены, велѣлъ баталіону остановиться и зарядить ружья. Тогда же привели мнѣ лошадь, но всѣ прочіе были пѣши...

„Зарядивъ ружья, пошли мы впередъ; тогда со мною были генералъ-адъютантъ Кутузовъ, флигель-адъютантъ Дурново, Стрекаловъ и адъютанты мои Перовскій и Адлербергъ. Адъютанта моего Кавелина послалъ я итти въ Аничкинъ домой перевозить дѣтей въ Зимній дворецъ [3]). Перовскаго послалъ я въ конную гвардію, съ приказаніемъ выѣзжать ко мнѣ на площадь".

---

[1]) Несмотря на это признаніе, Корфъ передаетъ умилительную картину цѣлованія Николая съ народомъ.

[2]) Корфъ пишетъ, что видъ баталіона Николай назвалъ «*Гранитнымъ*»

[3]) Для большей безопасности дѣти Николая Павловича были перевезены въ наемной каретѣ.

Услышавъ выстрѣлы, которыми былъ смертельно раненъ Милорадовичъ, и видя, что народъ все прибываетъ, Николай принялъ всѣ усилія, чтобы увеличить свои силы.

„Я вызвалъ стрѣлковъ,—пишетъ онъ, — на фланги баталіона и дошелъ такимъ образомъ до угла Вознесенской; не видя еще конной гвардіи, я остановился и послалъ за нею одного бывшаго при мнѣ коннымъ стараго рейткнехта изъ конной гвардіи Болдырева съ тѣмъ, чтобы полкъ поскорѣе шелъ. Тогда же слышали мы: «Ура, Константинъ» — на площади противъ Сената, и видна была стрѣлковая цѣпь, которая никого не пропускала".

Вскорѣ прибыла вся конная гвардія и стала между Исаакіевскимъ соборомъ и зданіемъ военнаго министерства, бывшаго тогда дома Лобанова, построившись спиной къ дому [1]).

„Сейчасъ я поѣхалъ къ нему, читаемъ дальше въ запискахъ Николая, и, поздоровавшись съ людьми, сказалъ имъ, что ежели искренно мнѣ присягнули, то настало время доказать мнѣ сіе на дѣлѣ. Генералу Орлову велѣлъ съ полкомъ итти на Сенатскую площадь и выстроиться такъ, чтобъ пресѣчь, ежели возможно, мятежникамъ сообщеніе съ тѣхъ сторонъ, гдѣ ихъ окружить было можно. Площадь тогда была весьма стѣснена заборами отъ стороны собора, простиравшимися до угла нынѣшняго синодскаго зданія; уголъ, образуемый бульваромъ и берегомъ Невы, служилъ складомъ выгружаемыхъ камней для собора, и оставалось между сими матеріалами и монументомъ Петра Великаго не болѣе, какъ шаговъ 50. На семъ тѣсномъ пространствѣ, идя по шести, полкъ выстроился въ двѣ линіи, правымъ флангомъ къ монументу, лѣвымъ почти достигая заборовъ".

Затѣмъ Николай отрядилъ роту Е. В. Преображенскаго полка съ тремя офицерами занять Исаакіевскій мостъ, чтобы отрѣзать сообщеніе съ Васильевскимъ мостомъ и прикрыть

---

[1]) Во второй части мы приведемъ подробное описаніе дѣйствій конной гвардіи, которое намъ оставилъ участника въ событіи 14 декабря штабсъ-ротмистръ баронъ Каульбарсъ. Подтверждая въ общемъ приведенные здѣсь факты, онъ расходится въ нѣкоторыхъ деталяхъ, которыя дѣлаютъ его разсказъ очень и очень интереснымъ.

фронтъ конной гвардіи, а самъ съ Бенкендорфомъ поѣхалъ на площадь, чтобы посмотрѣть позиціи „противника"; „меня, прибавляетъ онъ, встрѣтили выстрѣлами".

„Въ то же время послалъ я приказаніе всѣмъ войскамъ собираться ко мнѣ на Адмиралтейскую площадь и, воротясь на оную, нашелъ уже остальную малую часть Московскаго полка, съ большею частію офицеровъ, которыхъ ко мнѣ привелъ Михаилъ Павловичъ. Офицеры бросились мнѣ цѣловать руки и ноги. Въ доказательство моей къ нимъ довѣренности поставилъ я ихъ на самомъ углу, у забора, противъ мятежниковъ. Кавалергардскій полкъ, 2-й баталіонъ Преображенскаго полка стояли уже на площади: сей баталіонъ послалъ я вмѣстѣ съ первымъ, рядами направо, примкнуть къ конной гвардіи. Кавалергарды оставлены были мною въ резервѣ, у дома Лобанова. Семеновскому полку велѣно было итти прямо, вокругъ Исаакіевскаго собора къ манежу конной гвардіи и занять мостъ. Я вручилъ команду съ сей стороны Михаилу Павловичу. Павловскаго полка воротившіеся люди изъ караула, составлявшіе малый баталіонъ, посланы были по Почтовой улицѣ и мимо конно-гвардейскихъ казармъ на мостъ у Крюкова канала и въ Галерную улицу.

„Въ сіе время узналъ я, что въ Измайловскомъ полку происходилъ безпорядокъ и нерѣшительность при присягѣ [1]. Сколь мнѣ сіе ни больно было, но я рѣшительно не полагалъ сего справедливымъ и относилъ сіе къ тѣмъ же замысламъ, а потому велѣлъ генералъ-адъютанту Левашову, ко мнѣ явившемуся, ѣхать въ полкъ и, буде есть какая-либо возможность, двинуть его, хотя бы противъ меня, непремѣнно его вывесть изъ казармъ.

„Между тѣмъ, видя, что дѣло становится весьма важнымъ, и не предвидя еще, чѣмъ кончится, послалъ я Адлерберга съ приказаніемъ шталмейстеру князю Долгорукову приготовить загородные экипажи для матушки и жены, и намѣренъ былъ въ крайности выпроводить ихъ съ дѣтьми

[1]) По словамъ Корфа, тамъ во время присяги раздались крики Константину. Кто кричалъ такъ и не выяснилось, хотя, какъ утверждаетъ Корфъ, солдаты говорили, что это молодые офицеры кричали.

подъ прикрытіемъ кавалергардовъ, въ Царское Село. Самъ же, пославъ за артиллеріей, поѣхалъ на Дворцовую площадь, дабы обезпечить дворецъ, куда велѣно было слѣдовать прямо обоимъ сапернымъ баталіонамъ: гвардейскому и учебному.

„Воротившись къ войскамъ, поѣхалъ къ прибывшей артиллеріи, но, къ несчастію, безъ зарядовъ, хранившихся въ лабораторіи; доколѣ послано было за ними, мятежъ усилився“... „Ура! конституція!“ раздавалось и принималось чернью за ура, произносимое въ честь супруги Константина Павловича [1]).

„Воротился генералъ-адъютантъ Левашовъ съ извѣстіемъ, продолжаетъ Николай Павловичъ, что Измайловскій полкъ въ порядкѣ и ждетъ меня у Синяго моста: я поспѣшилъ къ нему, полкъ отдалъ мнѣ честь и встрѣтилъ меня съ радостными лицами, которыя разсѣяли во мнѣ всякое подозрѣніе; я сказалъ людямъ, что хотѣли ихъ обмануть, что я сему не вѣрю, что, впрочемъ, ежели среди нихъ есть такіе, которые хотятъ противъ меня итти, то я имъ не препятствую присоединиться къ мятежникамъ. Громкое ура было мнѣ отвѣтомъ. Я при себѣ приказалъ зарядить ружья и послалъ ихъ на площадь, велѣвъ поставить ихъ въ резервѣ, спиною къ дому Лобанова, самъ же поѣхалъ къ Семеновскому полку, уже стоявшему на своемъ мѣстѣ. Полкъ подъ начальствомъ полковника Шипова прибылъ въ величайшей исправности и стоялъ у самаго моста на каналѣ, баталіонъ за баталіономъ. Михаилъ Павловичъ былъ уже тутъ.

„...объѣхавъ вокругъ собора, прибылъ снова къ войскамъ, съ той стороны бывшимъ, и нашелъ прибывшимъ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, который оставался на площади противъ Гороховой, за пѣшей артиллерійской бригадой.

„Погода изъ довольно свѣжей становилась холоднѣе; снѣгу было весьма мало, и оттого весьма скользко; начинало смеркаться, ибо было уже три часа пополудни. Шумъ и крики дѣлались настойчивѣе, и частые ружейные вы-

---

[1]) Эта басня опровергается современниками событія и между прочимъ однимъ квартальнымъ надзирателемъ, воспоминанія котораго о днѣ 14-го декабря будутъ напечатаны во 2-ой части.

стрѣлы многихъ изъ конной гвардіи ранили и перелетали чрезъ войска“ [1]).

Такъ стягивались „силы“ Николая. Какъ каждый можетъ убѣдиться, ихъ было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы подавить ничтожное количество собравшихся около памятника Петра повстанцевъ. Во всякомъ случаѣ Николаю нечего было опасаться ни за себя, ни за свою власть, ни за свое семейство; онъ совершенно напрасно подготовлялъ ихъ выѣздъ за предѣлы Петербурга, такъ какъ это не обезопашивало ихъ въ случаѣ успѣха заговорщиковъ; они никакъ не могли бы укрыться „за предѣлы досягаемости“ отъ возставшихъ.

Такъ падаетъ легенда о беззавѣтной храбрости Николая, которую якобы онъ проявилъ 14-го декабря, тогда какъ все время былъ окруженъ огромной свитой и охраной [2]). Но всю преувеличенность опасности мы еще яснѣе увидимъ, когда подробно узнаемъ силы мятежниковъ, ихъ намѣренія и дѣйствія на Сенатской площади.

XII.

Событія на Сенатской площади.

„Наступило утро рокового дня,—пишетъ П. А. Каратыгинъ;—казалось, что все шло обычнымъ своимъ порядкомъ; на улицахъ ничего особеннаго не было замѣтно“.

Предположеніе Каратыгина подтверждалось спокойнымъ пріѣздомъ графа Милорадовича къ танцовщицѣ Е. Телешовой, жившей въ одномъ домѣ съ Каратыгинымъ.

„Часовъ въ 10 съ половиной графская карета, четвертней—пишетъ онъ,—подъѣхала къ крыльцу, со двора, и графъ, въ полной парадной формѣ, въ голубой лентѣ, вышелъ изъ нея и пошелъ, по обыкновенію, прежде наверхъ къ Телешовой, а потомъ обѣщалъ зайти на пирогъ къ имяниннику [3]). Видя генералъ-губернатора въ то утро совершенно спокой-

[1]) Шильдеръ, Николай I-й, т. I.

[2]) Корфъ передаетъ, что государь на площади же раздавалъ отличія и награды «вѣрнымъ» частямъ войскъ; это дѣлалось очевидно для большаго энтузіазма и вѣрности.

[3]) Къ другу Милорадовича—Майкову.

нымъ, мы тоже начали успокаиваться и были почти увѣрены, что нелѣпые вчерашніе слухи [1]) не имѣли никакого основанія, иначе какъ бы могъ въ такой важный день и часъ губернаторъ столицы быть въ гостяхъ у частнаго лица? Неужели бы эти зловѣщіе городскіе слухи не дошли до него? Но не прошло и четверти часа по пріѣздѣ графа, какъ во дворъ нашъ прискакалъ во весь карьеръ казакъ; соскочивъ съ лошади, онъ побѣжалъ наверхъ, въ квартиру Телешовой, и черезъ нѣсколько минутъ карета подъѣхала къ подъѣзду, и графъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы, бросился въ карету, дверцы которой едва успѣлъ захлопнуть его лакей, и карета стремглавъ помчалась за ворота. Мы побѣжали смотрѣть въ окна, выходившія на Офицерскую улицу, и тутъ увидѣли баталіонъ Гвардейскаго экипажа, который шелъ въ безпорядкѣ, скорымъ шагомъ, съ барабаннымъ боемъ и распущеннымъ знаменемъ; баталіономъ предводительствовалъ знакомый намъ капитанъ Балкашинъ. Уличные мальчишки окружали солдатъ и кричали: „ура!"

„Быстрый отъѣздъ графа и эта послѣдняя картина мало добраго обѣщали. Мы съ братомъ начали собираться со двора".

Очутившись на улицѣ, Каратыгинъ встрѣтилъ Московскій полкъ, съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами; густая толпа народа и мальчишекъ окружали солдатъ и горланили: „ура!". Якубовичъ [2]) пожалъ руку моему брату и побѣжалъ впередъ; вскорѣ мы потеряли его изъ виду; поворотя за уголъ на Морскую, мы увидѣли Якубовича уже безъ шинели, съ обнаженной саблей, впереди полка, онъ сильно кричалъ и махалъ своею саблею" [3]).

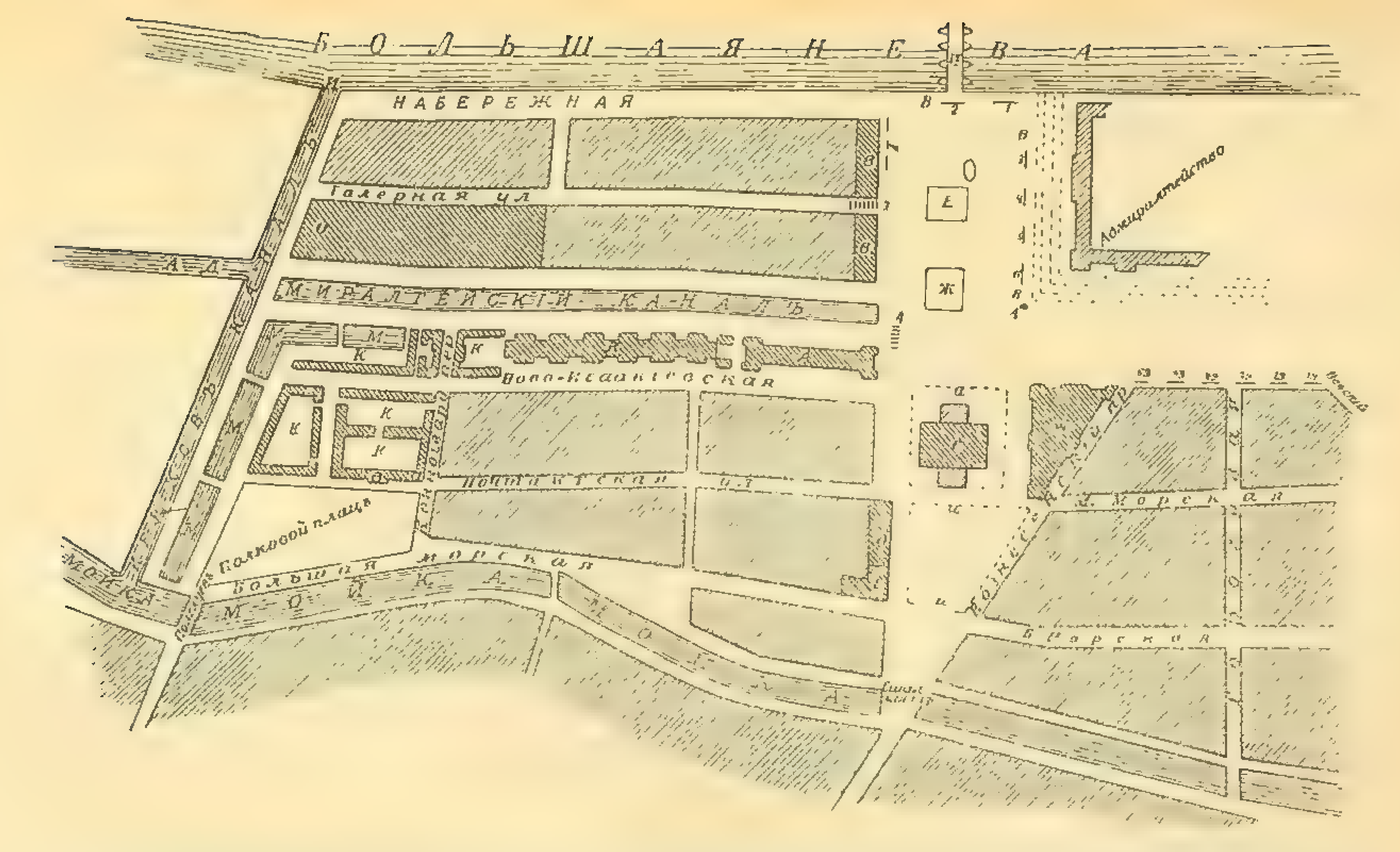
Прибывъ въ такомъ видѣ на площадь, Московскій полкъ построился въ карре. Площадь была еще совершенно пуста.

– Что? Имѣю ли я теперь право повторить тебѣ, что вы затѣяли дѣло неудобоисполнимое. Видишь, не одинъ я такъ думалъ, сказалъ Якубовичъ М. Бестужеву на площади.

[1]) Каратыгинъ передаетъ, что еще наканунѣ ихъ прислуга говорила о готовящихся безпорядкахъ.

[2]) Якубовичъ шелъ съ Каратыгинымъ.

[3]) Русская старина. Воспоминанія П. А. Каратыгина.

А. Мѣсто гдѣ находился Государь Имп. Б. Первоначальное положеніе Конной Гвардіи, когда Государь подъѣхалъ къ полку. В. Окончательное положеніе Конной Гвардіи. Г. Конно-піонеры. Д. Семеновскій полкъ. Е. и Ж. Каре мятежниковъ. З. Павловскій полкъ. И. Исаакіевскій мостъ. К. Казармы Конно-Гвард. полка. Л. Полковой манежъ. Н. Мѣсто нынѣшняго Николаевск. моста. О. Бывшіе морскія казармы. На этомъ мѣстѣ былъ дворецъ Вел. Кн. Николая Николаевича. а. Помѣщеніе полковой церкви Конногвард. полка. б. Квартира полкового командира. в. Синодъ и Сенатъ. г. Домъ Беринга (теперь Герм. посольство). д. Домъ Мятлева. е. Исаакіевскій соборъ. ж. Домъ Лобанова, теперь Военнаго министерства. з. Памятникъ Петру Великому. и. Заборъ, окружавшій Исаакіевскій соборъ и строенія, вмѣщавшія мастерскія по случаю сооруженія собора. к. Полковая канцелярія. л. Полковой госпиталь.

— Ты бы не могъ сказать этого, если бы сдержалъ данное тобою слово и привелъ сюда прежде насъ или артиллерію, или измайловцевъ—отвѣчалъ ему А. Бестужевъ.

Рота М. А. Бестужева стала лицомъ къ Адмиралтейскому бульвару, и онъ по необходимости долженъ былъ наблюдать за тремя фасами, а четвертымъ, обращеннымъ къ Исаакіевскому собору, командовалъ Щепинъ-Ростовскій. Онъ стоялъ по словамъ Розена, опершись на татарской саблѣ, утомившись и измучившись отъ борьбы во дворѣ казармъ. Онъ и М. Бестужевъ просили помощи и пеняли на караульнаго офицера Якова Насакина, отчего онъ не присоединился къ нимъ со своимъ карауломъ.

„Всѣхъ бодрѣе, пишетъ тотъ же Розенъ, въ карре стоялъ И. И. Пущинъ, хотя онъ, какъ отставной, былъ не въ военной одеждѣ, но солдаты охотно слушали его команду, видя его спокойствіе и бодрость. На вопросъ мой Пущину, гдѣ мнѣ отыскать князя Трубецкого, онъ мнѣ отвѣчалъ: „пропалъ или спрятался,—если можно, то достань еще помощи, въ противномъ случаѣ и безъ тебя тутъ довольно жертвъ“ [1]).

Оболенскій, назначенный Трубецкимъ начальникомъ штаба возставшихъ войскъ, явился на площадь въ одно время съ Московскимъ полкомъ. Здѣсь же былъ и Рылѣевъ въ костюмѣ простолюдина съ солдатскою сумкою черезъ плечо [2]);

---

[1]) Розенъ—тамъ же, 64 стр.

[2]) По этому поводу Н. Бестужевъ передаетъ слѣдующій разговоръ съ поэтомъ утромъ 14-го декабря: «Я же, со своей стороны, прибавилъ Рылѣевъ, ѣду въ Финляндскій и Лейбъ-Гвардейскій полки и, если кто-либо выйдетъ на площадь, я стану въ ряды солдатъ. съ сумою черезъ плечо и съ ружьемъ въ рукахъ.

— Какъ—во фракѣ?

— Да! а можетъ быть надѣну и русскій кафтанъ, чтобы сравнить солдата съ поселяниномъ въ первомъ дѣйствіи ихъ взаимной свободы.

— Я тебѣ этого не совѣтую. Русскій солдатъ не понимаетъ этихъ тонкостей патріотизма, и ты скорѣе подвергнешься опасности отъ удара прикладомъ, нежели сочувствію къ твоему благородному, но неумѣстному поступку. Къ чему этотъ маскарадъ? Время національной гвардіи еще не настало.

Рылѣевъ задумался.

«Въ самомъ дѣлѣ, это слишкомъ романтически.—сказалъ онъ.—Итакъ, просто, безъ излишествъ, безъ затѣй. Можетъ быть,—продолжалъ онъ,—можетъ быть мечты наши сбудутся: но нѣтъ, вѣрнѣе, гораздо вѣрнѣе, что мы погибнемъ». *Библ. Декабр., в. 1, 43 стр.*

но онъ скоро удалился въ казармы другихъ частей; по словамъ князя Оболенскаго, онъ отправился въ лейбъ-Гренадерскій полкъ, чтобы ускорить его приходъ, Пущинъ же пишетъ, что Рылѣевъ, не найдя никакихъ войскъ на сборномъ мѣстѣ, поѣхалъ въ казармы Измайловскаго полка; затѣмъ онъ еще долго разыскивалъ князя Трубецкого. Вообще, пишетъ про Рылѣева Розенъ, онъ „какъ угорѣлый, бросался во всѣ казармы, ко всѣмъ карауламъ, чтобы набрать больше матеріальной силы, и возвращался на площадь съ пустыми руками“.

За Рылѣевымъ съ площади ушелъ и Якубовичъ. „Окончивъ трудную работу, постройку карре изъ обрывковъ разныхъ ротъ, пишетъ М. Бестужевъ, около котораго собрались уже многіе изъ нашихъ членовъ, и, не видя Якубовича, я спросилъ о причинѣ его отсутствія. — „Онъ сказалъ мнѣ,— отвѣчалъ братъ, — что по причинѣ страшной головной боли онъ удаляется съ площади. Но посмотри,—продолжалъ онъ, указывая на свиту государя, — вѣроятно, атмосфера новаго царя живительно подѣйствовала на его чувствительные нервы“. И братъ не ошибся въ своихъ предположеніяхъ“.

Но въ то время какъ одни уходили или за подкрѣпленіемъ или по странностямъ своего характера, какъ Якубовичъ, въ это же время прибывали на площадь все новыя и новыя лица. Въ 10 часовъ утра баронъ Розенъ, получивъ записку отъ Рылѣева явиться въ Московскій полкъ, поспѣшилъ туда; но полкъ уже былъ на площади; пробившись сквозь толпу, онъ прямо подошелъ къ карре и былъ встрѣченъ громкимъ ура!

По словамъ Штейнгеля, едва успѣли инсургенты (Московскій полкъ) построиться въ карре, какъ показался скачущимъ изъ дворца въ парныхъ саняхъ, стоя, въ одномъ мундирѣ и голубой лентѣ графъ Милорадовичъ. Слышно было съ бульвара, какъ онъ, держась лѣвою рукою за плечо кучера и показывая правою, приказывалъ ему: „объѣзжай церковь и направо къ казармамъ. Не прошло трехъ минутъ, какъ онъ вернулся верхомъ передъ карре и сталъ убѣждать солдатъ повиноваться и присягнуть новому императору.

„Бунтовщики,—разсказываетъ Башуцкій,—увидя его, сдѣ-

лали ему на караулъ и кричали; „Ура!“ Графъ вынулъ шпагу и, показывая имъ, говорилъ: „что шпага эта подарена ему царевичемъ Константиномъ Павловичемъ въ знакъ дружбы— увѣрялъ ихъ, что царевичъ отрекся отъ престола и ни подъ какимъ видомъ не хочетъ царствовать; неужели,—заключилъ онъ,—я измѣню моему другу?

„Убѣжденія остаются тщетны.

„ — Развѣ нѣтъ между вами старыхъ солдатъ,—продолжалъ графъ,—которые бы со мной служили и которые бы меня знали!“

Молчаніе.

Результатомъ уговоровъ Милорадовича было колебаніе солдатъ. Видя это Оболенскій сталъ уговаривать графа отъѣхать прочь, угрожая иначе опасностью. Но Милорадовичъ не слушалъ; вдругъ раздался пистолетный выстрѣлъ, сдѣланный Каховскимъ; графъ замотался, шляпа съ него слетѣла, и онъ припалъ къ лукѣ. Въ суматохѣ здѣсь онъ получаетъ еще рану штыкомъ въ бокъ, нанесенную княземъ Оболенскимъ [1]).

Такъ палъ первою жертвою возстанія, благодаря своей самонадѣянности и дѣйствительной храбрости, графъ Милорадовичъ, „который, по словамъ Розена, въ безчисленныхъ сраженіяхъ и стычкахъ участвовалъ со славою и остался невредимымъ“ [2]).

---

[1]) Штейнгель пишетъ, что рана была нанесена раньше выстрѣла Каховскаго.

[2]) Милорадовича, сообщаетъ Бушуцкій, хотѣли отнести къ нему въ домъ, но онъ, сказавши, что чувствуетъ, что рана смертельная, велѣлъ, чтобы положили его на солдатскую койку въ конно-гвар. казармахъ.

„Въ скоромъ времени туда съѣхались врачи, и на утѣшеніе ихъ графъ отвѣчалъ только, что онъ знаетъ, что ему должно умереть. Когда вырѣзывали изъ его раны пулю (пулю вынималъ состоявшій при немъ докторъ спутникъ во многихъ его походахъ, Василій Михайловичъ Буташевичъ-Петрашевскій (†), отецъ извѣстнаго Михаила Бут.-Петрашевскаго († 1366 г. 7-го декабря), то онъ, несмотря на нее, сказалъ: „Я увѣренъ былъ, что въ меня выстрѣлилъ не солдатъ, а какой-нибудь шалунъ, потому что эта пуля не ружейная».

Подъ вечеръ императоръ прислалъ къ нему собственноручное письмо слѣдующаго содержанія.

„Мой другъ, мой любезный Михайло Андреевичъ, да вознаградитъ

Между тѣмъ Московцамъ стала прибывать помощь. По Галерной улицѣ пришелъ баталіонъ Гвардейскаго экипажа. Когда баталіонъ этотъ собранъ былъ во дворѣ казармъ для присяги, и нѣсколько офицеровъ, сопротивлявшихся ей, были арестованы бригаднымъ командиромъ генераломъ Шиповымъ, то въ воротахъ казармъ показался Н. Бестужевъ; въ это же время вдругъ раздались ружейные выстрѣлы на Сенатской площади. Бестужевъ закричалъ:—„нашихъ бьютъ! ребята, за мной!"—и всѣ ринулись за нимъ на площадь.

Баталіонъ этотъ, выстроившись въ колонну къ атакѣ, сталъ за карре Московскаго полка, за фасомъ, обращеннымъ къ Исаакіевскому собору.

Спустя нѣкоторое время, къ возставшимъ присоединились три роты л.-г. Гренадерскаго полка, приведенныя поручикомъ А. Н. Сутгофомъ, баталіоннымъ адъютантомъ Н. А. Пановымъ и подпоручикомъ Кожевниковымъ [1]).

Перебѣжавъ черезъ Неву, они вошли во внутренній дворъ Зимняго дворца, гдѣ уже стоялъ полковникъ Геруа съ баталіономъ гвардейскихъ саперъ. Комендантъ Башуцкій, оставленный начальникомъ охраны дворца, похвалилъ усердіе гренадеръ на защиту престола, но люди, замѣтивъ свою ошибку, закричали: „не наши", такъ же быстро выбѣжали на улицу.

тебя Богъ за все, что ты для меня сдѣлалъ. Уповай на Бога, такъ какъ я на него уповаю, онъ не лишитъ меня друга. Если бы я могъ слѣдовать сердцу, я бы при тебѣ уже былъ, но долгъ мой меня здѣсь удерживаетъ. Мнѣ тяжелъ сегодняшній день, но я имѣлъ утѣшеніе ни съ чѣмъ несравненное, ибо видѣлъ въ тебѣ, во всѣхъ, во всемъ народѣ друзей, дѣтей: Да дастъ мнѣ Богъ всещедрый силы имъ за то воздать, вся жизнь моя на то посвятится. Твой другъ искренній, Николай".

„Графъ Милорадовичъ самъ хотѣлъ прочесть это письмо, но сколь много ни ставили подлѣ него свѣчей, однако же силы его того ему сдѣлать не позволили".

[1]) Конно-артиллеристъ Коновницынъ, бѣжавшій изъ подъ ареста, встрѣтивъ Одоевскаго, только что смѣнившагося съ караула во дворцѣ, отправился съ нимъ къ лейбъ-гренадерамъ. Они первые извѣстили о томъ, что происходило на Сенатской площади; до нихъ же никто ничего не зналъ, и полкъ присягнулъ Николаю. Однако это не помѣшало Сутгофу вывести свою роту и увлечь другихъ.

Здѣсь роты встрѣтили Николая Павловича, спросившаго ихъ—„куда вы? если за меня, то направо, если нѣтъ, то налѣво!" „Солдаты закричали за Константина!" „налѣво!" и всѣ пустились въ безпорядкѣ бѣжать на Сенатскую площадь [1]). Объ этомъ случаѣ самъ императоръ пишетъ слѣдующее! „Не доѣхавъ еще до дома главнаго штаба, увидѣлъ въ совершенномъ безпорядкѣ со знаменами, безъ офицеровъ лейбъ-Гренадерскій полкъ, идущій толпой. Подъѣхавъ къ нимъ, ничего не подозрѣвая, я пошелъ остановить людей и выстроить; но на мое: *стой*, отвѣчали: *мы за Константина*. Я указалъ имъ на Сенатскую площадь и сказалъ: *когда такъ, то вотъ вамъ дорога*, и вся сія толпа прошла мимо меня, сквозь всѣ войска и присоединилась безъ препятствій къ своимъ одинако заблужденнымъ товарищамъ" [2]).

На площади л.-гренадеры были помѣщены внутри карре Московскаго полка, чтобы тамъ построиться въ отдѣльныя части. „Должно, однако, замѣтить,—добавляетъ Розенъ,—что Сутгофъ вывелъ свою роту въ полной походной амуниціи, съ небольшимъ запасомъ хлѣба, предваривъ ее о престоящихъ дѣйствіяхъ".

Такимъ образомъ теперь на площадь собралось болѣе 2000 возставшихъ солдатъ [3]). Но тутъ-то и обнаружились всѣ недостатки и преступные упущенія со стороны заговорщиковъ.

Эта сила въ рукахъ одного начальника, въ виду собравшагося тысячами народа, готоваго содѣйствовать возставшимъ, могла бы, по словамъ Розена [4]), все рѣшить, и тѣмъ легче, что при наступательномъ дѣйствіи много баталіоновъ пристали бы къ возмутившимся; послѣдніе же при 10-ти градусномъ морозѣ, выпадавшемъ снѣгѣ съ рѣзкимъ восточ-

---

[1]) Розенъ—тамъ же, стр. 65—6.

[2]) Шильдеръ—тамъ же, стр. 287.

[3]) Передаютъ, что инсургертамъ была предложена помощь отъ морского и 1-го кадетскаго корпусовъ, которые присылали депутатовъ съ предложеніемъ присоединиться къ возставшимъ, но М. Бестужевъ это предложеніе отвергъ, сказавъ: „Благодарите своихъ товарищей за благородное намѣреніе и поберегите себя для будущихъ подвиговъ".

[4]) Это мнѣніе послѣ раздѣляли и другіе изъ декабристовъ.

нымъ вѣтромъ, въ однихъ мундирахъ, ограничились страдательнымъ положеніемъ и грѣлись только неумолкаемыми „ура!"

Между тѣмъ не видно было ни диктатора, ни его помощника не было на мѣстѣ. Предложили команду Булатову; онъ отказался; предложили ее. Н. Бестужеву; онъ, какъ морякъ, отказался; наконецъ, начальство навязали князю Оболенскому, не какъ тактику, а какъ офицеру, извѣстному и любимому солдатами. Безначаліе было полное: всѣ командовали, всѣ чего-то ожидали и въ ожиданіи отбивали атаки, упорно отказывались сдаться и гордо отвергли обѣщанное помилованіе".

Попытокъ переговоровъ о повиновеніи и прекращеніи бунта было нѣсколько даже послѣ того, какъ Милорадовича постигла такая неудача и такая печальная участь. Генералы за свой страхъ и въ надеждѣ на свое умѣнье рисковали уговаривать возставшихъ, но всѣ они имѣли одинаковый результатъ.

Первымъ послѣ Милорадовича пожелалъ уговаривать солдатъ корпусный командиръ Войновъ; но всѣ его убѣжденія были напрасны, угрозы также, и кончилось тѣмъ, что изъ толпы народа кто-то пустилъ въ него полѣномъ такъ сильно въ спину, что у старика свалилась шляпа, и онъ принужденъ былъ удалиться. Затѣмъ къ карре примчался, какъ бѣшенный, генералъ Сухозанетъ и, указывая на пушки, просилъ разойтись прежде, чѣмъ начнутъ изъ нихъ палить; его спровадили съ отвѣтомъ „стрѣляйте".

Сухозанетъ стоялъ на углу площади среди „силъ" Николая съ артиллеріей. Вдругъ онъ подзываетъ генерала и посылаетъ сказать „послѣднее слово" пощады мятежникамъ. „Я погналъ лошадь, пишетъ Сухозанетъ, въ галопъ, въѣхалъ въ колонну мятежниковъ, которые держали ружья у ноги и раздались передо мною. „Ребята! сказалъ я, пушки передъ вами; но государь милостивъ, не хочетъ знать именъ вашихъ и надѣется, что вы образумитесь — онъ жалѣетъ васъ". Всѣ солдаты потупили глаза, и впечатлѣніе было замѣтно; но нѣсколько фраковъ и мундировъ начали, сближаясь, произносить поруганія. „Сухозанетъ, развѣ ты привезъ кон-

ституцію?“ — „Я присланъ съ пощадою, а не для переговоровъ“,—и съ этимъ словомъ порывисто обернулъ лошадь; бунтовщики отскочили, и я, давъ шпоры, выскочилъ. Съ султана моего перья посыпались; но мнѣ кажется, добавляетъ генералъ, что по мнѣ были сдѣланы выстрѣлы изъ пистолетовъ не солдатскіе, потому что солдаты находились тогда въ въ замѣтномъ смущеніи“.

Нѣсколько раньше къ лейбъ-гренадерамъ подъѣзжалъ полковникъ Стюрлеръ, уговаривалъ ихъ вернуться къ остальной части полка и къ своему долгу; но пули Каховскаго и солдатъ ранили его смертельно.

Каховскій, какъ передаетъ Корфъ, встрѣтивъ на площади Стюрлера, спросилъ его: „А вы, полковникъ, на чьей сторонѣ?“ — „Я присягалъ императору Николаю и остаюсь ему вѣренъ“—отвѣчалъ Стюрлеръ. Здѣсь Каховскій выстрѣлилъ въ него, и онъ со смертельною раною сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, зашатался и упалъ. Отнесенный въ домъ Лобанова, онъ скончался на другой день.

Въ числѣ пытавшихся уговаривать мы находили и самого великаго князя Михаила Павловича. Ободренный своими успѣхами въ конной артиллеріи и оставшейся части Московскаго полка, онъ упрашивалъ своего брата позволить пойти къ мятежникамъ, чтобы вернуть ихъ къ своему долгу. Наконецъ, Николай „не сталъ противиться болѣе великодушному порыву своего брата и только приказалъ сопровождать его къ г.-адъют. Левашову“.

Когда Михаилъ подъѣхалъ къ возставшимъ, на его привѣтствіе раздалось дружное: „здравія желаемъ, В. Высочество“. Однако всѣ уговоры оставались тщетными. „Пусть Константинъ Павловичъ самъ пріѣдетъ подтвердить свое отреченіе, а то мы не знаемъ даже, гдѣ онъ находится“ — отвѣчали солдаты.

Здѣсь великій князь едва не сдѣлался жертвой своей смѣлости и разгоряченнаго состоянія одного изъ возставшихъ офицеровъ, именно В. К. Кюхельбекера; онъ уже прицѣлилъ въ в. князя изъ пистолета, желая въ него выстрѣлить, и только вмѣшательство Петра Бестужева, отведшаго руку, спасло отъ гибели Михаила.

Тогда онъ поспѣшилъ удалиться, безъ всякихъ результатовъ. Но этимъ не удовольствовались; думали, что если не имѣли успѣха ни авторитетъ начальства и генеральства, ни вліяніе и власть члена императорской фамиліи, то, быть можетъ, поможетъ чувство религіозности. Для этого къ возставшимъ былъ посланъ петербургскій митрополитъ Серафимъ въ полномъ своемъ облаченіи.

Діаконъ Прохоръ Ивановъ, сопровождавшій митрополита на площадь, слѣдующее разсказываетъ объ этой высокоинтересной сценѣ: „Солдаты, увидя своего архипастыря, съ крестомъ въ рукахъ къ нихъ грядущаго, начали креститься, а иные стали и прикладываться. Первосвятитель у первой шеренги остановился и, поднявъ крестъ, говорилъ имъ велегласно:

„Воины! успокойтесь... вы противъ Бога, церкви и отечества поступили. Константинъ Павловичъ письменно и словесно трикраты отрекся отъ россійской короны, и онъ ранѣе насъ присягнулъ на вѣрность брату своему Николаю Павловичу, который добровольно и законно восходитъ на престолъ... Синодъ, сенатъ и народъ присягнули; вы только одни дерзнули возстать противъ сего. Вотъ вамъ Богъ свидѣтель, что есть это истина, и что я, какъ первосвятитель церкви, умаливаю васъ оной, успокойтесь, присягните...“

„Между тѣмъ изъ среды мятежниковъ составилась изъ нѣсколькихъ офицеровъ депутація, и, приблизившись къ митрополиту съ обнаженными шпагами, нѣкоторые, будучи въ нетрезвости, дерзновенно отвѣтствовали:

— Несправедливо! Гдѣ Константинъ?

Митрополитъ отвѣчалъ:

— Въ Варшавѣ.

Мятежники кричали:

— Нѣтъ... онъ не въ Варшавѣ, а на послѣдней станціи въ оковахъ... Подайте его сюда!.. Ура, Константинъ!.. Какой ты митрополитъ, когда на двухъ недѣляхъ и двумъ императорамъ присягнулъ... Ты—измѣнникъ, ты—дезертиръ Николаевскій, калугеръ, не вѣримъ вамъ, подите прочь!.. Это дѣло не ваше: мы знаемъ, что дѣлаемъ.. Скажи своему государю, чтобы онъ послалъ къ намъ Михаила Павловича: мы съ нимъ хотимъ говорить; а ты, калугеръ, знай свою церковь!..

„Невинные воины, по данному отъ сихъ офицеровъ сигналу, отвѣтствовали одно: „ура, Константинъ!“ При этомъ владыко сколько ни усиливался убѣждать и увѣрять, однако все это мятежниками пренебрежено; когда ужъ надъ головами первосвятителей начали фехтовать шпагами, крича: „ура, Константинъ!“ и со всѣхъ сторонъ окружила толпа съ ружьями, тогда преосвященные съ діаконами принуждены поспѣшно удалиться въ разломанный заборъ, къ Исаакіевскому собору, въ сопровожденіи черни“.

Оттуда оба митрополита отправились во дворецъ, гдѣ, на разспросы, „что тамъ дѣлается“, Серафимъ отвѣчалъ: „Обругали и прочь отослали“ [1]).

Наконецъ на площадь попробовалъ выѣхать самъ Николай Павловичъ; онъ желалъ осмотрѣть расположеніе возставшихъ, нельзя ли будетъ окружить ихъ и принудить такимъ образомъ къ сдачѣ безъ кровопролитія. Но едва онъ показался, какъ по немъ сдѣлали цѣлый залпъ. „Пули, —пишетъ онъ,—просвистали мнѣ черезъ голову, и, къ счастію, никого изъ насъ не ранило; рабочіе Исаакіевскаго собора изъ-за забора начали кидать въ насъ полѣньями; надо было рѣшиться положить сему скорый конецъ, иначе бунтъ могъ сообщиться черни, и тогда окруженныя ею войска стали бы въ самомъ трудномъ положеніи“ [2]).

Рѣшено было атаковать возставшихъ конницей, но и эти мѣры не имѣли успѣха, озлобивъ лишь солдатъ. Орловъ дважды пускался въ атаку съ конно-гвардейцами, но ружейный огонь каждый разъ опрокидывалъ нападенія, не причинивъ никакого вреда, но неся каждый разъ уронъ въ своихъ рядахъ. Объясняя это, Николай писалъ: „Конная гвардія первая атаковала по-эскадронно, но ничего не могли произвести и по темнотѣ и отъ гололедицы, но въ особенности не имѣя отпущенныхъ палашей; противники въ сомкнутой колоннѣ имѣли всю выгоду на своей сторонѣ и многихъ тяжело ранили, въ томъ числѣ ротмистръ Веліо лишился руки.

---

[1]) Историч. Вѣстникъ 1905 г. январь, стр. 169—170.

[2]) „Кюхельбекеръ и Пущинъ, пишетъ М. Бестужевъ, уговаривали народъ очистить площадь, т. к. уже готовили пушки, но на всѣ уговоры получали въ отвѣтъ: умремъ вмѣстѣ съ вами“.

Кавалергардскій полкъ равномѣрно ходилъ въ атаку, но безъ большого успѣха".

Приближалась рѣшительная минута. День склонялся къ вечеру; вѣтеръ усиливался; снѣгъ падалъ сильнѣе; морозъ крѣпчалъ.

Напряженное состояніе съ обѣихъ сторонъ не могло такъ остаться до другого дня; рѣшеніе должно было произойти каждую минуту и починъ его взялъ на себя, конечно, сильнѣйшій, и такъ какъ возставшіе были въ громадномъ меньшинствѣ и къ тому же не измѣняли своего выжидательнаго положенія, а продолжали созерцательно стоять тѣсно окруженные подавляющими силами Николая, то послѣдній и вышелъ побѣдоносно изъ положенія, наканунѣ и даже въ самый день возстанія казавшагося ему такимъ критическимъ и столь смертоноснымъ.

Конныя атаки оказались недѣйствительны; нужны были средства повнушительнѣе и таковой воистину оказались картечь. Николаю Павловичу уже давно дѣлались предложенія прибѣгнуть къ ея помощи, но, не желая проливать кровь въ первый же день своего царствованія, онъ не рѣшался на это средство. Правда, онъ уже давно потребовалъ артиллерію, и она уже была построена генераломъ Сухозанетомъ правымъ флангомъ къ бульвару, а лѣвымъ—къ Невскому проспекту, такъ что послѣднія два орудія могли бы, повернувшись, дѣйствовать вдоль Невскаго. „Снявъ съ передковъ,—пишетъ онъ,—я громко скомандовалъ: „*Батарея! орудія заряжай, съ зарядомъ—жай!*" Это произвело замѣтное на всѣхъ окружающихъ впечатлѣніе. Вслѣдъ затѣмъ государь очутился передъ фронтомъ, поздоровался съ людьми; я подъѣхалъ къ нему и, нагнувшись, весьма тихо сказалъ: „орудія заряжены, но безъ зарядовъ; черезъ нѣсколько минутъ заряды будутъ!"— „Ты мнѣ доложишь", -былъ отвѣтъ государя. Дѣйствительно, въ скорости *Философовъ* привезъ людей съ зарядами на извозчикахъ. Я немедленно донесъ государю, что орудія заряжены уже картечью. „Хорошо", отвѣчалъ онъ, съ тою важною осанкою, которая какъ бы перелилась въ него отъ покойнаго императора Александра I".

Уже графъ Толь, прибывшій только что изъ Варшавы,

предлагалъ государю услуги картечи. „Государь, — говорилъ онъ,—прикажите очистить площадь картечью, или откажитесь отъ трона“, но Николай еще медлилъ.

Наконецъ, съ тѣмъ же предложеніемъ явился г.-адъют. Васильчиковъ „Sir, il n'y pas un moment à perde, on n'y peut rien maintenant; il faut de la mitraille“ [1]).

„Я предчувствовалъ сію необходимость, - пишетъ Николай,—но, признаюсь, когда наступило время, не могъ рѣшиться на подобную мѣру, и меня ужасъ объялъ. „Vous voulez gue je verse le sang de mes sujets le premies jour de mon regne?“, отвѣчалъ онъ Васильчикову.

„Pour sauver votre empire“ [2]).

„Эти слова меня снова привели въ себя; опомнившись, я видѣлъ, что или должно мнѣ взять на себя пролить кровь нѣкоторыхъ и спасти почти навѣрное *все*, или, *пощадивъ* себя, жертвовать рѣшительно, государствомъ. Пославъ одно орудіе первой легкой пѣшей батареи къ Михаилу Павловичу съ тѣмъ, чтобъ усилить сію сторону, какъ единственное отступленіе мятежникамъ, взялъ другія три орудія и, поставивъ ихъ предъ Преображенскимъ полкомъ, велѣлъ зарядить картечью: орудіями командовалъ штабсъ-капитанъ Бакунинъ. Все во мнѣ надежда была, что мятежники устрашатся такихъ приготовленій и сдадутся, не видя себѣ иного спасенія. Но они оставались тверды; крикъ продолжался еще упорнѣе. Наконецъ, я послалъ г.-м. Сухозанета объявить имъ, что, ежели не положатъ оружія, велю стрѣлять; ура и прежнія восклицанія были отвѣтомъ и вслѣдъ за этимъ залпъ“.

„Ваше величество! - докладывалъ возвратившійся подъ шумомъ унизительныхъ восклицаній Сухозанетъ,—сумасбродные кричатъ: конституція!“.

Николай пожалъ плечами и скомандовалъ: „пальба орудіями по порядку, правый флангъ начинай, первая“.

Эта смертоносная команда ужс была повторена всѣми начальниками по старшинству, но выстрѣла не послѣдовало...

---

[1]) *Переводъ Корфа:* Ваше Высочество! теперь не должно терять ни одной минуты; добромъ нечего здѣсь взять; необходима картечь.

[2]) *Переводъ Корфа:* «Итакъ, вы хотите, чтобы я въ первый день царствованія пролилъ кровь моихъ подданныхъ?!»—Чтобы спасти Ваше царство!»

его не осмѣлился исполнить пальникъ. Бакунинъ, увидавъ это, бросился къ нему и закричалъ, почему онъ не стрѣляетъ?

– Свои, ваше благородіе!—было ему отвѣтомъ.

— Если бы даже я самъ стоялъ передъ дуломъ, и скомандовали пали, тебѣ и тогда не слѣдовало бы останавливаться,—кричалъ Бакунинъ, самъ пустивъ зарядъ...

Первый выстрѣлъ ударилъ высоко въ зданіе Сената. На него послѣдовалъ „неистовый крикъ“ мятежниковъ и бѣглый огонь.

За нимъ раздались второй, третій и четвертый... и уже прямо въ толпу и солдатъ...

„Орудія наводить не было надобности, — пишетъ Сухозанетъ,—разстояніе было слишкомъ близкое“.

Колонны и толпа народа дрогнули послѣ второго же выстрѣла; всѣ пришли въ полное смятеніе и бросились бѣжать, кто только куда могъ. Часть бросилась на Семеновскій полкъ и „наперла на него всею силою“. „Прикажите палить, Ваше высочество,—обратился фейерверкеръ къ Михаилу,—не то они самихъ насъ сомнутъ“.

Команда раздалась и здѣсь...

Часть бросилась по Англійской набережной, проломивъ фронтъ конно-піонеровъ; но преслѣдуемые послѣдними принуждены были бросаться черезъ перила прямо на ледъ.

На Неву бросилась часть колоннъ во главѣ съ М. Бестужевымъ, и онъ хотѣлъ построить и итти занять Петропавловскую крѣпость. Тогда по нимъ открыли орудійную пальбу ядрами...

Несмотря на это, солдаты продолжали строиться. Вдругъ крики: „Тонемъ!“... и нахлынувшая вода стала поглощать безсильно барахтавшихся людей...

Оказалось, что отъ ударовъ ядеръ ледъ подломился и не могъ удержать массу народа.

Уже остатки спасшихся, убѣгая отъ преслѣдовавшихъ кавалергардовъ, хотѣли спастись въ Академіи художествъ, но не могли сдѣлать и этого. Приходилось разсыпаться по Васильевскому острову.

Лейбъ-гренадеры, Гвардейскій экипажъ и четвертый фронтъ

Московскаго полка бросились по узкой Галерной улицы; къ ней также были подвезены пушки и стрѣляли продольными выстрѣлами.

Ими была масса положена жертвъ...

Это безуміе и ужасъ вызвали лишь смѣхъ въ лагерѣ побѣдителей.

„Государь уѣхалъ во дворецъ, не желая видѣть этого плачевнаго зрѣлища, а я,—пишетъ Сухозанетъ, - придвинувъ орудія къ углу Сената, видѣлъ, смѣха и жалости достойное—бѣгство толпы вдоль Англійской набережной. Нѣкоторые стремглавъ бросались черезъ парапетъ въ Неву, куда они падали въ глубокій снѣгъ, какъ на перину, а многіе даже не вставали. Я приказалъ заряженнымъ орудіямъ картечью выстрѣлить вверхъ, а потомъ, для страха, сдѣлалъ по одному выстрѣлу съ каждаго орудія ядрами, также вверхъ, вдоль Невы, приказавъ наводить лѣвѣе горнаго корпуса. Этимъ дѣйствіе артиллеріи совершенно окончилось“.

Въ дѣйствительности же это совѣмъ не было такимъ невиннымъ занятіемъ [1]) Дѣйствія артиллеріи были ужасны по своимъ послѣдствіямъ, по количеству своихъ жертвъ и по состоянію, въ которое пришелъ весь Петербургъ...

„*Я императоръ*,—писалъ въ тотъ же день Николай; — но какою цѣною, Боже мой! цѣною крови моихъ подданныхъ“...

„*Божіею милостію*, —писалъ оффиціальный историкъ Ни-

---

[1]) Какъ анекдотическій разсказъ интересны слѣдующія строки, повѣствующія о впечатлѣніи отъ пушечныхъ выстрѣловъ въ Патріотическомъ Институтѣ и передаваемыхъ бывшею институткою С. А. Пелли.

«При доходившемъ до насъ громѣ орудій мы, институтки, страшно перепугались. Пальба продолжалась, а между тѣмъ начальница института г-жа *Виссенгаузенъ* стала говорить намъ: «это Господь Богъ наказываетъ васъ, дѣвицы, за ваши грѣхи; самый главный и самый тяжкій грѣхъ вашъ тотъ, что вы рѣдко говорите по-французски, и точно кухарки, болтаете все по-русски!»

Въ страшномъ перепугѣ мы вполнѣ сознали весь ужасъ нашего грѣхопаденія и на колѣняхъ, предъ иконами, съ горькими слезами раскаянія, тогда же поклялись начальницѣ института вовсе не употреблять въ разговорахъ русскаго языка. Наши заклятія были какъ бы услышаны: пальба внезапно стихла. Мы всѣ успокоились—и долго, послѣ того, въ спальняхъ и залахъ *Патріотическаго* Института не слышалось *русскаго* языка.

колая,—имѣли свой полный смыслъ въ Императорскомъ титулѣ Николая I. Онъ прямо изъ руки Всевышняго принялъ свою корону и, разъ принявъ ее, мужественно отстоялъ даръ Божій въ ту роковую минуту, когда враждебная сила покушалась на ея похищеніе. Данное Богомъ, Богомъ и сохранилось!" [1]).

Таковы оцѣнки событій на Сенатской площади 14-го декабря. Одну изъ нихъ сдѣлалъ самъ виновникъ событій, вторую же—ихъ историкъ.

Такъ безсмысленно и дико кончилась первая попытка противопоставить деспотизму власти народное право.

XIII.

Послѣ побѣды.

Мятежники были разбиты и разсѣяны; но надо было обезопасить себя на ближайшее будущее, на случай если бы остатки ихъ вздумали повторить событія утра или попытаться произвести какіе-либо безпорядки. Къ этому и приступилъ новый императоръ съ тою же энергіей, съ какой только что стягивалъ войска вокругъ мятежниковъ.

..По очищеніи Сенатской площади,—пишетъ В. И. Фелькнеръ, она была занята лейбъ-гвардіи Преображенскимъ и Измайловскимъ полками, а отъ Семеновскаго были посланы взводы для отысканія и задержанія мятежниковъ, укрывшихся въ домахъ. Преслѣдованіе и захватъ разбѣжавшихся, по разнымъ направленіямъ, мятежниковъ, былъ возложенъ на конно-піонеровъ. Изъ нижнихъ чиновъ, занимавшихъ Сенатскую площадь, большая часть возвратилась въ свои казармы и тамъ со страхомъ и покорностію ожидали рѣшенія своей участи. На пути бѣгства, конно-піонерами и пѣхотинцами было захвачено до 500 человѣкъ [2]), въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ.

---

[1]) Корфъ—тамъ же, 192 стр.

[2]) По другимъ свѣдѣніямъ въ этотъ день было захвачено до 750 человѣкъ, изъ которыхъ было много офицеровъ, объ этомъ скажемъ ниже.

Государь, оставаясь затѣмъ еще нѣсколько времени верхомъ на площади, отдавалъ лично приказанія, относившіяся до собранныхъ на ней войскъ. Они были оставлены подъ ружьемъ на всю ночь, для предупрежденія всякаго могущаго произойти покушенія на возобновленіе уличныхъ безпорядковъ, и лично разставлены государемъ на площадяхъ: Сенатской и Адмиралтейской, около Зимняго дворца, по набережной Невы и въ Большой Милліонной. Лейбъ-гвардіи саперный баталіонъ и рота его величества лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка были оставлены на дворѣ Зимняго дворца для его охраненія, въ продолженіе наступавшей ночи, въ подкрѣпленіе карауловъ отъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка.

Распорядившись всѣми мѣрами предосторожности, императоръ возвратился въ Зимній дворецъ, сопровождаемый толпами народа, оглашавшими воздухъ радостными криками „ура!“. Государь, поблагодаривъ его за изъявленія преданности, сошелъ съ коня у главныхъ воротъ и, войдя на дворъ привѣтствовалъ лейбъ-гвардіи саперный баталіонъ словами „здорово, мои саперы“. Затѣмъ, въ краткихъ словахъ, разсказавъ имъ ходъ несчастныхъ событій этого дня, государь удостоилъ благодарить саперъ за ихъ вѣрность и усердіе, которыя обѣщалъ никогда не забыть.

„Если я видѣлъ сегодня измѣнниковъ,—сказалъ государь,—то, съ другой стороны, видѣлъ также много преданности и самоотверженія, которыя останутся для меня навсегда памятными“.

Радостно привѣтствовали государя саперы громкими криками „ура!“

Государь, послѣ милостивыхъ словъ, сказанныхъ имъ саперамъ, поспѣшилъ во дворецъ, гдѣ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала его возвращенія его семья, вынесшая въ продолженіе рокового дня 14-го декабря столько душевныхъ потрясеній, сердечныхъ безпокойствъ и опасеній за свою августѣйшую главу. Залы Зимняго дворца были ярко освѣщены, и въ нихъ еще толпилась большая часть государственныхъ сановниковъ, высшаго духовенства, придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ и дамъ, съѣхавшихся во дворецъ

для присутствованія при молебствіи, которое было совершено только въ 6-ть часовъ вечера, съ обыкновенною при такихъ случаяхъ торжественностью. До начала его, государь, желая изъявить саперамъ новое доказательство своего къ нимъ милостиваго вниманія и расположенія, вышелъ изъ дворца къ стоявшему на дворѣ баталіону. За нимъ камердинеръ вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны, *Гриммъ*, вынесъ Наслѣдника престола, семилѣтняго великаго князя Александра Николаевича, одѣтаго въ парадной формѣ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка.—Государь взялъ первенца своего на руки, вызвалъ впередъ баталіонъ рядовыхъ, имѣвшихъ знакъ отличія военнаго ордена, и осчастливилъ ихъ дозволеніемъ поцѣловать его. Приказавъ затѣмъ отнести Наслѣдника обратно во дворецъ, государь, обратившись къ саперамъ сказалъ:

„Я желаю, чтобы вы такъ же любили моего сына, какъ я самъ люблю васъ“.

Саперы восторженно бросились цѣловать руки, ноги и платье царственнаго младенца [1].

Морозъ, къ вечеру, усилился. На дворцовомъ дворѣ развели костры.

Дворцовая, Адмиралтейская и Сенатская площади представляли видъ только-что завоеваннаго города: на нихъ также пылали костры, около которыхъ гвардейскіе солдаты отогрѣвались и ѣли принесенную имъ изъ казармъ пищу. По окраинамъ этихъ площадей протянуты были цѣпи застрѣльщиковъ, никого постороннихъ, безъ особеннаго разрѣшенія коменданта, не пропускавшихъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на углахъ выходящихъ на площади улицъ, стояли караулы и при нихъ заряженныя орудія. По всѣмъ направленіямъ площадей и смежнымъ улицамъ ходили пѣхотные и разъѣзжали конные патрули, и эти мѣры предосторожности военнаго времени продолжались всю ночь.

Къ 9-ти часамъ вечера потребованъ былъ отъ лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона, къ дверямъ кабинета государя им-

[1] Весь этотъ эпизодъ дословно разсказанъ въ «Исторіи л.-г. сапернаго баталіона» соч. А. Волкенштейна. Спб. 1852 г.

ператора, караулъ, при поручикѣ *Адлунгѣ*, а въ нѣкоторыхъ дворцовыхъ залахъ поставлены были пикеты, также при офицерахъ. Недолжностные офицеры оставались при баталіонѣ и находились на главной гауптвахтѣ, куда, въ продолженіе всей ночи, не переставали приводить арестованныхъ заговорщиковъ" [1]).

Между тѣмъ Сенатская площадь представляла собой ужасное зрѣлище. По словамъ Шишкова, вся она была обагряна кровью; множество тѣлъ лежало на снѣгу. Былъ отданъ приказъ тотчасъ очистить ее отъ убитыхъ и раненыхъ; и вечеромъ Михаилъ Бестужевъ видѣлъ „какъ рабочій людъ дѣятельно хлопоталъ смыть и уничтожить всѣ слѣды недавняго побоища. Одни скоблили красный снѣгъ, другія посыпали вымытыя и выскобленныя мѣста бѣлымъ снѣгомъ, остальные сбирали тѣла убитыхъ и свозили ихъ на рѣку".

При уборкѣ, по свидѣтельству тайнаго совѣтника Попова, были проявлены чрезвычайная распорядительность и... звѣрство!..

„Когда открыли огонь по мятежнымъ войскамъ,—писалъ онъ,—произошла неизбѣжная давка. Тутъ не могло быть и не было никакого разбора: не столько участники мятежа, сколько простые зрители ложились рядами. Въ толпахъ отъ испуга и давки, отъ неловкости или слабости люди давили другъ друга и гибли, догоняемые ядрами и картечами. Какъ далеко долетали заряды, видно изъ того, что одно ядро ударило въ третій этажъ Академіи Художествъ, въ квартиру учителя *Калашникова*, прошибло стѣну и ранило кормилицу этого учителя, которая держала на рукахъ его ребенка. Во всѣхъ домахъ ворота и двери были заперты и не отпирались ни на какой вопль, всякій боялся отвѣчать за мятежника. Народу легло такъ много, что Нева, набережныя и улицы были покрыты трупами.

Тотчасъ по прекращеніи стрѣльбы, новый государь приказалъ оберъ-полиціймейстеру *Шульгину*, чтобъ трупы были убраны къ утру. Шульгинъ распорядился безчеловѣчно. Въ ночь по Невѣ отъ Исаакіевскаго моста до Академіи Худо-

[1]) Рус. Стар., августъ, 1870 годъ.

жествъ и дальше къ сторонѣ Васильевскаго острова, сдѣлано было множество прорубей, величиною какъ только можно опустить человѣка, и въ эти проруби къ утру опустили не только всѣ трупы, но (ужасное дѣло) и раненыхъ, которые не могли уйти отъ этой кровавой ловли. Другіе ушедшіе раненые таили свои раны, боясь открыться медикамъ и правительству, и умирали, не получивъ помощи. Отъ этого-то въ Петербургѣ почти не осталось въ живыхъ изъ тѣхъ, которые были ранены 14-го декабря.

Государь былъ очень недоволенъ *Шульгинымъ* и смѣнилъ этого господина. Безразсудность его распоряженія открылась еще больше весною. Когда по Невѣ начали добывать ледъ, то многія льдины вытаскивали съ примерзшими къ нимъ рукой, ногой или цѣлымъ человѣческимъ трупомъ. Правительство должно было запретить рубку льда у берега Васильевскаго острова и назначило для этого другія мѣста по Невѣ. Со вскрытіемъ рѣки, трупы погибшихъ унесены въ море.

Не меньше непріятно то, что полиція и помощники ея въ ночь съ 14-го на 15 декабря пустились въ грабежъ. Не говоря уже, что съ мертвыхъ и раненыхъ, которыхъ опускали въ проруби, снимали платье и обирали у нихъ вещи, даже убѣгающихъ ловили и грабили!"

Точное число жертвъ разстрѣла 14-го декабря и усердія исполнителей самодержавной воли Николая опредѣлить довольно трудно, какъ всякій могъ убѣдиться, прочитавъ разсказъ Попова, достовѣрность котораго несомнѣнна; неизвѣстно, сколько труповъ и сколько раненыхъ спустили въ Неву; неизвѣстно, сколько раненыхъ укрылось въ своихъ домахъ. По недавно опубликованнымъ свѣдѣніямъ мы теперь имѣемъ

---

[1]) Зимній дворецъ, по словамъ чиновника III отдѣленія, М. М. Попова, былъ обведенъ непрерывной цѣпью пушекъ, артиллеристами, піонерами и кавалергардами. Дня два или три послѣ того патрули продолжали разъѣзжать день и ночь не давая собираться толпамъ и не пропуская людей сомнительныхъ. Во дворцѣ уже недѣли двѣ были въ опасеніяхъ. Каждую ночь, какъ только засыпалъ городъ, безмолвно шли по Милліонной нѣсколько ротъ Преображенцевъ и везли пушки. Преображенцы помѣщались во дворѣ, а пушки ставили въ воротахъ дворца. Утромъ, передъ тѣмъ, какъ просыпаться городу, Преображенцы и пушки съ тою же тишиной удалялись изъ дворца.

лишь ничтожныя данныя о жертвахъ возстанія; но и эти данныя весьма цѣнны. Они намъ говорятъ о числѣ раненыхъ солдатъ и помѣщенныхъ въ военные госпитали: такихъ „со стороны противной" было ужъ не такъ много — всего 47 человѣкъ; изъ нихъ Московскаго полка — 15 человѣкъ; Гренадерскаго — 13; экипажа—девятнадцать [1]). Еще меньше было раненыхъ „въ войскахъ, оставшихся вѣрными", всего 32 человѣка; въ томъ числѣ три офицера и одинъ генералъ [2]); кромѣ того, убито два человѣка и одна лошадь; ранено лошадей—шесть.

Интересны очень раны, которыя получили повстанцы; онѣ большею частью были нанесены картечью и эти раны самыя тяжелыя, такъ какъ артиллерія дѣйствовала на близкомъ разстояніи; очень многіе изъ такихъ раненыхъ вскорѣ и умерли; но были раны и отъ сабельныхъ ударовъ, хотя такихъ небольшое число. По выздоровленіи всѣхъ раненыхъ отправляли въ Петропавловскую крѣпость [3]).

Мы должны повторить, что число этихъ жертвъ сравнительно съ дѣйствительнымъ ихъ количествомъ — ничтожно. Артиллерія, дѣйствуя на близкомъ разстояніи, не могла оставлять раненыхъ, она валила всѣхъ попадавшихся на смерть и разносила во всѣ стороны части ихъ тѣлъ.

[1]) Раненые были помѣщены «подъ арестомъ» въ Финляндскомъ, Семеновскомъ, Артиллерійскомъ и Сухопутномъ военныхъ госпиталяхъ.

[2]) Показанные по сему списку раненые офицеры:

Командиръ л.-гв. Московскаго полка генералъ-маіоръ баронъ Фридериксъ—саблею въ голову, съ поврежденіемъ черепа и полковникъ Хвощинскій—саблею въ плечо.

Командиръ л.-гв. Гренадерскаго полка полковникъ Стюрлеръ—пулею въ грудь навылетъ и 17 декабря умеръ.

Л.-гв. Коннаго полка флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Веліо лишился правой руки, которая отнята выше локтя, отъ раны пулею раздроблена кость.

Штабсъ-ротмистръ Игнатьевъ—ушибомъ ноги.

Кромѣ сего раненъ командиръ 1 бригады 1 гвардейской пѣхотной дивизіи генералъ-майоръ Шеншинъ саблею въ голову съ поврежденіемъ черепа.

[3]) Всѣ эти свѣдѣнія заимствуемъ изъ напечатанной въ журналѣ *Былое* за мартъ 1907 г. статьи „О числѣ жертвъ 14-го декабря 1825 года".

Однако и они были не послѣдними. Участниковъ возстанія еще ожидало возмездіе впереди и оно-то докончило кровавое дѣло 14-го декабря; оно уничтожило цѣлое поколѣніе лучшихъ людей, лучшихъ не только по своимъ нравственнымъ качествамъ, но и по уму, дарованію и просвѣщенію. Это была послѣдняя гекатомба, принесенная деспотизму—побѣдителю, если, конечно, не считать всей Россіи, на тридцать лѣтъ отнынѣ закованной его цѣпями.

XIV.

Первые аресты и первые допросы.

Уже съ вечера 14-го декабря начались аресты главныхъ руководителей возстанія; ихъ привозили прямо во дворецъ и тутъ подвергали первому допросу г.-адъютантовъ Толя и Левашова и даже самого Николая. Это продолжалось всю ночь.

Въ числѣ арестованныхъ были первыми Рылѣевъ, Горскій, Кожевниковъ, Корниловичъ, Вишневскій, Бодиско, Арбузовъ, Трубецкій, Сомовъ, Якубовичъ и другіе.

Первой заботой государя было приготовить помѣщеніе для заключенныхъ; Петропавловская крѣпость оказалась наиболѣе подходящимъ мѣстомъ. Въ 11 часовъ Николай собственноручно писалъ ея коменданту А. Я. Сукину: «Александръ Яковлевичъ, я разрѣшаю вамъ въ случаѣ нужды оставить у себя 2 роты Измайловскаго полка и б. Семеновскій, который въ конвое у арестантовъ но безъ нужды отнюдь недовѣрчивости л.-Гренадерскому караулу не оказывать. Прошу мнѣ прислать донесеніе когда все вами исполнено будетъ. 14 декабря 1825-го, въ 3/4 10-го часа“ [1]).

Къ 12 часамъ ночи помѣщеніе очевидно было готово и въ крѣпость первымъ былъ посланъ Рылѣевъ. „Посылаемаго Рылѣева, писалъ Николай ровно въ 12 часовъ, посадить въ Алексѣевскій равелинъ, но не связывая рукъ; безъ всякаго сообщенія съ другими, дать ему и бумагу для письма и что

---

[1]) Всѣ записки Николая къ Сукину приводимъ съ орѳографіей подлинниковъ. См. *Былое*—май, 1906 годъ.

будетъ писать ко мнѣ собственноручно мнѣ приносить ежедневно".

За Рылѣевымъ потянулся цѣлый рядъ арестованныхъ; до 12 часовъ дня 15-го декабря, т.-е. за 12 часовъ времени, Николаемъ было отправлено 17 арестованныхъ и столько же сопроводительныхъ записокъ Сукину; всѣ онѣ содержали приказаніе какъ и куда заключить арестованнаго, но среди нихъ обращаютъ на себя вниманіе записки, отправленныя при Оболенскомъ и Трубецкомъ. Императоръ писалъ: „Оболенскаго посадить въ Алексѣевскій равелинъ подъ строжайшій арестъ, безъ всякаго сообщенія — не мѣшаетъ усилить наблюденіе, чтобъ громкихъ разговоровъ не было между арестантовъ буде по мѣсту сіе возможно" и „Трубецкого при семъ присылаемаго посадить въ Алексѣевскій равелинъ. За нимъ всѣхъ строже смотрѣть особенно не позволять никуда выходить и ни съ кѣмъ не видѣться".

Въ эту ночь и въ послѣдующее время Николай Павловичъ выказалъ, по словамъ одного историка, что онъ обладаетъ недюжинными способностями тюремщика. Онъ былъ для декабристовъ не только первымъ слѣдователемъ, но предусмотрительнымъ тюремщикомъ-виртуозомъ. Каждая его записка, съ которой отсылались декабристы, не ограничивалась только указаніемъ необходимости содержать такого-то въ крѣпости; но, какъ видно по приведеннымъ нами, онѣ опредѣляли и характеръ содержанія. Пять формъ крѣпостного заключенія можно намѣтить по этимъ запискамъ. Весьма немногія присылались съ лаконическимъ указаніемъ „содержать въ крѣпости". Нѣкоторыхъ предписывалъ Николай Первый „содержать хорошо". Степень выше—„содержать строго, но хорошо"; еще выше—„содержать подъ строгимъ арестомъ"; дальше—„строжайшее наблюдать", и, наконецъ, высшая степень—„содержать наистрожайше". Вѣрный Сукинъ понималъ, конечно, оттѣнки этихъ выраженій и дѣйствовалъ сообразно съ Высочайшими приказаніями" [1]).

„Нечего и говорить, что императоръ Николай I назначалъ содержаніе „строгое строжайшее или наистрожайшее", руко-

---

[1]) Былое, май 1906 г., 195 г. стр.

водясь, во-первыхъ, собственнымъ своимъ убѣжденіемъ о степени виновности, а во-вторыхъ, соображеніемъ, какая форма заключенія заставитъ заключеннаго скорѣе дать признанія. Такимъ образомъ заключеніе вовсе не носило характера „предварительнаго" до приговора, а являлось или уже наказаніемъ или длительнымъ процессомъ пытки. Вотъ двѣ записки, подтверждающія наше заключеніе. Первая—„присылаемаго Крюкова посадить, гдѣ лучше и содержать строго, но хорошо; ибо полагать должно невиноватъ". Вторая—„присылаемаго Якушкина заковать въ ручныя и ножныя желѣза, поступать съ нимъ строго и не иначе содержать, какъ злодѣя" [1]).

Но вернемся къ событіямъ, происходившимъ во дворцѣ въ ночь на 15-ое декабря и связаннымъ съ арестами возставшихъ.

Разсѣянные картечью, они естественно старались гдѣ-нибудь укрыться отъ преслѣдовавшей конницы и ареста. Здѣсь произошло, какъ потомъ выяснилось, много весьма любопытныхъ и характерныхъ случаевъ. Приведемъ ихъ, какъ передаетъ намъ князь Трубецкой.

[1]) Но всѣ, тѣ или иныя, формы заключенія казались Николаю Павловичу еще недостаточными для вынужденія показаній или для вящшаго устрашенія и наказанія. Изъ слѣдственныхъ дѣлъ П. Е. Щеголевъ извлекъ слѣдующія данныя о закованіи. Закованія совершались исключительно по высочайшему повелѣванію. 18 декабря былъ закованъ въ ручныя желѣза Александръ Бестужевъ, 8 января былъ закованъ деньщикъ Пестеля Савенко.

10 января «государь императоръ вслѣдствіе положенія тайнаго комитета высочайше повелѣть соизволилъ заковать въ ручныя желѣза содержащагося въ крѣпости л.-гв. Финляндскаго полка поручика Цебрикова, за упорство въ признаніи и за употребленіе дерзости въ выраженіяхъ при допросѣ комитета». Цебриковъ былъ раскованъ только 30 апрѣля. 11 января былъ закованъ въ ручныя желѣза Якубовичъ. 14 января былъ закованъ въ ручные и ножные кандалы Якушкинъ; только 14 апрѣля были сняты съ него ножные, и 18 апрѣля—ручные кандалы.

16 января былъ закованъ Пушкинъ 1-й. Затѣмъ, Пушкинъ 1-й, закованный за упорное запирательство въ ручныхъ желѣзахъ, оказалъ въ показаніяхъ своихъ откровенность и былъ раскованъ 10 апрѣля.

17 января былъ закованъ Артамонъ Муравьевъ и раскованъ только 30 апрѣля; Арбузовъ былъ закованъ 21 января и раскованъ 30 апрѣля.

„Многіе вѣрноподанные, пишетъ онъ, сами поспѣшили привозить къ императору ближайшихъ своихъ родственниковъ, не дожидаясь, чтобъ приказано было ихъ взять. Такъ, Д. С. Ланской не дозволилъ родному племяннику жены своей, князю Одоевскому, никакой попытки къ ожиданію его участи, и, не давъ ему ни отдохнуть, не перекусить, повезъ во дворецъ. Супруга Ланскаго наслѣдовала 2.000 душъ отъ князя Одоевскаго по произнесеніи надъ нимъ приговора. Были однако-жъ, лица, оказавшія состраданіе и человѣколюбіе; капитанъ-лейтенантъ Николай Бестужевъ. укрываясь отъ преслѣдованія, вошелъ въ незнакомый ему домъ, и, пройдя рядъ пустыхъ комнатъ, очутился въ кабинетѣ одного знатнаго пожилого человѣка. Удивленный неожиданнымъ явленіемъ N. спросилъ Бестужева: чего онъ хочетъ? и, узнавъ отъ него, что онъ скрывается и голоденъ, заперъ его въ кабинетѣ, самъ принесъ ему закусить, предложилъ денегъ и сказалъ, что скрыть его у себя не можетъ, потому что имѣетъ сына въ гвардіи, который непремѣнно его выдастъ, но проводитъ его самъ изъ дому скрытно. Во время разговора услышали въ ближней комнатѣ голосъ сына, воротившагося съ нѣсколькими другими офицерами и рѣзко изъявлявшаго свое мнѣніе противъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ сей день; старикъ, не медля,

---

1 Февраля былъ раскованъ кн. Оболенскій. Подпоручикъ Норовъ былъ закованъ 31 января и освобожденъ отъ оковъ 6 февраля. Бестужевъ-Рюминъ, закованный 11 февраля, раскованъ 30 апрѣля; Борисовъ (подп. 8 арт. бриг.) носилъ ручныя желѣза съ 15 февраля до 30 апрѣля. Разжалованный въ рядовые Башмаковъ, доставленный 15 февраля въ крѣпость въ кандалахъ, носилъ ихъ до 14 мая.

27 марта генералъ Сукинъ доносилъ военному министру о слѣдующемъ распоряженіи: «титулярный совѣтникъ Семеновъ, за упорное запирательство при допросахъ, въ то время, какъ многіе его уличали, былъ закованъ въ ручныя желѣза и имѣетъ быть содержимъ на хлѣбѣ и водѣ». И лишь послѣ того, какъ Семеновъ оказалъ въ показаніяхъ откровенность, государь «соизволилъ давать ему, Семенову, ту пищу, которая ему производилась раньше». Въ уваженіе къ оказанной имъ откровенности въ показаніяхъ онъ былъ раскованъ 12 апрѣля.

Къ 30 апрѣля оставались закованными и въ этотъ день были раскованы, кромѣ перечисленныхъ выше лицъ, Щепинъ-Ростовскій, Бестужевъ Михаилъ, крѣпостной человѣкъ Кюхельбекера Семенъ Былашовъ и Андреевичъ 2-й, закованный въ ручныя желѣза 18 февраля.

вывелъ Бестужева, который успѣлъ уѣхать въ Кронштадтъ.

„Многіе бѣжавшіе съ площади нижніе чины и офицеры скрывались въ домѣ тещи моей, и онъ былъ окруженъ съ обѣихъ сторонъ. Сестра тещи моей, княгиня Бѣлосельская предложила имъ ночлегъ въ своемъ домѣ, а сестра жены моей и мнѣ. Это послѣ причтено мнѣ было въ намѣреніе укрыться въ домѣ иностраннаго посланника“ [1]).

Дѣйствительно князя Трубецкого потребовали къ императору черезъ министра иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде въ ночь на 15-ое декабря и его считали самымъ главнымъ заговорщикомъ. Поэтому намъ интересно познакомиться съ допросомъ Трубецкого самимъ императоромъ уже утромъ 15-го декабря, тѣмъ болѣе, что допросъ этотъ очень характеренъ и для многихъ другихъ.

Эти допросы носили ту же постепенность и то же различіе, которое мы видѣли только что въ приказахъ о заключеніи; кромѣ того они обнаружили черты той же виртуозности въ новомъ императорѣ. «Личные допросы,—пишетъ баронъ Розенъ,—были не для всѣхъ одинаковы и не для всѣхъ ласковы».

Напротивъ, на многихъ гнѣвъ его выражался ругательствомъ. Напримѣръ, князь Оболенскій былъ приведенъ съ связанными руками; императоръ обругалъ его, и, обратившись къ стоящимъ генераламъ, сказалъ: «вы не можете вообразить, что я терпѣлъ отъ него!» Князь Оболенскій былъ старшимъ адъютантомъ въ дежурствѣ гвардейской пѣхоты, а Николай Павловичъ, какъ великій князь, командовалъ одной изъ дивизій гвардейской пѣхоты.

Съ другимъ же Николай Павловичъ обходился чрезвычайно ласково. Такъ было, напримѣръ, съ Николаемъ Бестужевымъ, котораго Николай Павловичъ принялъ ласково и даже былъ тронутъ разговоромъ съ нимъ.

Но для бальшого ознакомленія съ процессомъ и характеромъ допросовъ во дворцѣ, приведемъ дословно разсказъ кн. Трубецкого о его арестѣ и разговорѣ съ императоромъ.

«Ночью съ 14-го на 15-ое число, пишетъ князь, г. Лан-

[1]) Записки кн. С. П. Трубецкаго. Спб. 1906, 39—40 стр.

ской приходитъ меня будить и говоритъ, что императоръ меня требуетъ. Я, одѣвшись, вошелъ къ нему въ кабинетъ и нашелъ у него графа Носсельроде въ полномъ мундирѣ, шурина его, графа Александра Гурьева, который пришелъ изъ любопытства и съ которымъ мы размѣнялись пожатіемъ руки, и флигель-адъютанта князя Андрея Михайловича Голицына, который объявилъ мнѣ, что императоръ меня требуетъ. Я сѣлъ съ нимъ въ сани, и когда пріѣхали во дворецъ, онъ въ прохожей сказалъ мнѣ, что императоръ приказалъ ему потребовать у меня шпагу: я отдалъ, и онъ повелъ меня въ генералъ-адъютантскую комнату, а самъ пошелъ доложить. У каждой двери стояло по трое часовыхъ: вездѣ около дворца и по улицамъ, къ нему ведущимъ, стояло войско и были разведены большіе огни. Меня позвали. Императоръ пришелъ ко мнѣ на встрѣчу въ полной формѣ и лентѣ, и, подвнявъ указательный палецъ правой руки прямо противъ моего лба, сказалъ: «что было въ этой головѣ, когда вы съ вашимъ именемъ, съ вашей фамиліею, вошли въ такое дѣло? Гвардіи полковникъ! князь Трубецкой! какъ вамъ не стыдно быть вмѣстѣ съ такою дрянью? Ваша участь будетъ ужасная!» и, обратившись къ генералу Толю, который одинъ былъ въ комнатѣ, сказалъ: „прочтите!» Толь выбралъ изъ бумагъ, лежащихъ на столѣ, одинъ листъ и прочелъ въ немъ показаніе, что бывшее происшествіе есть дѣло общества, которое, кромѣ членовъ въ Петербургѣ, имѣетъ еще большую отрасль въ 4-мъ корпусѣ и что дежурный штабъ-офицеръ этого корпуса, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка полковникъ князь Трубецкой, находящійся теперь въ Петербургѣ, можетъ дать полное свѣдѣніе о помянутомъ обществѣ. Когда онъ прочелъ, императоръ спросилъ: „это Пущина?—“ *Толь*: «Пущина». *Я*: Г. Пущинъ ошибается... *Толь*: А! вы думаете это Пущинъ. А гдѣ Пущинъ живетъ?

Я видѣлъ, что почеркъ не Пущина, но думалъ, что, повторивъ имя его, можетъ быть, назовутъ мнѣ показателя.

На вопросъ Толя я отвѣчалъ: „не знаю“.

Толь. У отца ли онъ теперь?

Я. Не знаю.

Толь. Я всегда говорилъ покойному государю, ваше ве-

личество, что 4-й корпусъ гнѣздо тайнаго общества, и почти всѣ полковые командиры къ нему принадлежатъ; но государю не угодно было вѣрить.

Я. Ваше превосходительство, имѣете очень невѣрныя свѣдѣнія.

Толь. Ужъ вы не говорите, я это знаю!

Я. Послѣдствія докажутъ, что ваше превосходительство ошибаетесь. Въ 4-мъ корпусѣ нѣтъ никакого тайнаго общества; я за это отвѣчаю.

Императоръ прервалъ нашъ споръ: подавъ мнѣ листъ бумаги и сказавъ: «пишите показаніе» и показалъ мнѣ мѣсто на диванѣ, на которомъ сидѣлъ и съ котораго теперь всталъ. Прежде, нежели я сѣлъ, императоръ началъ опять разговоръ: „Какая фамилія! Князь Трубецкой! Гвардіи полковникъ! и въ какомъ дѣлѣ! Какая милая жена! Вы погубили жену. Есть у васъ дѣти?“

Я. Нѣтъ...

Императоръ. „Вы счастливы, что у васъ нѣтъ дѣтей. Ваша участь будетъ ужасная, ужасная!“—И, продолжавъ нѣкоторое время въ этомъ тонѣ, заключилъ: «пишите все, что знаете», и ушелъ въ другой кабинетъ.

Я остался одинъ, видѣлъ себя въ положеніи очень трудномъ. Не хотѣлъ скрывать принадлежности своей къ Тайному Обществу, что и не привело бы ни къ чему доброму, потому что ясно было изъ прочтеннаго мнѣ и многихъ исписанныхъ разными почерками листовъ, что болѣе извѣстно, неужели бы я желалъ. Но между тѣмъ я не хотѣлъ имѣть возможность упрекать себя, что я кого бы то ни било назвалъ. И потому я въ своемъ отвѣтѣ написалъ, что принадлежу къ Тайному Обществу, которое имѣло цѣлію улучшеніе правительства; что обстоятельства, послѣдовавшія за смертію покойнаго императора, казались Обществу благопріятными къ исполненію намѣреній его, и что оно, предпринявъ дѣйствіе, избрало меня директоромъ; но что я, наконецъ, увидя, что болѣе нужно мое имя, нежели лицо и распоряженіе, совершенно удалился отъ участія. Этой уверткой я надѣялся отсрочить дальнѣйшіе вопросы, къ которымъ не былъ приготовленъ.

Пока я писалъ, вошелъ Михаилъ Павловичъ и подошелъ ко мнѣ; постоялъ противъ меня и отошелъ. Между тѣмъ приводились другія лица, которыхъ разспрашивалъ Толь и которыхъ потомъ выводили. Входилъ императоръ для допросовъ и уходилъ обратно. Когда я кончилъ писать, подалъ листъ вошедшему Толю. Онъ унесъ его къ императору. Нѣсколько погодя, Толь позвалъ меня въ другой кабинетъ. Я едва переступилъ за дверь, императоръ навстрѣчу въ сильномъ гнѣвѣ: „экъ! что на себя нагородили, а того, что надобно, не сказали". И скорыми шагами отойдя къ столу, взялъ на немъ четвертку листка, поспѣшно подошелъ ко мнѣ и показавъ: „это что? это ваша рука?"

Я. Моя.

Императоръ (крича). Вы знаете, что я могу васъ сейчасъ разстрѣлять!

Я (сложивъ руки и также громко). Разстрѣляйте, государь! Вы имѣете право.

Императоръ (также громко). Не хочу! Я хочу, чтобъ судьба ваша была ужасная.

Выпихнувъ меня своимъ подходомъ въ передній кабинетъ, повторялъ то же нѣсколько разъ, понижая голосъ; отдалъ Толю бумаги и велѣлъ приложить къ дѣлу, а мнѣ опять началъ говорить о моемъ родѣ, о достоинствахъ моей жены, объ ужасной судьбѣ, которая меня ожидаетъ—и уже все это жалобнымъ голосомъ. Наконецъ, подведя меня къ тому столу, на которомъ я писалъ, и подавъ мнѣ лоскутокъ бумаги, сказалъ: „Пишите къ вашей жены". Я сѣлъ, онъ стоялъ. Я началъ писать: „Другъ мой, будь спокойна и молись Богу"... Императоръ прервалъ: „что тутъ много писать! напишите только: *я буду живъ и здоровъ*". Я написалъ: „Государь стоитъ возлѣ меня и велитъ написать, что я живъ и здоровъ". Я подалъ ему; онъ прочелъ и сказалъ: „я живъ и здоровъ буду, припишите *буду* вверху". Я исполнилъ; онъ взялъ и велѣлъ мнѣ итти за Толемъ. Толь, выведя меня, передалъ тому же князю Голицыну, который меня привезъ и который теперь, взявъ конвой кавалергардовъ, отвезъ меня въ Петропавловскую крѣпость и передалъ коменданту Сукину. Шубу мою

во дворцѣ украли и мнѣ саперный полковникъ далъ свою шинель на ватѣ доѣхать до крѣпости.

Здѣсь я нѣсколько часовъ дожидался сначала въ залѣ, потомъ въ домовой церкви -до тѣхъ поръ, какъ отвели меня въ № 7 Алексѣевскаго равелина. Въ церкви я горячо помолился, особенно при мысли, что, можетъ быть, я болѣе никогда уже не буду въ храмѣ Божіемъ".

Происходившее ночью на 15-ое декабря во дворцѣ мы подробно узнаемъ изъ собственноручнаго письма императора Николая къ брату Константину, въ немъ же мы увидимъ впечатлѣніе, произведенное событіями 14-го декабря на императора.

Онъ писалъ.

„Дорогой, дорогой Константинъ! Ваша воля исполнена; я—императоръ, но какою цѣною, Боже мой! цѣною крови моихъ подданныхъ! (Cher, cher Constantin! Vorte volonté est faite, je suis empereur, mais á quel prix grand Dieu, au prix bu sang de mes sujets!),—писалъ Николай Павловичъ.—Милорадовичъ смертельно раненъ, Шеншинъ, Фредериксъ, Стюрлеръ всѣ тяжело ранены! Но на ряду съ этимъ ужаснымъ зрѣлищемъ сколько сценъ утѣшительныхъ для меня, для насъ! Всѣ войска, за исключеніемъ нѣсколькихъ заблудшихся изъ Московскаго полка и лейбъ-Гренадерскаго, исполнили свой долгъ, какъ подданые и вѣрные солдаты, всѣ безъ исключенія. Я надѣюсь, что этотъ ужасный примѣръ послужитъ къ обнаруженію страшнѣйшаго изъ заговоровъ, о которомъ я только третьяго дня былъ извѣщенъ Дибичемъ; императоръ передъ своей кончиной уже отдалъ столь строгія приказанія, чтобы покончить съ этимъ, что можно вполнѣ надѣяться, что въ настоящую минуту повсюду приняты мѣры въ этомъ направленіи, такъ какъ Чернышевъ былъ посланъ устроить это дѣло совмѣстно съ графомъ Витгенштейномъ; я нисколько не сомнѣваюсь, что въ первой арміи генералъ Сакенъ, увѣдомленный Дибичемъ, поступилъ точно такъ же. Я пришлю вамъ разслѣдованіе или докладъ о заговорѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ я его получилъ, и предполагаю, что вскорѣ мы будемъ въ состояніи сдѣлать то же самое здѣсь. Въ настоящее время въ нашемъ распоряженіи находятся

трое изъ главныхъ вожаковъ, и имъ производятъ допросъ у меня.

„Главою этого движенія былъ адъютантъ моего дяди, Бестужевъ; онъ пока еще не находится въ нашихъ рукахъ. Въ настоящую минуту ко мнѣ приводятъ еще четырехъ изъ этихъ господъ.

„Попозже.

„Милорадовичъ въ самомъ отчаянномъ положеніи, Стюрлеръ тоже! Все болѣе и болѣе обнаруживаются чувствительныя потери. Веліо, конной гвардіи, потерялъ руку. У насъ имѣется доказательство. что все велось нѣкіимъ Рылѣевымъ, статскимъ, у котораго происходили тайныя собранія, что много ему подобныхъ состоятъ членами этой шайки; но я надѣюсь, что намъ удастся во время захватить ихъ.

„Въ 11½ вечера.

„Мнѣ только что доложили, что къ этой шайкѣ принадлежитъ нѣкій Горскій, вице-губернаторъ, уволенный съ Кавказа; мы надѣемся разыскать его. Въ это мгновеніе ко мнѣ привели Рылѣева. Это—поимка изъ наиболѣе важныхъ. Я узнаю сію минуту, что Шеншинъ, быть можетъ, будетъ спасенъ. Судите о моей радости! Я осмѣлился, дорогой Константинъ, временно назначить Кутузова военнымъ генералъ-губернаторомъ; соблаговолите не отказать мнѣ въ немъ, такъ какъ это единственный человѣкъ, на котораго я могу положиться въ настоящій критическій моментъ, когда каждый долженъ находиться на своемъ посту.

„Въ 12½ пополуночи.

„Горскинъ въ нашихъ рукахъ и сейчасъ будетъ подвергнуть допросу; равнымъ образомъ я располагаю бумагами Бестужева.

„Въ четыре часа.

„Бѣдный Милорадовичъ скончался! Его послѣдними словами были распоряженія объ отсылкѣ мнѣ шпаги, которую онъ получилъ отъ васъ, и объ отпускѣ на волю его крестьянъ. Я буду оплакивать его во всю свою жизнь; у меня находится пуля; выстрѣлъ былъ сдѣланъ почти въ упоръ статскимъ, стоявшимъ сзади.

„Все спокойно, и аресты продолжаются своимъ поряд-

комъ; захваченныя бумаги дадутъ намъ любопытныя свѣдѣнія. Большинство возмутившихся солдатъ уже возвратилось въ казармы добровольно, за исключенiемъ около 500 человѣкъ изъ Московскаго и Гренадерскаго полковъ, схваченныхъ на мѣстѣ, и которыхъ я приказалъ посадить въ крѣпость; прочiе, въ числѣ 38 человѣкъ гвардейскаго экипажа, тоже тамъ, равно какъ и масса всякой сволочи (menue canaille), почти поголовно пьяной. Часть полковъ Гренадерскаго и Московскаго находились въ караулѣ, и среди нихъ полнѣйшiй порядокъ; тѣ, которые не послѣдовали за сволочью, явились съ Михаиломъ въ отличнѣйшемъ порядкѣ и не оставляли меня, настойчиво требуя броситься въ атаку, что, къ счастiю, не оказалось необходимымъ. Двѣ роты Московскаго полка смѣнились съ караула и, по собственному почину, подъ командою своихъ офицеровъ, явились присоединиться къ своему баталiону, находившемуся возлѣ меня. Моряки вышли, не зная, ни почему, ни куда ихъ ведутъ; они снова приведены въ казарму и тотчасъ же пожелали принести присягу; лишь одни младшiе офицеры послужили причиною ихъ заблужденiе, и почти всѣ вернулись съ батальономъ просить прощенiя, съ искренними, повидимому, сожалѣнiями. Я разыскиваю троихъ, о которыхъ нѣтъ извѣстiй.

..Только что захватили у князя Трубецкаго, женатаго на дочери Лаваля, бумагу, содержащую предположенiя объ учрежденiи временнаго правительства съ любопытными подробностями.

„15-го декабря.

„Да будетъ тысячу разъ Благословенъ Господь Богъ, порядокъ возстановленъ, мятежники захвачены или вернулись къ исполненiю своего долга, я лично произвелъ смотръ и приказалъ вновь освятить знамя гвардейскаго экипажа. Я надѣюсь, что вскорѣ представится возможность сообщить вамъ подробности этой позорной исторiи (infame histoire); мы располагаемъ всѣми ихъ бумагами, а трое изъ главныхъ предводителей находятся въ нашихъ рукахъ, между прочимъ, Оболенскiй, оказавшiйся тѣмъ, который стрѣлялъ въ Стюрлера. Показанiя Рылѣева, здѣшняго писателя, и Трубец-

кого раскрываютъ всѣ ихъ планы, имѣющія широкія развѣтвленія внутри имперіи; всего любопытнѣе то, что перемѣна государя послужила лишь предлогомъ для этого взрыва, подготовленнаго съ давнихъ поръ, съ цѣлью умертвить насъ всѣхъ, чтобы установить республиканское конституціонное правленіе; у меня имѣется даже сдѣланный Трубецкимъ черновой набросокъ конституціи, предъявленіе котораго его ошеломило и побудило его признаться во всемъ. Сверхъ сего, весьма вѣроятно, что мы откроемъ еще нѣсколько каналій фрачниковъ (quelques canailles en frac), которые представляются мнѣ истинными виновниками убійства Милорадовича. Только что нѣкій Бестужевъ, адъютантъ моего дяди, явился ко мнѣ лично, признавая себя виновнымъ во всемъ.

„Все спокойно.

„Будучи обремененъ занятіями, я едва имѣю возможность отвѣчать вамъ нѣсколькими словами на ваше ангельское письмо, дорогой, дорогой Константинъ. Вѣрьте мнѣ, что слѣдовать вашей волѣ и примѣру нашего ангела—вотъ то, что я буду имѣть постоянно въ виду и въ сердцѣ; дай Богъ, чтобы мнѣ удалось нести это бремя, принятое при столь ужасныхъ обстоятельствахъ, съ покорностью волѣ Божіей и вѣрою въ его милосердіе.

„Я посылаю вамъ копію рапорта объ ужасномъ заговорѣ, открытомъ въ арміи, и который я считаю необходимымъ сообщить вамъ въ виду открытыхъ подробностей и ужасныхъ намѣреній; судя по допросамъ здѣшней шайки, продолжающимся въ самомъ дворцѣ, нѣтъ сомнѣній, что все составляетъ одно цѣлое, а что также достовѣрно, на основаніи словъ наиболѣе смѣлыхъ, это то, что рѣчь шла о покушеніи на жизнь покойнаго императора, чему помѣшала его преждевременная кончина. Страшно сказать, но необходимъ внушительный примѣръ, и такъ какъ въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ убійцахъ, то ихъ участь не можетъ быть достаточно сурова.

„Я поручаю Чичерину доставить вамъ эти строки, потому что онъ будетъ въ состояніи поставить васъ въ извѣстность обо всемъ, что вы пожелаете узнать о происходящемъ здѣсь, и мнѣ пріятно думать, что вы не будете недовольны по-

видать его. Я позволилъ себѣ, дорогой Константинъ, назначить его своимъ генералъ-адъютантомъ, такъ какъ я не могъ бы сдѣлать болѣе подходящаго выбора для подобнаго назначенія.

„Я представляю вамъ, дорогой Константинъ, копію приказа по арміямъ; быть можетъ, вы позволите сдѣлать то же самое по отношенію къ войскамъ, состоящимъ, подъ вашимъ начальствомъ, такъ какъ мнѣ кажется, что все то, что будетъ напоминать имъ объ ихъ благодѣтелѣ, должно быть дорого имъ.

„Въ 12½ часовъ пополуночи.

„Чичеринъ не можетъ еще отправиться къ вамъ, дорогой Константинъ, такъ какъ ему нужно быть на своемъ посту. Все идетъ хорошо, и я надѣюсь, что все кончено, за исключеніемъ разслѣдованія дѣла, которое потребуетъ еще времени.

„Повергните меня къ стопамъ моей невѣстки за ея любезную память обо мнѣ; прощайте дорогой Константинъ, сохраните мнѣ ваше расположеніе и вѣрьте неизмѣнной дружбѣ вашего вѣрнаго брата и друга Николая".

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ получилъ письмо своего державнаго брата 20-го декабря 1825 года (1-го января 1826 года) и въ тотъ же день отвѣчалъ императору.

„Единственное, что я могу сдѣлать,—писалъ цесаревичъ,— это отъ глубины души поблагодарить васъ, что вы подумали обо мнѣ среди обстоятельствъ, въ которыхъ находились. На колѣняхъ и съ горячими слезами признательности я благодарилъ Бога, что онъ предохранилъ васъ отъ какого-либо личнаго несчастья. Великій Боже, что за событіе! Эта сволочь (cette canaille) была недовольна, что имѣетъ государемъ ангела, и составляла заговоръ противъ него! Что же имъ нужно? Это чудовищно, ужасно, покрываетъ позоромъ всѣхъ хотя бы совершенно невинныхъ, даже не думавшихъ о возможности чего-либо подобнаго. Ваше поведеніе, дорогой братъ, безподобно, но ради Бога обдумывайте его, и пусть ваше милосердіе не увлечетъ васъ слишкомъ далеко... Какое счастіе среди этого горя, что я не былъ въ Петербургѣ во время этого злополучнаго событія, въ этотъ критическій моментъ,

когда эта сволочь волновалась яко бы во имя меня! Богъ знаетъ, какое зло могло бы произойти, и даже теперь я буду сильно опасаться, какъ бы одно мое присутствіе не могло вызвать подобныхъ сценъ. Повидимому, во всемъ этомъ дѣлѣ мое имя является какъ бы средоточіемъ всего. Богъ, читающій въ глубинѣ моего сердца, видитъ тамъ чистоту моихъ намѣреній, и, конечно, я свободенъ отъ малѣйшаго упрека въ соучастіи съ этой сволочью. Я буду бояться пріѣхать къ вамъ до тѣхъ поръ, пока съ теченіемъ времени все не утихнетъ и не успокоится нѣсколько, чтобы снова не воспользовались мною, какъ предлогомъ, чтобы сдѣлать что-либо подобное; впрочемъ, какъ мнѣ кажется, мое присутствіе необходимо здѣсь для того, чтобы, когда все узнается здѣсь, не произошло чего-либо неумѣстнаго... Я искренно сожалѣю и достойнаго графа Милорадовича, жертву своего рвенія и своей преданности, и всѣхъ прочихъ; что можно подѣлать противъ воли Божіей! Если это несчастное петербургское событіе, хотя оно и очень велико, можетъ водворить порядокъ въ остальной части имперіи,—это жертва, которая принесетъ извѣстную пользу; въ противномъ случаѣ сволочь увидитъ, что еще имѣются честные люди, умѣющіе быть преданными, и что не все пройдетъ ей даромъ».

Такъ тревожно и сумрачно прошла ночь на 15-ое декабря. Въ эту ночь возродился деспотизмъ во всей своей силѣ и подъ его игомъ Россія еще долго должна было тяготиться. Было общимъ мнѣніемъ, что этому было виной событіе на Сенатской площади. Но это едва ли такъ. Поворотъ направо былъ сдѣланъ еще послѣ отечественной войны, когда русскій народъ проявилъ столько патріотизма, столько доблести и показалъ, что былъ вполнѣ достоинъ и любви и довѣрія. Однако, вмѣсто этого, онъ получилъ одно подозрѣніе и это было при Александрѣ I. Откуда же можно было ожидать другой политики, другого пониманія власти?—Рѣшительно не откуда. И если говорили о возможности ихъ, то это дѣлалось лишь для оправданія дѣйствительности, приведшей насъ къ Крымскому позору.

Декабристы хорошо понимали, какая наступитъ дѣйствительность, какова будетъ политика, и потому спѣшили на-

перерывъ предупредить Николая I и предсказать всю погибель такой политики; они при допросахъ не боялись разсказать ему правду и заклинали его не губить Россіи.

Говорятъ, подъ вліяніемъ этихъ откровенныхъ признаній императоръ обратился къ Михаилу Павловичу и сказалъ: „Революція на порогѣ Россіи, но, клянусь, она не проникнетъ въ нее, пока во мнѣ сохранится дыханіе жизни, пока, Божіею милостію, я буду императоромъ".

Таково впечатлѣніе Николая отъ дознаній, писемъ, адресованныхъ ему изъ крѣпости декабристами, ихъ просьбъ. Но въ нихъ ничего не было революціоннаго; нужно было быть такъ напуганнымъ, какъ Николай 14-го декабря, чтобы въ проектахъ преобразованій, составленныхъ декабристами, видѣть революцію. Тамъ были лишь просьбы, требованія закона.

Если въ этомъ видѣли революцію, то, спрашиваемъ, откуда было ждать другого направленія?

Николай I самъ чувствовалъ невозможность вернуться ко днямъ „Александрова прекраснаго начала" и искалъ оправданій своимъ поступкамъ въ божественномъ оправданіи.

„Никто не ощущаетъ большей потребности,—писалъ онъ, —чѣмъ я, быть судимымъ съ снисходительностью. Но пусть же тѣ, которые судятъ меня, примутъ во вниманіе, какимъ необычайнымъ образомъ я вознесся съ поста недавно назначеннаго начальника дивизіи на постъ, который занимаю въ настоящее время, кому я наслѣдовалъ и при какихъ обстоятельствахъ, и тогда придется сознаться, что если бы не явное покровительство Божественнаго Провидѣнія и того, на кого еще при жизни я смотрѣлъ, какъ на своего благодѣтеля, и котораго мнѣ пріятно считать своимъ ангеломъ-хранителемъ,—мнѣ было бы не только невозможно поступать надлежащимъ образомъ, но даже справляться съ тѣмъ, чего требуетъ отъ меня заурядный кругъ моихъ настоящихъ обязанностей; я твердо убѣжденъ въ божественномъ покровительствѣ, которое проявляется на мнѣ слишкомъ ощутительнымъ образомъ для того, чтобы я могъ не замѣчать его во всемъ, случающемся со мною, и *вотъ моя сила, мое утѣшеніе, мое руководящее начало во всемъ*».

Въ оправданіе этого начала, какъ мы сказали, задаютъ всегда вопросъ, что сдѣлалъ бы императоръ Николай, если бы не встрѣтилъ сопротивленія на первомъ же шагу своего царствованія? Мы съ своей стороны не будемъ задавать вопроса, что было бы, если бы императоръ, вмѣсто того, чтобы окружить себя генералъ-адъютантами, выслушалъ требованія возставшихъ и возвелъ бы въ начало правленія Россіи—Законъ, а лишь констатируемъ фактъ, что этого не случилось и что „руководящее начало" имѣло своимъ концомъ для декабристовъ—смертную казнь и Сибирь, для Россіи—Севастополь.

XV.

Причины неудачи.

Мы знаемъ во имя чего было поднято возстаніе; мы знаемъ ходъ подготовительной агитаціи; мы видѣли дѣйствія мятежниковъ и государя; мы знаемъ событія 14-го декабря на Сенатской площади.

Теперь пора дать объясненіе неудачи, постигшей возставшихъ, когда казалось успѣхъ былъ такъ возможенъ.

Объяснить это брались очень многіе какъ изъ сторонниковъ возставшихъ, такъ и ихъ противниковъ. Потому мы должны ихъ выслушать.

„*Богъ спасъ* насъ 14-го декабря отъ великой бѣды,—писалъ Карамзинъ.—Это стоило нашествія французовъ: въ обоихъ случаяхъ вижу блескъ луча какъ бы не земного".—„Провидѣніе омрачило умы людей буйныхъ,—пишетъ въ другомъ мѣстѣ онъ же,—и они въ порывѣ своего безумія рѣшились на предпріятіе, столь же пагубное, сколь и несбыточное: отдать государство власти неизвѣстной, свергнувъ законную. Обманутые солдаты и чернь покорились мятежникамъ, предполагая, что они вооружаются противъ государя незаконнаго, и что новый императоръ есть похититель престола старшаго своего брата Константина. Въ сіе ужасное время общаго смятенія, *когда рѣшительныя дѣйствія могли бы имѣть успѣхъ самый вѣрный, Богъ милосердный погрузилъ дѣйствовавшихъ въ какое-то странное недоумѣніе и неизъяснимую нерѣшительность:* они, сдѣлавъ карре у Сената, нѣсколько ча-

совъ находились въ совершенномъ бездѣйствіи, а правительство между тѣмъ успѣло взять всѣ нужныя противъ нихъ мѣры. Ужасно вообразить, чтобы они могли сдѣлать въ сіе часы роковые, но Богъ защитилъ насъ, и Россію въ сей день...

По мнѣнію принца Евгенія Виртембергскаго, заговоръ не имѣлъ успѣха по слѣдующимъ причинамъ, которыхъ онъ насчитываетъ пять:

1) хотя существовали поводы къ неудовольствію на императора Александра, но, тѣмъ не менѣе, онъ все-таки пользовался вообще любовію;

2) нельзя отрицать, что многое въ русскомъ государственномъ устройствѣ и во внутреннемъ управленіи страною оставляло желать лучшаго, но это обстоятельство не вліяло на привязанность къ императорскому дому;

3) направленіе, данное всему предпріятію, было настолько позорно, безтолково и безсодержательно, что каждый осторожный и разсудительный человѣкъ долженъ былъ отклонить отъ себя участіе въ подобномъ дѣлѣ;

4) заговорщики не имѣли въ своемъ распоряженіи человѣка, который пользовался бы рѣшительнымъ вліяніемъ на войска,

и 5) во главѣ заговорщиковъ не находилось лица, которое, занимая высокое и вліятельное положеніе въ государствѣ, подобно графу Палену въ 1801 году, могло бы руководить предпріятіемъ, содѣйствовать успѣху дѣла выборомъ соотвѣтственныхъ мѣръ и охранять безопасность участниковъ заговора.

„Но, тѣмъ не менѣе, прибавляетъ принцъ, — нельзя не признать, что возможность осуществленія полнаго переворота въ Россіи, благодаря совершенно исключительнымъ обстоятельствамъ, зависѣла отъ одной счастливой случайности. Дѣйствительно, какъ легко пистолетъ Кюхельбекера могъ бы исполнить свое назначеніе, а Булатовъ оказаться менѣе чувствительнымъ; и кто же изъ васъ всѣхъ разобрался бы въ хаосѣ непонятной, совершенно туманной обстановки, кто принялъ бы тотчасъ необходимыя мѣры для обезпеченія уцѣлѣвшихъ членовъ императорской семьи отъ неизвѣстныхъ

убійцъ и загадочной вражьей силы? Мнѣ самому казалось въ началѣ, что ко мнѣ доносятся крики о спасеніи противъ огня, при одновременномъ напорѣ бушующихъ волнъ; такимъ образомъ я самъ недоумѣвалъ, нужно ли тушить или воздвигать плотину, склоняясь почти къ убѣжденію, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло только съ одними ослѣпленными людьми".

Такъ объясняютъ неудачу приверженцы абсолютизма, побѣдителей. По ихъ представленію дѣло обстоитъ очень просто все Богъ; не отними онъ рѣшимость у возставшихъ и не быть бы давно самодержавію въ Россіи.

Но послушаемъ сторону преступную, самихъ декабристовъ. Въ данномъ случаѣ ихъ объясненія для насъ интереснѣе всего.

„Дѣйствія—пишетъ одинъ изъ нихъ или дѣйствователи 14-го декабря обсуждены различнымъ образомъ: одни видѣли въ нихъ мечтателей, другіе—безумцевъ, третьи—бранили, называли ихъ обезьянами Запада, четвертые укоряли ихъ въ непомѣрномъ честолюбіи; иной порицалъ безусловно, другой жалѣлъ; мало кто судилъ безпристрастно, и то почти тайно, соображаясь съ достоинствами отдѣльной личности и выпуская изъ виду главную причину и главную цѣль. Газеты тогда не смѣли печатать правду; съ плеча постановили приговоръ свой,—что всѣ мятежники декабристы были гадко одѣты и всѣ имѣли звѣрскій видъ и отвратительную наружность. Совершившееся дѣло показало, что предпріятіе было явно начато среди бѣлаго дня. На большой площади, въ виду народа, нѣсколько человѣкъ дерзнуло обнаружить неудовольствіе и ожидало общаго участія для лучшей перемѣны. Правда, что первыя роты изъ л.-гв. Московскаго полка были выведены подъ предлогомъ вѣрности данной присягѣ Константину. Правда и то, что когда послышались возгласы въ толпѣ „лучше вмѣсто Константина конституцію!", и когда спросили нѣсколькихъ человѣкъ: „кто это конституція?", то отвѣтили имъ: „это супруга Константина" [1]. Но также правда и то, что гренадерамъ и надежнымъ унтеръ-офицерамъ были

[1] Каховскій отрицаетъ этотъ фактъ. Въ письмѣ къ Левашеву онъ писалъ: «Несправедливо говорили, будто бы при возстаніи 14 декабря кричали: «Да здравствуетъ конституція» и будто народъ спрашивалъ:

объявлены другія причины,—а въ толпѣ постороннихъ хорошо знали эти причины!—Декабристамъ на площади легко было предвидѣть худой конецъ, Рылѣевъ, какъ угорѣлый, бросался во всѣ казармы, ко всѣмъ карауламъ, чтобы набрать больше матеріальной силы, и возвращался на площадь съ пустыми руками; слѣдовательно, они сознательно обрекли себя на жертву, обнаружили мужество, которое борется безъ всякой надежды на успѣхъ; и вышло, какъ мнѣ сказалъ Рылѣевъ: „а все-таки надо, все-таки надо!".

„Однако успѣхъ предназначеннаго предпріятія былъ возможенъ, если сообразимъ всѣ обстоятельства. Двѣ тысячи солдатъ и вдесятеро больше народу были готовы на все по мановенію начальника. Начальникъ былъ избранъ, я жилъ съ нимъ вмѣстѣ подъ одною крышею шесть лѣтъ въ Читинскомъ острогѣ и въ Петровской тюрьмѣ за Байкаломъ. Товарищи знали его давно и много лѣтъ до рокового дня; всѣ согласятся, что онъ былъ всегда мужъ правдивый, честный, весьма образованный, способный, на котораго можно было положиться. Не знаю, отчего онъ не явился въ назначенный часъ въ назначенное мѣсто?! Онъ, я думаю, и самъ этого не зналъ; психологія или физіологія на то отвѣтитъ. Согласенъ, что онъ потерялъ голову, могу назвать его жалкимъ въ этотъ день: но подлости, измѣны въ немъ не допускаю... Въ критическую минуту пришлось его замѣнить: изъ двухъ назначенныхъ ему помощниковъ, одинъ, полковникъ Булатовъ, имѣлъ способность и храбрость, но избралъ себѣ самъ отдѣльный кругъ дѣйствія; другой капитанъ А. И. Якубовичъ съ повязкою на прострѣленномъ челѣ, съ безотвѣтною саблею, лихой рубака на Кавказѣ,—не принялъ начальства, онъ хотѣлъ дѣйствовать независимо. И въ самомъ дѣлѣ,—хотѣлъ ли онъ протянуть или затянуть дѣло,—но онъ игралъ роль двусмысленную: то подстрекалъ возмутителей, то обѣщалъ

—

«Что такое конституція? Не жена ли его высочества цесаревича? Это забавная выдумка. Мы очень знали бы замѣнить конституцію закономъ и имѣли слово, потрясающее сердца равно всѣхъ сословій въ народѣ: Свобода! Но нами ничто не было провозглашаемо, кромѣ имени Константина». См. ст. П. Е. Щеголева о П. Г. Каховскомъ въ журналѣ «Былое», 1906 г., янв., стр. 142.

императору склонить ихъ къ покорности [1]). Предложили начальствовать Н. А. Бестужеву 1-му: онъ, какъ морякъ, отказался. Почти насильно поручили начальство князю Е. П. Оболенскому. Между тѣмъ уходило время; не было единства въ распоряженіяхъ: отчего сила, вмѣсто дѣйствующей, стала только страдательною. Московцы твердо устояли, и отбили пять атакъ л.-гв. коннаго полка. Солдаты не поддавались ни угрозамъ, ни увѣщаніямъ. Они не пошатнулись предъ митрополитомъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ, умолявшимъ ихъ во имя Господа. Эта сила, на морозѣ и въ мундирахъ, стояла неподвижно въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, когда она могла взять орудія, заряженныя противъ нея. Орудія стояли близко подъ прикрытіемъ взвода кавалергардовъ, подъ командою члена тайнаго общества И. А. Анненкова. Нетрудно было приманить къ себѣ л.-гв. измайловскій полкъ, въ которомъ было много посвященныхъ въ тайны общества. Въ ту же ночь бритвою лишилъ себя жизни капитанъ Богдановичъ, упрекнувъ себя въ томъ, что не содѣйствовалъ. Она могла разогнать полицію, или арестовать полицію, и удержать народъ, доказавшій свою горячность вооружиться чѣмъ попало,—хоть полѣномъ. Наконецъ въ этотъ самый день занималъ караулы во дворцѣ, въ адмиралтействѣ, въ сенатѣ, въ присутственныхъ мѣстахъ 2-ой батальонъ л.-гв. Финляндскаго полка, подъ начальствомъ полковника А. Ф. Моллера, стариннаго члена тайнаго общества: въ его рукахъ былъ дворецъ. Относительно Моллера я долженъ сказать, что наканунѣ, 13-го декабря, былъ у него Н. А. Бестужевъ, чтобы склонить его на содѣйствіе съ батальономъ; онъ положительно отказался, и среди переговоровъ

---

[1]) Николай Павловичъ слѣдующимъ образомъ разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ Якубовичемъ въ день 14 декабря: «Я замѣтилъ противъ себя офицера нижегородскаго драгунскаго полка, котораго чернымъ повязанная голова, огромные черные глаза и усы, а также вся наружность имѣли что-то особенно отвратительное; подозвавъ его къ себѣ, узналъ, что онъ Якубовскій (Якубовичъ); но не зная, съ какой цѣлью онъ тутъ былъ, спросилъ его, чего онъ желаетъ. На сіе онъ мнѣ дерзко сказалъ: «я былъ съ ними, но, услышавъ, что они за Константина, бросилъ и явился къ вамъ». Я взялъ его за руку и сказалъ: «Спасибо! вы вашъ долгъ знаете!».

ударилъ по выдвинутому ящику письменнаго стола, ящикъ разбился: „вотъ слово мое, сказалъ онъ, если дамъ его, то, во что бы ни стало, сдержу его; но въ этомъ дѣлѣ —не вижу успѣха, и не хочу быть четвертованнымъ".

„На Адмиралтейскомъ бульварѣ, въ двадцати шагахъ отъ императора, стоялъ полковникъ Булатовъ, командиръ армейскаго егерскаго полка въ дивизіи Н. М. Сипягина, недавно прибывшій въ Петербургъ въ отпускъ. Онъ имѣлъ два пистолета, заряженныхъ за пазухой, съ твердымъ намѣреніемъ лишить его жизни: но рука невидимая удерживала его руку. Въ Булатовѣ всегда было храбрости и смѣлости довольно. Лейбъ-гренадерамъ хорошо извѣстно, какъ онъ въ отечественную войну съ своею ротою бралъ непріятельскія батареи, какъ онъ восторженно штурмовалъ ихъ, какъ онъ, подъ градомъ непріятельской картечи, во многихъ шагахъ впереди роты, увлекалъ людей куда хотѣлъ. Этотъ смѣлый воинъ, когда государь при личномъ допросѣ изъявилъ ему удивленіе свое, что видитъ его въ числѣ мятежниковъ, отвѣтилъ откровенно, что, напротивъ того, онъ удивленъ видѣть предъ собою государя.—„Что это значитъ?"—„Вчера слишкомъ два часа стоялъ я въ двадцати шагахъ отъ вашего величества съ заряженными пистолетами, и съ твердымъ намѣреніемъ убить васъ; но каждый разъ, когда хватался за пистолетъ, сердце мнѣ отказывало".—Государю понравилось откровенное признаніе, и онъ приказалъ не сажать его въ казематы крѣпости, гдѣ мы всѣ содержались, но помѣстить его въ квартирѣ коменданта и дать ему хорошее содержаніе. Черезъ нѣсколько недѣль Булатовъ уморилъ себя голодомъ, выдержавъ ужасную борьбу: имѣя предъ собою хорошую и вкусную пищу, онъ сгрызъ ногти своихъ пальцевъ и сосалъ кровь свою. Эти подробности передалъ мнѣ плацъ-адъютантъ капитанъ Николаевъ, и прибавилъ: Булатовъ сдѣлалъ это отъ угрызенія совѣсти и глубокаго раскаянія. „Въ чемъ же онъ раскаивался, когда онъ никого не убилъ, и все стоялъ въ сторонѣ, какъ прочіе зрители?"—спросилъ я. „То Господу Богу Единому извѣстно!" — отвѣтилъ адъютантъ крѣпости [1]).

[1]) Записки декабриста, Б. Розенъ—тамъ же.

Въ этихъ строкахъ мы находимъ поразительную безпристрастность и правдивое объясненіе всей неудачи возставшихъ. Въ нихъ отмѣчается то необыкновенное психологическое состояніе мятежниковъ, которое всегда обращало и обращаетъ на себя вниманіе и которое не встрѣчается больше положительно нигдѣ--это именно незлобивость, безличность въ поведеніи возставшихъ,—безличность въ лучшемъ смыслѣ слова; и это только подчеркиваетъ, что возстаніе было поднято не во имя убійства, или цареубійства, не во имя смѣщенія дома Романовыхъ съ русскаго престола, а во имя права и закона.

Подумайте—представитель этого дома, тотъ, противъ котораго больше всего шли возставшіе, разговариваетъ съ ними, находится въ ихъ толпѣ, пользуется даже ихъ услугами и совершенно остается лично невредимымъ. Это ли не доказательство, что мятежники не желали убійства ради убійства, а желали дать русскому народу извѣстныя права.

Въ данномъ случаѣ мятежники представляли если не исключительное, то величественное явленіе—они были истинными рыцарями своей идеи.

Не меньше этого въ поведеніи возставшихъ поражаетъ всякаго та бездѣятельность, пассивность, съ которой они стояли на Сенатской площади. Несомнѣнно, причиной тому было отсутствіе опредѣленнаго плана и опытнаго и энергичнаго предводителя.

Отсутствіе плана сказывалось во всемъ и это погубило дѣло. Декабристы были неопытными учениками и много надѣялись на промыселъ Божій, на обстоятельства. *„Обстоятельства покажутъ что дѣлать“*—съ такими словами Рылѣева закончилось собраніе у него 13-го декабря вечеромъ—и въ этомъ выражался весь планъ заговорщиковъ, или вѣрнѣе это обнаруживало полное отсутствіе какого-либо плана. И въ этомъ заключалась роковая ошибка.

Не менѣе пагубно было отсутствіе руководителя. Имъ былъ назначенъ Трубецкой, но онъ 14-го декабря велъ себя крайне малодушно, чтобы не сказать позорно. Это даже ясно изъ его собственныхъ показаній слѣдственной комиссіи. Приведемъ ихъ дословно:

„14-го числа въ 10-мъ часу былъ у меня Рылѣевъ съ Пущинымъ (статскимъ),—показывалъ онъ,—какъ я прежде показывалъ; я имъ далъ прочесть манифестъ, за которымъ я посылалъ въ Сенатъ. Говорили, что знамена возвращаются изъ полковъ, и что, вѣроятно, ничего не будетъ, и послѣ того они уѣхали; выходя, Пущинъ мнѣ сказалъ: „Однакожъ, если что будетъ, то вы къ намъ придете?“ Я признаюсь, что я не имѣлъ духу просто сказать *нѣтъ*, и сказалъ: „ничего не можетъ быть, что жъ можетъ быть, если выйдетъ какая рота или двѣ?“ онъ отвѣчалъ: „мы на васъ надѣемся“. Рылѣевъ не слыхалъ сего разговора, онъ уже вышелъ въ сѣни. Послѣ сихъ словъ Пущина я сталъ болѣе бояться, что если они придутъ на Сенатскую площадь, то придутъ за мной, почему я и ушелъ изъ дому; взялъ извощика и поѣхалъ въ канцелярію дежурнаго генерала Главнаго Штаба его величества, чтобъ тамъ спросить, гдѣ мнѣ присягать, и если можно, то хотѣлъ тотчасъ присягнуть, надѣясь, что если, что будетъ или что откроется, то мнѣ поспѣшность моя къ принятію присяги во что-нибудь вмѣнится. Мнѣ сказали (кажется, старшій адъютантъ Яковлевъ). что присягать надобно притти на завтрашній денъ въ 11 часовъ въ залъ Главнаго Штаба; потомъ дали мнѣ манифестъ съ приложеніями, которыхъ я еще не читалъ, потому, что я имѣлъ манифестъ еще безъ приложеній, кои не были еще отпечатаны, когда я посылалъ въ Сенатъ. Я сталъ читать приложенія, между тѣмъ старшіе адъютанты проходили, здоровались со мной, спрашивали о здоровьѣ, разсужденій же я никакихъ не помню. Оттуда я пошелъ къ сестрѣ моей въ домъ Потемкина въ Большой Милліонной; она просила меня прочесть ей манифестъ и прочія бумаги. Отъ нея я пошелъ къ флигель-адъютанту полковнику Бибикову, котораго не засталъ дома, но засталъ его жену и брата; посидѣвъ съ ними и увидя, что уже первый часъ, я ободрился надеждою, что все уже кончено, что полки всѣ присягнули, и что все прошло тихо; тогда я поѣхалъ домой съ намѣреніемъ одѣться и ѣхать во дворецъ.

Выѣзжая на площадь съ Невскаго проспекта, я увидѣлъ что много народу на дворцовой площади и волненіе; я оста-

новился, увидѣвъ Скалона, который служитъ въ Главномъ Штабѣ и находится при библіотекѣ онаго, подошелъ къ нему спросить что такое. Онъ мнѣ сказалъ, что Московскій полкъ или баталіонъ, онъ сказалъ,—не помню,—кричитъ ура государю цесаревичу и идетъ къ Сенату, что вывели караулъ дворцовый и поставили у воротъ дворца, что выведенъ 1-й баталіонъ Преображенскій, и зарядили ружья. Я пошелъ во дворъ Главнаго Штаба и опять пошелъ въ канцелярію дежурнаго генерала, не зная, куда дѣваться; правитель канцеляріи Ноинскій спросилъ меня, не слыхалъ ли я чего, и отвелъ въ сторону. Я сказалъ ему слышанное отъ Скалона: пришелъ старшій адъютантъ (кажется Борщовъ), онъ повторилъ то же, Ноинскій сказалъ: „господа, подите туда, вы въ мундирахъ, вамъ надобно тамъ быть". И тогда мы вышли. Я не хотѣлъ итти на площадь и прошелъ дворомъ Главнаго Штаба въ Милліонную, не зная самъ, куда итти, и у воротъ канцеляріи г. Начальника Главнаго Штаба встрѣтилъ входящаго въ нихъ полковника Юренева, чиновника Гунаропуло и и еще одного человѣка, мнѣ незнакомаго; они имѣли видъ испуганный и зазвали меня съ собою: я взошелъ на лѣстницу, и вошелъ съ Гунаропуло въ канцелярію г. начальника Штаба, гдѣ никого не было. Онъ съ весьма испуганнымъ видомъ говорилъ мнѣ: „бѣда! Какая бѣда!" Московскій баталіонъ и множество народа прошли по Морской къ Сенату, я съ ними встрѣтился, бѣжалъ отъ нихъ, они кричатъ „ура!" императору Константину; говорятъ, убили Фридерикса. Послѣднее слово меня сразило; я почти упалъ на стулъ, едва могъ говорить, Гунаропуло вставалъ, садился, говорилъ все „ахъ! какая бѣда!" Послѣ предложилъ итти на площадь; мы вышли, но я, идучи, сказалъ ему, что я чувствую себя очень нездоровымъ, и зашелъ опять въ канцелярію г. дежурнаго генерала, гдѣ также говорилъ Ноинскому, что я очень нездоровъ.

„Пришелъ Случевскій, старшій адъютантъ, который звалъ меня итти на площадь къ Исакію, и говорилъ, что надобно оставить шинели, потому что тамъ государь императоръ, но я ему тоже сказалъ, что я очень нездоровъ, и зашелъ въ курьерскую, гдѣ сидѣлъ одинъ въ большомъ уныніи и страхѣ;

изъ оной вошелъ опять въ канцелярію, спросилъ, гдѣ Ноинскій, мнѣ сказали, что въ залѣ квартиры дежурнаго генерала; вошелъ туда, гдѣ нашелъ его съ подполковникомъ Себиндеромъ, который пришелъ съ площади и который разсказывалъ, что тамъ происходитъ. Я спросилъ, можно ли пройти на Англійскую набережную не мимо бунтовщиковъ, что я въ большомъ безпокойствѣ о женѣ; онъ мнѣ отвѣчалъ, что: „ничего, можно очень пройти и мимо ихъ даже, они всѣхъ пропускаютъ, ѣздятъ даже, они только кричатъ „ура" Константину Павловичу и стоятъ отъ одного угла Сената до другого". Тогда я надѣлся, что жена моя выѣхала и что она можетъ быть у сестры моей, куда я и поѣхалъ, взявъ извощика".

Подобное поведеніе диктатора въ самую критическую минуту имѣло, несомнѣнно, пагубное дѣйствіе.

Однако и помимо его можно найти массу странностей, которыя были совершены возставшими. Одно изъ нихъ, напримѣръ, никакъ нельзя ни объяснить, ни оправдать—это поступокъ барона Розена. Онъ заключается въ томъ, что ему удалось увлечь за собой часть роты, привести ее на площадь, но онъ поставилъ солдатъ въ такое положеніе, что они совершенно оказались безполезными. Этотъ случай довольно подробно разсказанъ самимъ Розеномъ и поэтому мы лучше приведемъ это мѣсто изъ его записокъ цѣликомъ.

«Народъ, пишетъ онъ, со всѣхъ сторонъ хлынулъ на площадь; полиція молчала. Войска еще не было никакого съ противной стороны. Поспѣшно поѣхалъ въ Финляндскія казармы, гдѣ оставался только нашъ 1-ый баталіонъ, куда только что успѣлъ воротиться мой стрѣлковый взводъ по смѣнѣ изъ караула въ Галерной гавани. 2-ой нашъ баталіонъ въ этотъ день занялъ караулы по 1-му отдѣленію во дворцѣ и въ городѣ, 3-й баталіонъ по очереди зимовалъ за городомъ по деревнямъ. Прошелъ по всѣмъ ротамъ, приказалъ солдатамъ проворно одѣться, вложить кремни, взять патроны и выстроиться на улицѣ, говоря, что должно итти на помощь нашимъ братьямъ. Въ полчаса выстроился баталіонъ, подоспѣли офицеры; никто не зналъ, по чьему приказанію выведенъ былъ баталіонъ. Адъютанты скакали безпрестанно,

одинъ изъ нихъ прямо къ бригадному командиру Е. А. Головину, съ приказаніемъ отъ корпуснаго Войнова вести баталіонъ. Мы тронулись ротными колоннами; у морского кадетскаго корпуса встрѣтилъ насъ генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій верхомъ, который государемъ посланъ былъ за нашимъ баталіономъ. Насъ остановили на серединѣ Исаакіевскаго моста подлѣ будки, тамъ приказали зарядить ружья; большая часть солдатъ при этомъ перекрестилась. Бывъ увѣренъ въ повиновеніи моихъ стрѣлковъ, вознамѣрился сначала пробиться сквозь карабинерный взводъ, стоявшій впереди меня, и сквозь роту Преображенскаго полка капитана Титова, занявшую всю ширину моста со стороны Сенатской площади.

«Но, какъ только я лично убѣдился, что возстаніе не имѣло начальника, слѣдовательно не могло быть единства въ предпріятіи, и не желая напрасно жертвовать людьми, а также не будучи въ состояніи оставаться въ рядахъ противной стороны,—я рѣшился остановить взводъ мой въ ту минуту, когда графъ Комаровскій и мой бригадный командиръ скомандовали всему баталіону:—впередъ!—взводъ мой единогласно и громко повторилъ: стой! такъ что впереди стоявшій карабинерный взводъ дрогнулъ, заколебался, тронулся не весь, и только личнымъ усиліямъ капитана А. С. Вяткина, не щадившаго ни ругательствъ знаменитыхъ, ни мощныхъ кулаковъ своихъ, удалось подвинуть этотъ первый взводъ. Баталіонный командиръ нашъ, полковникъ А. Н. Тулубьевъ, исчезъ, бывъ отозванъ въ казармы, гдѣ квартировало его семейство.—Дважды возвращался ко мнѣ бригадный командиръ, чтобы сдвинуть мой взводъ, но напрасны были его убѣждннія и угрозы.—Между тѣмъ я остановилъ не одинъ мой срѣлковый взводъ, за моимъ взводомъ стояли еще три роты, шесть взводовъ; но эти роты не слушались своихъ командировъ, говоря, что впереди командиръ стрѣлковъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ. Былъ уже второй часъ пополудни; по мѣрѣ увеличенія числа войскъ, для оцѣпленія возмутителей полиція стала смѣлѣе и разогнала народъ съ площади, много народу потянулось на Васильевскій островъ вдоль боковыхъ перилъ Исаакіевскаго моста. Люди рабочіе и разночинцы, шедшіе съ

площади, просили меня держаться еще часокъ и увѣряли, что все пойдетъ ладно. Въ это время вмѣстѣ съ отступающимъ народомъ, командиру нашей 3-й Егерской роты, капитану Д. Н. Бѣлевцову, удалось отвести свою роту назадъ, и перейти съ нею черезъ Неву отъ академіи художествъ къ Англійской набережной, къ углу Сенатской площади; за этотъ открытый и мужественный поступокъ Бѣлевцовъ награжденъ былъ Владимірскимъ крестомъ съ бантомъ; остальныя двѣ роты оставались за моимъ взводомъ. Слишкомъ два часа стоялъ я неподвижно, въ самой мучительной внутренней борьбѣ, выжидая атаки на площади, чтобы поддержать ее тремя съ половиною ротами, или восемью стами солдатъ, готовыхъ слѣдовать за мною повсюду» [1]).

Этимъ безполезнымъ ожиданіемъ Розенъ оказался внѣ театра дѣйствій и нисколько не помогъ возставшимъ, а между тѣмъ жестоко поплатился за свой поступокъ.

Объясняя отчасти этотъ поступокъ, знатокъ эпохи 20-ыхъ годовъ пишетъ: „Розенъ не былъ членомъ тайнаго общества, и воздѣйствію кружка Рылѣева подвергся лишь въ послѣдній мѣсяцъ и въ незначительной степени. Духъ времени и, быть можетъ, твердое сознаніе своихъ обязанностей по отношенію къ ближнимъ толкнули Розена на революціонный путь. Онъ не могъ противиться вѣяніямъ времени. Намъ не нужно искать особыхъ причинъ его участія въ дѣлѣ: онъ былъ рядовымъ декабристомъ. И со всѣми другими рядовыми декабристами Розена характеризуетъ половинчатость его чувствъ. У него хватило силы заявить себя революціонеромъ въ день 14-го декабря, но не хватило силъ примѣнить до конца революціонный методъ дѣйствій. Онъ возмутилъ свою часть роты, привелъ на площадь и ограничился тѣмъ, что удержалъ ее на одномъ мѣстѣ, и не осмѣлился двинуть ее на помощь возставшимъ» [2]).

Какъ бы ни было, но дѣйствія Розена надо отнести къ тѣмъ, которыя вызываютъ лишь недоумѣніе, а ими полны событія 14-го декабря.

---

[1]) Записки декабриста, 63—4 стр.
[2]) Записки декабриста, стр. VI.

Напримѣръ тотъ же поступокъ Панова, съ тремя ротами бывшаго во дворѣ Зимняго дворца. Всѣ единодушно признаютъ, какой опасности подвергся бы дворецъ и вся императорская семья въ случаѣ, если бы онъ вздумалъ воспользоваться удобнымъ своимъ положеніемъ и захватить въ свои руки дворецъ. И однако онъ не сдѣлалъ этого! Спросите, почему?..

Именно потому, что это былъ первый починъ, потому, что мало быть энтузіастомъ. Революція требуетъ еще и тактики; ей нужны средства и умѣніе ими пользоваться. А у возставшихъ именно этого то и не хватало. Конечно, здѣсь не приходится ихъ за это судить—ихъ память чиста, понесенныя ими страданія велики,—но выяснить мы должны и не наша вина, что многое должны поставить на минусъ?

Конецъ І-ой части.

